

Ирина
ЭРЕНБУРГ

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Гала и Элюар
Счастливый соперник
Сальвадора Дали

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Ее настоящее имя было Елена Дьяконова, она не отличалась красотой и не обладала большим состоянием, так что жизнь не сулила девушке ничего хорошего... К тому же врачи поставили ей страшный диагноз — туберкулез. На последние деньги мать отправила ее на лечение в Швейцарию. Никто не знает, где и как произошло чудо: нескладная девочка исчезла, на свет появилась женщина-легенда с таинственным именем Гала... Муза и главная героиня картин Сальвадора Дали. Но их встреча еще впереди. Она покорила поэта Элюара, скульптора Макса Эрнста и многих, многих других. Но ни для кого из них не была просто любовницей или женой. Гала вела за собой, вдохновляла и сводила с ума. Кто она — ангел или демон? Тайна Гала не разгадана до сих пор...

- Ирина Эренбург

- ☐ I
- ☐ II
- ☐ III
- ☐ IV
- ☐ V
- ☐ VI
- ☐ VII
- ☐ VIII
- ☐ IX
- ☐ X
- ☐ XI
- ☐ XII
- ☐ XIII
- ☐ XIV
- ☐ XV
- ☐ XVI
- ☐ XVII
- ☐ XVIII
- ☐ XIX
- ☐ Послесловие
- ☐

Ирина Эренбург

Гала и Элюар

Счастливый соперник Сальвадора

Дали

Вжавшись пылающей щекой в подушку, Галя лежала без сна на жесткой полке вагона. Поезд уносил ее сквозь пелену падающего снега, прочь из Москвы, прочь из обыденного существования, прочь от скуки, пошлости, болезни. Ее сердце вторило стуку колес, заставляя пульсировать кровь в венах. Ей представлялось, как мать неспешно поднимается в ее комнату, останавливается на пороге, оглядывая скудно обставленное помещение с кроватью, письменным столом, шкафом, полным книг, и застывает в недоумении — на стене, где висят фотографии в деревянных рамках, сочными пятнами заплаты из квадратов обоев. Мать подходит ближе, чтобы угадать, какие из фотографий старшая дочь взяла с собой в дальнюю дорогу, и вдруг замечает, что исчезли иконы. Вздох облегчения вырывается из ее груди.

— Храни тебя Бог, — шепчет она и осеняет себя крестом.

Своим внутренним взором Галя во всех подробностях видела, как жесткая складка материнского рта расслабляется, морщинки разглаживаются, линия плеч становится покатой, будто тяжелая ноша наконец-то сброшена. Галя всегда чувствовала, что для матери она была обузой, источником раздражения, непонятной, чуждой и оттого нелюбимой дочерью.

Сама же Галя давно поняла, что она — особенная. И не потому, что у нее были темные ночные глаза в тени густых, загибающихся к векам ресниц. И не из-за порывистых движений ее легкого тела. И даже не из-за двойственности имени — отец дал ей имя Елена, а мать звала ее Галей. Просто она видела, слышала, обоняла иначе, чем другие. То, что ее братьям, матери, отцу казалось обыденным, неинтересным, не стоящим внимания, для нее было целым событием, открытием — откровением. Она могла часами неподвижно лежать на кровати, вдыхать льющийся через распахнутые настежь окна запах чисто вымытой быстрым летнем дождем листвы и мечтать, глядя, как тени, тысячекратно перекрещиваясь, составляют причудливые узоры на потолке. Ее посещали видения, похожие на сны. Или сны, похожие на видения?.. Она пыталась рассказать матери о том, что для нее было важным: об эльфах, приходящих к ней, когда она закрывала глаза, о шелесте их крыльев. о голосах, приносимых ветром... Мать прерывала ее на полуслове, взгляд ее таких же, как у дочери, уходящих в черноту глаз становился колким, лицо каменело. Только один человек слушал ее рассказы с интересом, находил для нее нужные, ободряющие слова, одаривал мягкой,

доброй улыбкой... Впервые Галя сделала для себя открытие: тот, кто не связан с ней узами крови, может быть ближе, понятней, родней.

Больше всех на свете она любила отчима, и Дмитрий Ильич Гомберг был нежен и ласков с нею. С того самого момента, как мать вторично побывала под венцом, Галя стала называть Дмитрия Ильича папой, и в ее документах значилось: Елена Дмитриевна Дьяконова.

...По задернутым шторам пробежали яркие вспышки света, вырывая ее из задумчивости. Ночная рубашка, больше похожая на одеяние монахини, сжимала ее девичью грудь, подол обволакивал, стягивал ноги, словно пелена тяжелой воды, западая между бедрами оттого, что она никак не могла успокоиться и вертелась на своей узкой вагонной полке.

Ее знобило, хотя вагон был хорошо натоплен. Ее тело помнило последнее крепкое объятие отца на перроне, ободряющее похлопывание по спине его большой теплой ладони, жаркий шепот:

— Запомни одно: ты моя красавица, ты больше, чем красавица. В тебе есть то, за что миллионы женщин отдали бы все на свете. И ты сильная. Ты даже не подозреваешь, какая сила кроется в тебе. Ты справишься со всеми трудностями. Ты чудесная девушка. Чудесная, удивительная, необыкновенная. Запомни это на всю жизнь.

Он взял ее за плечи и, не отнимая рук, отодвинул ее от себя, заставил посмотреть прямо в его лицо. Галя словно впервые увидела его глаза — серые, как московское небо, с проблесками еле уловимого орехового оттенка, добрые и ясные. И пока она смотрела на него, выражение его глаз изменилось, стало темнее и глубже. Словно мягкой пеленой окутал ее этот полный любви взгляд.

— Ты не такая, как все, — с силой выдохнул он, — запомни, ты — особенная.

От того, что он угадал ее непохожесть, Галя вмиг поверила его словам. И все, что дальше он говорил, воспринималось ею как заклинание, как молитва.

— Для тебя это путешествие — замечательный шанс познать саму себя, — убедительно говорил отец. — Как узнать, кем ты являешься на самом деле, кто такая, в чем твоя исключительность? Только наблюдая, сравнивая, анализируя. А для этого нужно выйти за пределы обыденности. Только через других людей можно узнать самих себя. Ты увидишь другие края, узнаешь иных людей, нежели ты привыкла видеть рядом с собой.

Твои новые знакомые будут разными. Чаще равнодушными, глупыми, ненужными. Но будут и такие, что удивят тебя. Клавадель — интернациональное место. И это хорошо. Ты сможешь проверить свой немецкий. У вас в гимназии немецкий язык давали на уровне. У тебя будет прекрасная языковая практика. Наверняка в Клаваделе будут и французы. Узнаешь, хороши ли были уроки нашей Жюстины.

Отец подмигнул ей. Он подтрунивал над их служанкой. Средних лет простая женщина из швейцарской деревни серьезно относилась к своей роли учительницы французского языка для приемной дочери хозяина дома, московского адвоката Гомберга.

— Я уверен, болезнь уйдет, ты ее победишь. Сделай все, чтобы выздороветь. Пусть другие думают, что болезни стоит бояться. Бояться ничего не нужно. Страх разрушает больше, чем любые бактерии. Ты у нас смелая. Самая смелая девушка на свете. И самая красивая... милая, милая. — Он снова крепко прижал ее к себе. В объятиях отца Галя чувствовала нечто волнительное, как в полетах на качелях: захватывает дух, сердце стучит гулко, подкашиваются колени. Сердце ее бьется толчками, она теснее прижимается к отцу, кладет голову ему на грудь, стремясь поделиться хоть частичкой горячей благодарности, переполняющей ее душу.

Узкая ладонь опустилась ей на плечо — так просто и все же так неожиданно. Галя отпрянула от отца и встретила взглядом матери. Ее рука соскользнула с плеча дочери, мать пытается улыбнуться, но улыбка выходит напряженной, вымученной. Своим женским чутьем она угадывала, что в жарком, искреннем объятии — признание в любви по-настоящему близких людей. Насколько близких?.. Сердобольного отца и приемной дочери? Стареющего мужчины и юной, не знающей еще своей силы расцветающей женщины?..

Галя не осознавала, но чувствовала — в сердце матери поселилась ревность. Ревность женщины, у которой слишком многое осталось в прошлом, к своей так внезапно повзрослевшей дочери.

— Будь осторожной, береги себя, — сказала мать вымученно. — Слушай врачей, не простужайся. У Клаваделя наилучшая репутация. Ты знаешь, Дмитрий Ильич сделал все возможное, чтобы отправить тебя в дорогой санаторий. Говорят, в Швейцарии лечат хорошо, и воздух, и медперсонал, и врачи — самые лучшие. Ты не сомневайся, ты обязательно поправишься. Скорее всего, пребывание в санатории тебе предстоит длительное, может, полгода, может, год или больше. Сколько нужно... Ты знаешь, мы не богаты, но для тебя, чтоб ты

выздоровела, Дмитрий Ильич продал свои ценные бумаги... Денег немного, но тебе должно хватить. Ты не сердись, что я не могу тебя сопровождать — Лиза еще требует много внимания, да и дом я не могу оставить. Мы едва нашли средства, чтобы тебя одну направить в санаторий. Зато самый лучший...

Сквозь монотонный стук колес Гале вспоминались последние материнские слова, сказанные на перроне: о том, что она должна помнить о жертвах, которые ради нее принесла вся семья; все — братья, младшая сестра, она и Дмитрий Ильич — все они любят ее и будут ждать возвращения. Галя помнила бледное от морозного воздуха лицо матери и думала: отныне ей суждено одиночество. И все ж отчасти это было уже знакомое ощущение — отлучение от семьи, и в то же время чувство причастности к иному миру, пока ей неизведанному, по столь притягательному. Галя уже была заражена вирусом если не роскоши, то достатка, который царил в доме университетского профессора Ивана Владимировича Цветаева, где она провела множество блаженных часов в обществе своей подруги Аси. Гале была близка и понятна жизнь, что не знает благоговения перед накоплениями «про черный день», где деньги превращаются в красивые платья, новые книги, путешествия. Марина Цветаева, старшая сестра Аси, в свои шестнадцать без сопровождающих, в одиночку отправилась в Париж. Смелый поступок молодой поэтессы, которая была столь же экстравагантна, сколь и талантлива, стал для Гали уроком. Отныне она тоже постарается освободиться от пут обязательств перед семьей, она подвластна только своим чувствам, только своему сердцу. Она будет жить так, как будто у нее нет прошлого.

Прошлое... Далекое детство в Казани, смерть родного отца, вторичное замужество матери, переезд в Москву. Игры, забавы и особенно любимые ею книги. Множество выдуманных историй, которые скрашивали тягостные дни, проведенные в постели. Господь не дал ей крепкого здоровья, а некоторое время назад врачи огласили безжалостный вердикт — туберкулез, страшная неизлечимая болезнь. Врачи утешают — ее болезнь в зачаточном состоянии. Но Галя знает — она приговорена! От чахотки умерла ее одноклассница. Болезнь отобрала мать у Аси Цветаевой.

Галя помнила, как изменилось лицо ее близкой подруги, когда в смятении она сообщила ей о своей болезни — словно невидимая преграда встала между ними, черты лица Аси окаменели, взгляд ушел вглубь. На смену близости пришла отчужденность. Галя почувствовала себя прокаженной, отринутой, преданной и в то же время понимала и прощала. Ася заслонила себя от боли. Чахотка отняла у нее мать, очередь за

ней, ее подругой.

Мысль о неизлечимой болезни, что побудила ее к дальнему путешествию, заставила вмиг похолодеть ее руки, ступни ног. Они начали мелко дрожать. При мысли о болезни и возможной скорой смерти в ней поднималось возбуждение, подобное тайфуну, готовое поглотить все ее мысли, все чувства, кроме темного, грозного ужаса перед неизвестностью. В ней росла необоримая жалость к себе, такой юной, хрупкой и беззащитной перед неизбежным. И в то же время она никак не могла представить, что ее вдруг не станет. Не будет ни ее хрупкого тела с безупречно-гладкой кожей, не будет ее рук с красивыми длинными пальцами и идеальной формы закругленными полумесяцем ногтями, не будет ни тонкого носа, ни губ, ни вытянутых ушных раковин с мягкими, чувствительными мочками. Ее, устремленной в будущее, полной жажды жизни, НЕ БУДЕТ! Нет, это невозможно себе представить. Что значит не быть, не жить, не дышать, не ощущать — она не знала, и не хотела знать. При слове «смерть» перед ней возникала картина московского кладбища, куда они с Асей и Мариной ходили на могилу их матери.

— Она умерла не от чахотки, от нелюбви, — тогда сказала Марина.

Эти слова, как и удушливый запах мелких белых цветков на соседней могиле да стрекот сверчков в кустах у кладбищенской оградки, прочно осел в ее памяти. Чувство долга перед уважаемым, но нелюбимым мужем свела Марию Александровну в могилу. Мать Аси и Марины любила не их отца — подруга ей много о том рассказывала и даже показывала мамин дневник с вырванными страницами, посвященными загадочному мужчине, которого и сама Мария Александровна, и ее дочери называли Тигром.

Тогда, около могилы Марии Александровны Цветаевой, Галя дала себе клятву: никогда не отречься от своих чувств даже ради самых благих намерений, ради приличий, принятых в обществе. Любовь нельзя отвергать даже ради семейного долга.

Любовь... Как часто они с Асей говорили о любви, вместе мечтали, смеялись над первыми поклонниками. Галя, вслед за сестрами Цветаевыми, даже пыталась писать стихи. Но слова подчинялись ей неохотно, не хотели строиться в ряды строк, не складывались в рифмы; ей было проще найти в чужой поэзии отражение собственных чувств, нежели самой выразить то, что пока еще смутно зрело в ее душе.

Кто он — ее Богом выбранный возлюбленный? Кому ей суждено стать спутницей жизни? Образ любимого представлял перед ее мысленным взором в разных облициях. То это был юноша с крепкими объятиями и взглядом с поволокой, с которым она танцевала на рождественском балу, или друг брата, гостивший в их доме в дни зимних каникул.

Алексей познакомил ее с первыми чувственными наслаждениями — пугающими и влекущими одновременно. При воспоминании о крепких, требовательных руках, расстегивающих пуговицу за пуговицей ее корсажа, о мокрых, мягких губах на своей коже, о смелых ласках в ее груди вздымалась темная, горячая волна и, затопив сердце, огнем разливалась по жилам. Но чаще всего она представляла себя в объятиях зрелого мужчины, многими чертами похожего на ее приемного отца.

Галя погрузилась в воспоминания. Она помнила, как нежилась в теплой, благоухающей розмарином воде в ванной комнате. По едва ощутимому напряжению, которое повисло в воздухе, она поняла, что не одна. Отодвинув полотняную шторку, она встретила взглядом с отцом. С мелкими бисеринками пота на висках, с раздувающимися, как у лошади перед стартом, ноздрями, он смотрел на нее. Раньше она никогда не видела или не замечала у него подобного взгляда, странного и волнующего. Когда она поймала его полный вожделения взгляд, то отвела глаза и увидела свое отражение в зеркале. Внезапно она увидела себя такой, какой, вероятно, видел ее он: волнистые влажные волосы, струящиеся по плечам, округлые груди с выпирающими острыми сосками, мягкие колени, двумя бугорками выглядывающие из-под воды. Она испытала непонятную радость и гордость за то, что она так молода и хороша собой, но в инстинктивном порыве целомудрия одна ее рука сама собой окунулась в воду и юркнула между бедер, другая закрыла грудь...

Монотонный стук колес и покачивание вагона наконец растворили ее воспоминания в стремительном потоке быстрых, неуловимых сновидений.

Дорога была долгой, с несколькими пересадками и пересечением границ. Галя выходила на станциях, гуляла по перронам, заходила в буфеты, обедала в привокзальных ресторанах. Она все реже возвращалась мыслями в прошлое. Поездка в одиночестве заставила сконцентрировать все свои силы. Простые решения, стоит ли принимать приглашение посетить соседнее купе, чтобы скоротать время игрой в карты с пожилой дамой, или как отвязаться от компании надоевшего

попутчика, давались ей с трудом. Она скучала в уединении своего купе, но, с другой стороны, быстро уставала от пустых разговоров. Встречи со случайными людьми стали хорошей иллюстрацией отцовской правоты: она убедилась, что люди в большинстве своем ограничены и невежественны, обуреваемы гордыней, самолюбивы и лживы.

* * *

Галя вздрогнула от внезапного стука в дверь. В купе вошел высокий мужчина и произнес несколько слов на французском языке, затем повторил громко и отчетливо на немецком. Прошло несколько мгновений, прежде чем Галя поняла, что этот человек в форме просит показать паспорт. Жандарм взял из ее твердых пальцев документ, оглядел пассажирку сверху вниз, будто искал изъяны в ее дорожном костюме цвета побуревшего от дождя речного песка.

— Вы русская? Едете одна, без сопровождающих?

Галя без видимых усилий выдержала вопрошающий взгляд. Она уже привыкла, что все, кто заводил с ней разговор, с недоумением или с осуждением отмечают ее одиночество. Сначала это Галю раздражало, но повторение одного и того же вопроса в разных вариантах от разных людей заставило ее смириться. Действительно, не так часто можно встретить девушку в семнадцать лет, путешествующую в одиночку.

— Да, я подданная Российской империи. Путешествую одна, — ответила она на немецком.

— Цель поездки?

— Отдых. Я еду на курорт, — не дрогнув, ответила она. Отчего-то ей захотелось казаться не больной туберкулезом, приехавшей на лечение в санаторий, а скучающей путешественницей, променявшей студеную русскую зиму на легкий морозец швейцарских Альп.

— Приятно провести время. Надеюсь, вам у нас понравится.

Галя одарила жандарма сдержанной улыбкой, и он, небрежно откозыряв, закрыл за собой дверь, как ей показалось, осторожнее, чем открывал. Спрятав паспорт в сумочку, Галя присела к окну, и невольный вздох восхищения вырвался из ее груди: на горизонте, окаймляя опушенную туманом равнину, необъятным телом великана вздымалась каменная громада горы. Солнечные лучи утреннего солнца превратили ледники на вершине в расшитое бриллиантами одеяние. Ее взгляд с восторгом остановился на гранитном склоне с ледяным орнаментом. Поезд мчал ее вперед,

открывая все новые и новые горизонты. Вот водопад, рассыпающий миллиарды брызг и низвергающий свои воды в долину. Кажущиеся игрушечными изящные домики подобно птичьим гнездам уютно устроились в расщелинах. Белоснежные остроконечные вершины изысканными опорами поддерживают крышу изумительной голубизны небесного шатра.

Великолепие природы заставило сердце девушки учащенно биться, в ее душе дали ростки новые ощущения, посеянные могучей силой странствий. Ни единой мыслью Галя уже не цеплялась за прошлое. Были забыты отец и мать, занесенный снегом дом на Трубниковской, где на шестом — последнем — этаже снимала квартиру семья Дьяконовых-Гомбергов, забыты озноб и дрожь, тоска и страх перед неизлечимой болезнью. Галя испытывала такое наслаждение, такую радость, что от печальных мыслей не осталось и следа. Многодневное путешествие в одиночку вырвало ее с корнем из прошлой жизни, тысячи километров, отделявшие ее от родного дома, исподволь переориентировали сознание: от прошлого к будущему, от опутывающих обыденных обязательств к ощущению безбрежности свободы.

Восторженная радость сопровождала ее вплоть до Ландкварта, небольшой альпийской станции. Но когда она пересела в вагон узкоколейки и маленький мощный паровозик потащил состав вверх по скалистой дороге, все ее силы, казалось, иссякли. Она откинулась на спинку обитого серым сукном сиденья и закрыла глаза. Усталость притянула к себе страх. Мысли, мелкие и боязливые, вертелись вокруг одного: что ждет ее на конечной станции? Кто и как будет ее встречать, как будет выглядеть ее новое жилище, какие люди будут ее окружать, чем наполнятся ее будни? Ей панически захотелось назад, к привычной московской жизни, в которой все, до последней детали, ей было известно, где распорядок дня диктовался ритуалами обыденности. Все на свете она отдала бы, лишь бы рядом с ней был кто-то из родных: папа, мать, брат или сестра, подруга... Все они уверяли ее в своей любви и никто — никто! — не нашел возможности скрасить одиночество ее пути. Обида волной захлестнула ее, смыла память о том, как она сама заверяла отца, что не боится долгого путешествия и не нуждается ни в чем сопровождении.

Поезд, вздрагивая на стыках, неспешно полз вверх. Разум говорил ей, что не стоит сетовать на судьбу, заставившую ее пуститься в столь дальнейшее путешествие в одиночку, сердиться на родных, оставшихся в привычной и такой для нее далекой московской жизни.

Слезы обожгли ей глаза. Галя прислонила лоб к холодному стеклу окна, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Она должна держать себя в руках. Еще немного... Вот только доберется до места, закроет за собой дверь своего нового пристанища и тогда...

Раздался протяжный тревожный свисток паровоза, как будто ее щемящее одиночество воплотилось вдруг в звуке, и вмиг ее окутала тьма. Когда поезд вынырнул из тоннеля, она уже взяла себя в руки. Она одна, и ей некому препоручить себя.

— Уже скоро, готовьтесь, — как будто угадав ее мысли, раздалось рядом, — Давос-Плац.

Галя надела мантию — материнскую шубу из шкурок белки с кроличьими манжетами, изящно маскирующими потертости на рукавах, — и, взяв в руки дорожную сумку, пошла к выходу.

Галя неторопливо спустилась с высоких ступенек вагона и, размеренно цокая подбитыми железными набойками каблучками, пошла по перрону: спина прямая, плечи развернуты, темные глаза горят огнем. Изящной фигурой, угадывающейся под широкими полами мантии, она невольно привлекала к себе внимание. Галя кажется уверенной в себе и в своем будущем молодой девушкой. Кто бы знал, как учащенно бьется ее сердце, как волнение холодным обручем сдавливает грудь!

Она подошла к человеку в форме.

— В Граубюнден, — сказала она отчетливо.

— Какой отель?

Улыбка тронула ее губы — этот постоянно встречающий пассажиров вокзальный служащий принял ее за путешественницу. Добрый знак, — подумала она и четко произнесла:

— Клавадель. Санаторий. Елена Дьяконова. Меня должен ждать экипаж.

Служащий вокзала уверенным жестом направил ее к мужчине в добротной ливрее и фуражке с галунами. Одного взгляда на человека в ливрее было ей достаточно, чтобы понять, что санаторий, куда она направляется, должен отличаться особым комфортом.

Он попросил у нее багажную квитанцию и указал на желтый кабриолет.

— Вещи получите прямо в санатории, а сейчас поспешите, успеете прямо к ужину.

Следуя его указаниям, она направилась к каменистой площадке, где, понурив головы, стояли запряженные гнедые.

— Элен Дьяконофф? — Вытянув шею, возница повертел головой, будто ждал еще кого-то. — Вы одна? — удивленно пробормотал он.

— Теперь с вами.

Возница вдруг весело сверкнул белоснежными зубами.

— Такая юная и такая смелая. Правду говорят, что русские девушки — самые смелые. У нас вам понравится, обязательно поправится, — зачастил он и с удовольствием отметил, как недовольное выражение на ее лице сменила благодарная улыбка. — Присаживайтесь, домчу вас в момент.

Он открыл дверцу. Расстегнув верхние пуговицы манти, она откинулась на спинку сиденья и, прикрыв глаза, застыла в неподвижности.

— Вам плохо?

— Нет, нет... Не знаю. Странно как-то. Голова кружится.

Ее голос — ровный и музыкальный — снова вызвал на лице возницы доброжелательную улыбку.

— Это от нашего воздуха. Поначалу многим здешний воздух кажется странным. Потом привыкают. Впервые у нас?.. — спросил он, чтобы успокоить ее разговором. На его взгляд, эта хрупкая девушка нуждалась в его поддержке. — В вашем возрасте очень многое впервые. Но все же смею предположить — дальние поездки для вас не новы. Где-то до нас вы... — он хотел сказать «лечились», но выбрал нейтральное слово «бывали». — Где-то до нас бывали?

— Мне нравится отдыхать на море, — серьезно ответила Галя. — Я люблю море и горы. Почти каждое лето мама снимает дом на берегу моря. В Ялте у нас есть любимое место. Но сейчас в Крыму слишком холодно и влажно, шквалистые ветра. А здесь бывает сильный ветер?

— Не беспокойтесь, у нас хороший климат. Не даром же со всего света приезжают: из Австрии, Дании, Германии... Из России тоже.

— Надеюсь, мне здесь понравится.

Он закрыл дверцу, но успел заметить на ее лице мимолетную улыбку.

Возница покачал головой, она не была похожа на обычных больных: не было в ней печати обреченности, что чаще всего угадывалась на лицах больных туберкулезом; девушка несла в себе какую-то потаенную радость. Как будто впереди у нее не долгие томительные и скучные в своем однообразии дни, а удивительные приключения, сулящие волшебные открытия.

— К тебе можно?

Галя оторвала взгляд от книги. На пороге стояла Лида. Будущая наследница купеческих миллионов была первым человеком, с которым Галя познакомилась в санатории. Лида стала для Гали наставницей, введшей ее в тесный мирок жизни этого прибежища для больных чахоткой, расположившегося посреди хвойного леса на заснеженной вершине.

Альпийский санаторий своей отделенностью от большого мира был похож на роскошный лайнер, бороздящий просторы океана, а пациенты — на пассажиров, проводящих время в роскоши, пока не достигнут долгожданного конечного пункта — выздоровления. Этой цели в санатории было подчинено все. Подъем в восемь утра, прием обильной калорийной пищи, долгие прогулки, дневной сон на открытой террасе. Ровно в десять все пациенты должны быть в своих комнатах. Снимаются последние показания термометров, выключается свет и наступает ночной отдых. Отдых, как и усиленное питание и насыщенный кислородом воздух, — главное условие успешного лечения, предписанного доктором Бодмером своим пациентам. Страдания под запретом, сильные эмоции — строжайшее табу, радость дозирована редкими концертами, небольшими прогулками и изредка танцами и маскарадами.

В окружении светлых стен, в золотистом прозрачном воздухе, несущем запах формалина, спирта и хвои, лениво и вяло течет время. Тишина, словно паутина, немыслимая в этом стерильном пространстве, опутывает все вокруг. Еле слышное тиканье висящих в холле настенных часов, с каждой секундой откусывающих кроху от вечности, скорее усыпляет сознание, нежели напоминает о необходимости действовать. Остается только предаваться грезам. Русские девушки делают это с упоением. Галя погружается в чтение, Лида поглощена своими мечтами.

В первый же день знакомства, хотя поблизости никого не было, Лида приблизила свои полные сухие губы к уху новой приятельницы и поведала свою «страшную тайну». В далекой провинциальной чайной столице ждет ее возвращения тайный жених. Сообщив об этом, она потащила Галю в свою комнату и, достав объемную, обвязанную розовой ленточкой пачку, заговорщически прошептала:

— Это от него.

И тут же, будто стесняясь своей переписки, спрятала письма

обратно в стол и начала показывать ей фотографии: причудливый двухэтажный дом, похожий на инкрустированную шкатулку, серьезные лица, отмеченные общими с Лидой семейными чертами — крупным носом, светлыми до прозрачности круглыми глазами, большим ртом.

— Папа, брат, кузен, тетя... Это служащие управления. — По особой интонации, по тому, как дрогнула ее рука, Галя поняла, что последний снимок она должна разглядывать с особым тщанием.

— Этот?.. Ах, какие у него чудные глаза. Это твой? — Наобум Галя указала на молодого человека в первом ряду с вьющимися непослушными волосами и смелым взглядом. Лицо Лиды вдруг пошло пятнами, крупные зубы прикусили губу, а Галя, как будто не заметив ее волнения, небрежно отложила карточку.

— Как ты знаешь?

Галя пожала плечами.

— Нет, ты скажи! Почему ты указала на Мишеньку?

— Очень интересный молодой человек. Невооруженным взглядом видно, вы созданы друг для друга.

Лида не угадала иронии, и вскользь брошенная фраза стала для Гали проклятием. С того времени Лида буквально не отходила от нее. За обедом они сидели за одним столом, их кровати во время послеобеденного отдыха стояли на расстоянии локтя. Куда бы Галя ни пошла, Лида, как на поводке, следовала за ней: на террасу, в библиотеку, в зимний сад. И говорила, говорила, с наслаждением выплескивая слова.

Сначала Галя пыталась поддерживать разговор, но вскоре поняла, что это совсем необязательно. Она слышала ее бормотание, не слушая; они были рядом и в то же время далеко друг от друга, погруженные каждая в свои мысли.

* * *

В два шага Лида преодолела расстояние от двери до стула, села. В льющемся из окна ярком свете она выглядела особенно бледной. Зеленые глаза затянуло ряской, впадины щек стали глубже, скулы заострились. В ней не осталось ничего похожего на то наивно-восторженное создание, каким Галя ее знала с первых дней их знакомства. Еще за завтраком Лида казалась веселой и беззаботной, болтала о скорой поездке домой и своим отложенном до выздоровления замужестве.

— Ты слышишь? — спросила Лида шепотом и скрестила ладони на своей груди. Лучи солнца заиграли гранями аметиста

на перстне. Галя невольно отметила, что этот перстень она видит впервые, до этого безымянный палец левой руки подружки украшало тоненькое колечко с камушком из бирюзы, вероятно, незатейливым подарком небогатого жениха. — Ты слышишь? — повторила она так же тихо.

— Что я должна услышать? — ответила Галя, стараясь придать голосу теплые оттенки.

— Тук-тук-тук. Трам-там-там. Трах-бабах. И снова... И опять...

Галя прислушалась. Кроме шумного дыхания Лиды — ничего, ни единого звука.

— Я ничего не слышу.

Лида подошла вплотную, присела перед ней, положила свои руки ей на колени.

— А теперь? Неужто ты ничего не слышишь? Не чувствуешь?

— Ничего, — ответила Галя, не отрывая взгляда от ее бледного, будто выстиранного с щелоком лица.

— Ты не слышишь? Моя самая близкая подруга! Не обманывай. Ты должна слышать. У меня такое чувство, что мое сердце как мяч. Большой, горячий. Таким мячом, мы играли в детстве. Подбросишь — мяч бух о стенку, гулко так, громко. Тук, тук, тук.

— Я не понимаю тебя.

— Я себя тоже не понимаю. Я вообще больше ничего не понимаю.

Лида встала с колен и быстрым шагом пошла к выходу. Некоторое время она постояла перед закрытой дверью.

Лида вдруг резко обернулась. В лице решительность — будто перед прыжком.

— Кузина прислала открытку. Хочешь посмотреть?

Порывистым движением она достала из кармана плоский прямоугольник картона, протянула Гале.

На открытке были изображены два херувима, держащие в руках золотистый свиток с надписью «Желаем счастья».

— Миленько, — выдавила из себя Галя.

— Прочти.

— Послание на французском?

Лида перевернула открытку, и Галя заметила, что текст написан по-русски.

— С каких пор ты перестала понимать кириллицу?

— Я не читаю чужих писем, — раздраженно сказала она.

— Не говори так! Ты не чужая, ты посвященная. Читай! Пожалуйста...

Галя пробежала глазами по строкам. Ничего необычного,

стандартное послание от родственницы. Кто-то вышел замуж, кто-то отправился в путешествие. И подпись: «Целую, обнимаю, любящая тебя твоя кузина Лера, отныне и вовеки Левицкая».

— Разве можно так? — Лида выхватила открытку и вдруг одним движением разорвала пополам, бросила под ноги, начала топтать. — Ложь, ложь, ложь... Кругом одна ложь! Как она могла со мной так поступить! — кричала она. В этом яростном крике слышалось желание избавиться от переполняющей ее боли, необходимость протеста. Лида неистово, как беспомощный в гнев ребенка, топала ногами и продолжала кричать, — Это несправедливо. Нечестно. Что мне теперь делать? Как жить? Я сойду с ума... Помогите мне. Помогите!

Чтобы избавиться от неловкости и прекратить ее истерику, Галя привлекла Лиду к себе и ощутила, как гулко и часто, с перебоями бьется ее сердце.

— Я слышу, Лида, слышу, — торопливо заговорила она, — я слышу, как стучит твое сердце. Тук-тук-тук-тук... Да-да, наверное, как детский мячик.

— Не могу я так больше, не могу...

По впалым щекам одна за другой покатались крупные слезы, нос распух и покраснел, отчего Лида стала похожа на грустного клоуна.

— Давай не будем плакать, — с чувством превосходства спокойного человека сказала Галя. — Я тебя провожу в твою комнату. И не волнуйся, это вредно. Успокойся, пожалуйста.

— Да-да... Успокоиться?... Да-да... — Губы Лиды еще дрожали, но поток слез иссяк. — Я успокоюсь. Да-да... несомненно. Я чувствую, я успокоюсь... Нетрудно, совсем нетрудно. Спокойна, я совсем спокойна. Что случилось? Совсем ничего... ничегошеньки. Я тут, она там. Пусть будет так, как будет. Я ни при чем. Кто меня, больную, станет спрашивать?..

Это невнятное бормотание вывело Галю из себя.

— Что случилось-то, расскажи толком? То ревешь белугой, то блеешь овцой. Ничего не поймешь.

— Не поймешь... Ты не поймешь. Я тебе доверилась, а ты... Ты такая же, как они! — Глаза Лиды вспыхнули гневом. — Вы все меня предали, все, все, все... Не хочу тебя видеть больше. Никогда! Ты тоже свой нечистый глаз на Мишеля положила, угадала, кто на фотографии самый лучший. Я здесь почти год и никому не нужна. А ты только приехала, и все мужчины вокруг тебя, как пчелы на мед. Как будто я не заметила, как мсье Жилетт тебе глазки строит, все норовит то ручку подать, то за локоток поддержать. И молодой француз... как его? Мамаша все рядом с ним квохчет... Только на тебя и пялится, вот-вот дырку протрет.

Ты — ведьма, хоть и ангелом прикидываешься. Ненавижу тебя больше всех, ненавижу.

Как только дверь с шумом захлопнулась, Галю охватили нестерпимая тоска и желание скрыться, убежать, закрыться от ощущения угрозы. В ее груди словно встала стена, и она не могла набрать достаточно воздуха, чтобы восстановить дыхание. Она задыхалась. Ее спина, грудь, лицо мгновенно покрылись потом, и она почувствовала ненависть к Лиде, которая своей истерикой вызвала этот приступ, к себе, к своему телу, к Богу, который допускает страдания.

* * *

После экстренного вызова дежурной сестры ей назначили постельный режим. Пять раз в день прямо в комнату на подносе ей приносили еду, после завтрака и перед сном ее посещал врач. Не забывали ее и соотечественники. За две недели, проведенные в постели, она перезнакомилась со всем русским женским населением санатория. Только Лида не была у нее ни разу. Когда Гале разрешили снова спуститься в столовую, соседний стул справа от нее был не занят.

Сначала Галя испытывала некоторую неловкость — об их размолвке с Лидой, вероятно, все знали — но смущение истаяло после первой перемены блюд. Разве она повинна, что у Лиды, как она поняла из общего разговора за столом, резко ухудшилось состояние? Навестить больную в ее комнате Гале не хватало решимости. Она не находила в себе сил вновь увидеть ее круглые, наполняющиеся слезами глаза, распухший от слез нос, полные потрескавшиеся губы. Она помнила, как горели ненавистью глаза Лиды, с какой силой она выталкивала несправедливые слова. Самое главное — Галя винила ее за то, что та спровоцировала рецидив ее болезни. И пусть говорят, что почти все вновь прибывшие первое время чувствуют себя плохо, но Галя знала: виной обострения ее болезни была не смена климата, а ненависть, которой незаслуженно опалила ее Лида.

Ненужная Гале связь оборвалась. И в первое время она даже чувствовала некое чувство освобождения. Подчинившись распорядку дня в санатории, она привычно скучала: обменивалась книгами с Ниной Павловной — зажиточной мешанкой из Пскова, слушала музицирование на рояле Вари — выпускницы Смольного института, участвовала в партиях в бридж с супружеской четой Мечковых и пожилым горным инженером Пахомовым. Большую часть времени она проводила за чтением

книг или в полудреме во время многочасовых «прогулок» на террасе, которые состояли в лежании на кровати, завернутой в кокон шерстяных пледов.

* * *

После второго завтрака Галя устроилась в укромном уголке малой гостиной. Кадка с кустом чайной розы укрывала ее от любопытных глаз. Поодаль две женщины вели неторопливый разговор. Одна фраза привлекла ее внимание.

— Эти русские настоящие сумасшедшие.

Оторвав взгляд от страницы, Галя прислушалась. Один из голосов она узнала — он принадлежал старшей медсестре фрау Бель. Говорила та всегда с удовольствием, будто смакуя каждое слово.

— В России ужасный климат, все время холод до костей пробирает, и снег. Нет снега, идет дождь. Говорят, даже столица у них на болоте стоит. Дикая страна. Вы со мной согласны, мадам Грендель? — обратилась фрау Бель к собеседнице.

— Дикая страна и дикие люди, — согласилась та с ней. — Как вы думаете, фрау Бель, зачем она это сделала?

— Кто ее поймет? Кто вообще поймет этих русских? Вроде бы с первого взгляда — вполне приличная девушка. Молодая, правда, слишком молодая.

В санатории русских было человек пятнадцать, но самой молодой, несомненно, была она, Галя. Неужто эти две гримзы обсуждают ее? Галя положила книгу себе на колени, заложив страницу, где она остановилась, собственной ладонью, прислушалась.

— В молодости разные глупости на ум приходят. Молодозелено, — продолжала старшая медсестра.

— Не могу согласиться с вами, фрау Бель. Отнюдь не у всех молодых ветер в голове. Разве моего малыша Жежена можно назвать глупым?

— Я вовсе не имела в виду вашего сына, мадам Грендель. Эжен — весьма достойный юноша.

Галя отложила книгу. Почитать можно и в другой раз, гораздо интересней узнать о молодом человеке, в мимолетных взглядах которого она уловила некоторую заинтересованность. Высокий, худощавый, с покатыми узкими плечами, он выделялся среди постояльцев санатория не только своей юностью, но особыми мягкими манерами и утонченной элегантностью. Интересно... Значит, молодого француза мамаша Грендель зовет

Жежен, малыш Жежен. Галя снисходительно улыбнулась.

— Ваш сын, я вижу, много читает. И рисует? Я заметила, он что-то черкает в блокноте, — продолжала разговор фрау Бель.

— Что поделать, сынок скучает. Если б нам с мужем Господь дал еще дочь, я бы научила ее шить, вышивать. До того как мсье Грендель занялся недвижимостью, я неплохо на шитье зарабатывала. У нас была своя мастерская, мы нанимали работниц. Малыш Жежен родился у нас, когда в доме появился достаток, и мне не надо было работать. Увы, крепким здоровьем Господь сыночка не наделил. Жежен у нас слабенький. Когда ему было два годика, чуть не умер от менингита. С тех пор постоянные ангины, головные боли. Намучились мы с ним, ужас.

— Может от книг у него голова болит? Я заметила, ваш сын постоянно с книжкой.

— Я разделяю вашу тревогу, фрау Бель, Жежен слишком много читает. Увы, без занятий малыш томится. Мало того, что ни дня не может без книжки, он еще и стихи сочинять пробует. Эжен кое-что читал мне свое, признаться, я плохо понимаю во всем этом.

— Стихи в юном возрасте, как корь. Сколько вашему сыну, мадам Грендель, шестнадцать?

— Семнадцать четырнадцатого декабря исполнилось.

— Большой мальчик. В университет готовится?

— Жежену университет ни к чему. Мой муж, я вам уже говорила, владелец собственного агентства, занимается продажей земельных участков. Дело приносит хороший доход. Со временем, когда мой муж уйдет на покой, все дело перейдет в руки сына. Мы с мужем планировали, что в этом году Жежен начнет знакомиться с делами, но, увы... Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. В августе мы отдыхали с моим мальчиком в Глионе. Вам, фрау Бель, наверняка известен этот курорт в горах Монтре... Врачи нам сказали, горный воздух полезен для крови, но Жежен простудился, начал кашлять. Я так напугалась, когда на его носовом платке заметила кровь. Что со мной было, что было...

Гале показалось, что мадам Грендель всхлипнула.

— Болезнь у вашего сына, мадам Грендель, в легкой форме. У нас тысячи пациентов с гораздо худшими показаниями выздоравливали. — Голос старшей медсестры звучал профессионально бодро. — Вы же знаете высокую репутацию нашего санатория.

— А как же молоденькая русская? С ней все будет в порядке?

Галя насторожилась. Неужели кумушки будут обсуждать состояние ее здоровья?

— Не знаете, почему русские, да еще девушки, одни, без присмотра родителей? — продолжала мадам Грендель. — Вот были бы мать или отец рядом, не допустили бы подобного.

— Сумасшедшая, настоящая сумасшедшая.

— Что на нее нашло?

— Не знаю. Вроде бы казалась нормальной. А тут... Видели бы вы ее комнату. Все вверх ногами, кругом клочки бумаги, пепел. Запах — как в аду.

У Гали защемило сердце. Она догадалась — речь о Лиде. Вероятно, раздосадованная известием о счастливой беззаботной жизни кузины, Лида решила прямо в своей комнате устроить костер из собственной переписки. Запах дыма вовремя учуяла ночная сиделка, дежурившая на этаже. Это происшествие вот уже несколько дней обсуждали постояльцы санатория.

— Вы, мадам Грендель, за сыном хорошо присматривайте. У нас, понятное дело, распорядок строгий, за нравственностью мы следим. Но все же... Слишком однообразно течет время. Как бы от скуки чего не произошло. Дело молодое. Никогда нельзя понять, что у этих русских в голове. — в голосе фрау Бель звучало осуждение.

— Зачем она так? Хорошо, что никто больше не пострадал. Куда эта сумасшедшая русская делась? Что-то я не вижу ее? Может, ее вниз, в больницу спустили?

— Мне ничего не известно. Я только за свою работу отвечаю. Остальное не в моей компетенции, — слишком резко произнесла фрау Бель.

— Может, так правильно, — успокаивающе заметила мадам Грендель. — Главное, чтоб каждый свое дело знал. Здесь у вас хорошо, — перевела она стрелки разговора на безопасный путь. — В детстве я и не мечтала жить в такой роскоши. Санаторий ваш один из самых лучших, так? Но если честно, хотелось бы поскорей домой. Надо бы кое-что прикупить. Совсем недавно муж приобрел новую квартиру. Малыш Жежен еще там не бывал. Но я уверена, новое место ему понравится, обязательно понравится. Зимой в новой квартирке ему будет неплохо, но, дай Бог, к маю мы переедем за город, будем жить в Олиэ-су-Буа. У нас кроме городской квартиры есть еще свой дом с садом. Видели бы вы, фрау Бель, какие у меня клематисы — настоящий райский уголок.

— Вам повезло, мадам Грендель. К весне вы обязательно вернетесь к своему саду, к своим цветам. Эжен, я уверена, скоро привыкнет к здешнему распорядку, найдет себе компанию.

— Нет, нет, я вернусь домой только вместе с сыном. Мне совсем не хочется, чтоб с ним случилось то же, что с русской.

— Ну что вы такое говорите, мадам Грендель. Эти русские такие непредсказуемые...

Голоса то стихали, то вновь становились громче. Больше всего говорила постоялица, старшая сестра чаще поддакивала в ответ. Наконец, раздались звуки отодвигаемых стульев, шелест подолов.

Некоторое время Галя оставалась на месте, затем вышла из своего укрытия и тут же лицом к лицу столкнулась со старшей медсестрой.

— Я вас обыскала. Где вы были, фройляйн Дьяконова? Нарушаете режим. Сейчас, сами знаете, время прогулки. Вы должны быть на террасе, — сухо сказала фрау Бель, всем своим видом выражая недовольство.

Ни слова не говоря, Галя развернулась и, придерживая книгу под мышкой, стала подниматься по лестнице. Нужно забыть обиды и навестить Лиду, решила она. Наверняка ей плохо от всеобщего осуждения. Пусть эта глупышка кричит и топает ногами, пусть устраивает костер из собственной переписки, Галя ни слова не скажет ей в упрек.

— Книгу можете взять с собой на террасу, — донеслось ей вслед, но Галя только прибавила шаг.

Она остановилась перед комнатой, которую занимала Лида. Несколько помешкав, постучала, но аут же, не дождавшись ответа, распахнула дверь.

Занавеси с окон были сняты и валялись грудой на полу. Постель разобрана, створки шифоньера распахнуты настежь. Пахло, как поздней осенью: сыростью, щелоком и дымком.

Откуда-то из угла послышался шорох, затем над кроватью показалась голова в белом чепце и аут же скрылась.

— Эй, кто там? — позвала Галя.

Перед ней возникла девушка в фартуке, с подоткнутым подолом юбки. Круглое лицо полыхало здоровым румянцем, руки спрятаны в карманы. Пациенты называли ее Кисой за глупые зелено-желтые глаза и мягкую поступь. В ее обязанности входило прибирать в комнатах третьего этажа.

— Тут нельзя, фройляйн. Будьте любезны, пройдите к себе.

— Где Лида?

— Мне нужно еще много чего сделать. И вообще... Спуститесь на террасу, будьте любезны. Не место вам здесь...

Галя нахмурилась. В еле заметной заискивающей интонации и виноватом выражении лица ей почудилось некоторое смущение.

— Что ж... Раз заняты, не буду мешать. Пойду...

Галя прикрыла за собой дверь, с минуту постояла за порогом, затем вихрем влетела в комнату. Киса стояла, вытянув перед собой ладонь, явно любуясь колечком на своем пальце.

— Ой! — Ладонь вмиг сжалась в кулак и скрылась в кармане.

— Покажи, покажи! — Галя силой вытянула ее руку из кармана. Она заметила колечко с бирюзой, которое до недавнего времени украшало безымянный палец Лиды. — Откуда это у тебя?

— Так... просто... Это совсем не то, что вы думаете. — Киса готова была расплакаться.

— Кольцо не твое, я знаю. Чужие вещи брать — знаешь, как это называется? Знаешь?

Киса мигом сорвала колечко со своего пальца, протянула Гале.

— Берите, если вам нужно, берите. Пусть будет у вас, пусть. Только ничего фрау Бель не говорите.

Галя оттолкнула ее руку.

— Мне чужого не нужно. Чье кольцо, я знаю. Его Лиде жених подарил. Где Лида, говори! Что с ней? В столовую она не спускается, на террасе ее тоже нет, в последнее время я вообще ее не встречаю.

— Фрау Гребешкофф уехала. Совсем уехала. Далеко. Домой. Колечко она мне еще на той неделе отдала. Не говорите только фрау Бель. Подарки нам от больных не положено брать. Если узнает старшая сестра, у меня будут неприятности.

Галя подошла к распахнутому настежь шифоньеру. Большинство деревянных вешал были пусты, только на двух еще болтались платья. У стены одни на другой были сложены перетянутые кожаными ремнями чемоданы. Еще один, с откинутой крышкой, будто зевая, стоял поодаль.

— А чемоданы чьи? Как же Лида уехала домой без своих вещей? — Галя сняла с вешала палевое шерстяное платье. — Вот это Лида часто надевала, а вот в этом... — Шелковый подол сквозняком коснулся ее кожи. — Это платье я сама примеряла. Нет, розовый цвет мне не нравится. Мне к лицу зеленое.

Галя наклонилась над открытым чемоданом. Из его недр она вытянула цвета малахита платье, приложила к себе, подошла к зеркалу.

— Действительно, вам замечательно подходит этот цвет.

Вздвигнув, Галя оглянулась. Подперев косяк широкой спиной, перед ней стоял высокий мужчина в накинутой на плечи шубе. Он был немного неуклюж, с лысой, как бильярдный шар, головой, по так обаятелен, что местные женщины буквально вились вокруг него, как мошки перед дождем.

Они не в первый раз видели друг друга, может быть, раз или два обменивались репликами при встрече. Галя отчаянно пыталась вспомнить его имя, но в памяти возникла лишь витрина московского магазина с вывеской над входом «Для мужчин», она помнила, что его фамилия каким-то образом связана с одеждой.

— Мсье Жилетт, здравствуйте, — с облегчением выдохнула Киса.

— Добрый денек, моя милочка. Вот вы где. Хорошо, что я вас нашел. Завтра утром у меня поезд. Врачи вынесли вердикт — бациллам полный капут, в поединке с многочисленными врагами защитники моего организма одержали сокрушительную победу. — Говорил он по-французски, и после немецкого, на котором говорили почти все в санатории, его речь звучала по-особенному бархатно, мягко. — Хотелось бы напоследок прогуляться. Сей воздух для меня целебный. Поедемте-ка, милая, кататься со мной.

— Я бы... хорошо... с уважением, только... нет, не могу, никак не могу. Очень хочу, но никак. Надо срочно комнату готовить. И вообще... С больными — нет, нельзя, инструкция... — зачастила на ломаном французском Киса.

— Освободилось, значит, помещение. — Мсье Жилетт, хмыкнув, покивал головой.

— Ага, с утра прибираю.

— Быстренько у вас тут дела делаются. Значит, завтра за мое временное пристанище возьметесь. Будете скоблить, выветривать, чтоб и духа от меня не осталось. Небось, забудешь меня сразу, как только стены с мылом вымоешь.

— Что вы такое говорите! — Возмутилась Киса. — О вас, мсье Жилетт, мы будем помнить всегда. Вы такой милый.

— Верю, верю. Помнить будешь. Пойди сюда, красавица. На прощанье я принес тебе кое-что.

Правой рукой он обнял ее широким собственническим жестом, левая опустилась в карман ее фартука.

Киса отступила на шаг, испуганно посмотрела в сторону Гали. — Вот видите, я ни при чем, сами дарят.

— Почему бы и нет? Отчего не уважить милую девушку? Имя, фамилию забудешь, а взглянешь на часики и, может быть, кое-что вспомнишь. А?.. — он заговорщически подмигнул. Киса, зардевшись, прыснула.

Галя чувствовала себя лишней, но продолжала стоять на месте, в смущении комкая в руках Лидино платье.

— Осторожней с шелком.

Его глаза вспыхнули задорными искорками. С обаянием всепрощающего духовника он окинул ее взглядом, отметив

взятые под гребень темные волосы, очерчивающие ее изящный овал лица.

— Меня зовут Марсель, — представился он.

Гале ничего не оставалось, как пожать его протянутую руку.

— Я зашла выяснить, где моя подруга, — сказала она, как будто извиняясь.

Легкая тень пробежала по его лицу, но тут же на его полных губах мелькнула улыбка.

— Могу я милую мадемуазель... или как правильно по-русски?.. О, вспомнил! Барышня.

— Просто Галя.

— Галя... Как раз по моему настроению. Замечательное у вас имя, мадемуазель. Gala — по-французски праздник. А у меня сегодня как раз этот самый праздник и есть. Слышали? Завтра я отправляюсь домой.

— Поздравляю. Значит, вы полностью выздоровели?

Глаза его блеснули, как будто он только что вытянул из колоды козырную карту, и самодовольно рассмеялся.

— Абсолютнейшим образом. Может, я бы задержался в этом благословенном месте да еще в такой замечательной компании, но надо и честь знать. Уж больше года я в этих краях обитаю.

— Больше года, — эхом повторила Галя и тут же почувствовала, как его твердые пальцы легко сжали ее локоть.

— Не будет ли столь любезна милая Галя составить компанию зрелому джентльмену. Это ж вполне по-русски — катания по снегу. Сани готовы, лошади в нетерпении бьют копытами. К тому же сейчас самое время для прогулки. Наше отсутствие никто не заметит.

— Как же так сразу... Я прямо не знаю...

Галя бросила взгляд на распахнутый чемодан, где поверх груды одежды, распластавшись, лежало зеленое шелковое платье. Скорее всего, Лида отправилась налегке, вещи ее пошлют вдогонку. Что особенного? Лида, как и мсье Жилетт, выздоровела. Марсель подарил горничной часы, Лида — колечко, — думала она, уже мысленно предвкушая прогулку: ощущение скорости, покалывание морозца на своей коже, поднимающуюся глубинную радость, расцвеченную улыбкой.

* * *

Лишь только они выехали из-за ограды санатория, как солнце затянуло низкой тучей, хлопьями повалил снег. Галя поймала рукой воздушный клубок снежинок, сжала пальцами, лизнула

влажную ладонь.

— Как вам чужбина на вкус? — спросил Марсель, заглядывая ей в лицо.

Она пожала плечами, спрятала руки в рукава.

Снегопад прекратился, и солнце, будто вытертое от пыли влажной тряпкой, засияло особенно ярко. Они почти не разговаривали. Дорога вилась в коридоре елей. Лесной массив сменился открытым пространством. Справа показались крыши домов, из труб серпантинном вился дымок. Начали встречаться местные жители, туристы в ярких прогулочных костюмах, лыжники.

Марсель что-то крикнул вознице — Галя, ослепшая от яркого солнца, опьяневшая от скорости, как будто очнулась.

— Возвращаемся?

— Обязательно. Только сначала надо бы подогреться. Пусть нынешний воздух целебный, но и морозец сегодня хорош. Заглянем кое-куда, глинтвейну закажем. Подогретое вино с пряностями — для нас сейчас лучше не придумаешь. Будьте любезны — не возражайте. Многоуважаемый доктор Бодмер, сами знаете, красное вино одобряет. И вообще, старших надо слушаться.

Лошади перешли на рысь. Теперь они ехали вдоль выстроившихся в шеренгу деревянных домов под покатыми крышами и остановились перед крыльцом двухэтажного дома с высоким крыльцом. Гирлянды из еловых ветвей, увитых золотистыми и серебряными нитями, яркими шарами, красными и голубыми бантами, украшали фронтон.

— Похоже, тут продолжают отмечать Рождество, — озираясь, сказала Галя.

— Здесь каждый день праздник. Войдемте.

Звякнул входной колокольчик. Они как будто очутились внутри выдавшей виды шкатулки. Занавеси, диваны, кресла — кругом поблекший, с залысинами потертостей бархат. Помещение было наполовину заполнено. Люди, по большей части мужчины, потягивали пиво, разговаривали. Молодая женщина с ярко-рыжими волосами и алым, будто в крови, ртом, скрестив на груди руки, следила, как четверо мужчин в углу играли в кости.

Марсель потянул Галю к пустой стойке бара. Опустив голову, Галя последовала за ним. Весь ее облик выражал растерянность и чуть ли не испуг. Посмеиваясь, Марсель оседлал высокий табурет. Галя остановилась в нерешительности. Она никогда не была в подобных заведениях и чувствовала себя неудобно.

— Не тушуйтесь, барышня, вы не у тетушки в гостях. Здесь вас никто не знает, да и вам ни до кого нет дела, — сказал он и,

глядя поверх ее головы, крикнул: — Гарсон, глинтвейну кувшин и две кружки.

Галя сидела на краешке табурета, вжав голову в плечи, и время от времени неуверенно озиралась вокруг. Марсель наполнил кружки и одну из них подал ей. Галя вздрогнула, словно очнувшись от глубокой задумчивости, и медленно протянула руку. Глинтвейн оказался терпким и пряным, а главное, горячим — именно таким, какой сейчас ей было нужно. Большими глотками Галя выпила всю кружку, и тут же она вновь оказалась наполненной. Кто-то поманил Марселя из другого конца зала — как оказалось, рыжая женщина с алыми губами.

Глядя ему вслед, Галя подняла голову, и ей показалось, что все глаза находящихся в зале мужчин впились в нее: разговоры смолкли, игра в карты прекратилась. «А ведь я красивей всех женщин, что бывают здесь, — подумалось ей, — или, может быть, моложе. Наверное, они считают меня особенной». И эту мысль, выразившуюся у нее в лице, прочел молодой парень с пшеничной челкой на лбу, что сидел к ней лицом. Его тусклые глаза обрели блеск, лицо как будто ожило. Он встал, прошел куда-то в глубь зала. Заиграла музыка.

Галя сделала движение — точно ей хотелось соскользнуть с табурета, выскочить из обитого бархатом пространства, глотнуть отрезвляющего морозного воздуха, но светлоглазый блондин уже поймал ее за руку. Она попыталась возразить, но ее губы сами собой растянулись в улыбку. Парнишка был хорош: идеальной формы брови, чистый открытый взгляд голубых глаз под темными ресницами. Он мягко перехватил ее кисть так, что ее ладонь оказалась на его ладони, потянул, повел за собой. Другие пары тоже затоптались рядом. Граммофон гремел, ее ноги двигались сами собой. Галя чувствовала его горячие потные ладони, одну — своей рукой, другую на талии. Время от времени он что-то выкрикивал, но она не понимала его слов и только улыбалась в ответ. Ее трогала его галантная сдержанность, с которой он стыдливо вспыхивал, как только его нога в грубой штанине касалась ее ноги под подолом шерстяной юбки. Он танцевал, улыбаясь, и наконец она поняла, что он говорит: «Как странно видеть такую девушку здесь... Таких девушек здесь не встретишь...» Галя кружилась в его целомудренном объятии, всей своей женской сущностью ощущая, что приводит его в трепет. Что это, обман зрения или в уголке его глаза заблестела слеза?

Пластинка закончилась, они молча, не отрываясь друг от друга, застыли посреди зала, потом заиграла следующая, они снова начали танцевать. Теснее обняв друг друга, они скользили по отполированному до пролысин крашенному коричневой

краской полу, по инерции сделав несколько поворотов после окончания мелодии.

— Ну что ж, нам пора. — Марсель одним движением оттеснил тяжело дышавшего парня и повел Галю к выходу. Уже в гардеробной, опуская руки в рукава протянутой шубы, она кинула взгляд в зал. Ее недавний партнер вскинул руку в прощальном жесте. Он смотрел на нее, но взгляд его уже был тускл, во всем его облике — не сожаление или печаль утраты, но холодная отстраненность. Еще недавно они были единым целым, парой, сейчас же между ними пролегла пропасть отчуждения.

Исчез из виду дом с праздничной гирляндой, осталась позади деревенька. Полозья саней легко скользили по заснеженной дороге, отороченной по бокам мохнатыми елями. Посеревшее в сумерках небо казалось таким низким, что казалось, протяни руку — коснешься кончиками пальцев.

— Вы, Гала, очень интересная девушка. Жаль, что мне завтра уезжать. Хотелось бы узнать вас поближе.

Широким жестом Марсель обхватил ее за спину, прижал к себе: на близком расстоянии в его дыхании чувствовался алкоголь — не легкий, как от вина, другой, вероятно, он пил нечто крепче, чем глинтвейн.

— Может, подаришь мне праздник напоследок, Gala?

Она увидела его потемневшие глаза прямо перед собой, инстинктивно дернула головой в сторону и тут же почувствовала, как его мягкие теплые губы, коснувшись ее шеи, обхватили нежную мочку ее уха. Она слышала его учащенное дыхание, ощущала влагу его скользких губ и вдруг начала дрожать, как скаковая лошадь перед забегом, — она чувствовала, как в ней поднимается странное, неведомо откуда взявшееся возбуждение и в то же время необоримое отвращение. Вытянув перед собой руки, она оперлась о его грудь, оттолкнула.

— Как вы смеете!

Он отстранился от нее. Галя видела его лицо: застывшее, как поверхность пруда за ледяной толщей, и только пунцовые губы кривились в едкой усмешке.

Галя почувствовала себя неуютно. Зачем она здесь? Почему этот для нее чужой человек рядом? Все показалось ей нелепым: санная прогулка, танец с местным парнем, странный будоражащий поцелуй... Она притронулась рукой к прохладной мочке своего уха. Отчего-то ей вспомнилась женщина с яркими, будто измазанными кровью губами.

— Кем вам приходится женщина, с которой вы разговаривали там? — Она махнула рукой куда-то в сторону.

— Вы это о ком? — неожиданно бодро подхватил разговор Марсель.

— Ну та, в таверне.

— Ах, вы о Мисси? Я не думал, что застану ее. Мы... ну как вам, барышня, сказать... мы просто знакомые. Кстати, Мисси тоже русская. Лечилась где-то здесь поблизости, а как выздоровела, не нашла в себе силы вернуться домой.

— Как так?

— Очень просто. Думаете, мне не страшно возвращаться? В этих горах жизнь воспринимается совсем иначе, чем там, внизу. Мы начинаем относиться к своей особе, к своей уникальной жизни как к чему-то ценному. Тот, кто смотрел в глаза смерти, не будет цепляться за всякие условности, предписанные обществом. Пока живешь здесь, обретаешь умиротворенность. Всякую малую радость воспринимаешь как дар небес. — Он посмотрел на нее глубоким, обволакивающим взглядом. У нее достало смелости не отвести глаз. — Я восхищался вами, пока вы танцевали. Танец — это как заниматься любовью: либо отдаешься полностью, либо не получаешь удовольствия. — Приблизив свое лицо к ее лицу, он прошептал, перейдя на тот интимный, доверительный тон, что сделал его переход на «ты» вполне естественным. — Мы с тобой из одной стаи.

— Достаточно на сегодня пошлостей, — передернула она плечом, но ее ярко блестящие, будто отражающие свет луны глаза говорили о заинтересованности.

— Разве тебе не хочется наслаждаться жизнью в полной мере?! Я же вижу, что ты не из тех, кто смиряется. И не дура, чтобы выдувать мыльные пузыри. Иллюзии — те же пузыри с красивой, играющей всеми красками, но очень тонкой оболочкой. Бах, и нет ничего, только брызги, как от плевка.

Он смолк. По наступившей напряженной паузе она поняла, что он готовится сказать ей нечто важное.

— Ты знаешь, что стало с твоей подружкой? Как ее звали... С круглыми такими глазами, как у совы. Она еще письма домой каждый день отправляла.

— Вы о ком? О Лиде?

— Ну да, наверное, ее так звали. Лиди... Лучше, если ты от меня узнаешь. Я просто хочу, чтоб ты все правильно поняла.

Галя глубоко вдохнула: лесной свежий запах окружал ее — тяжелые ветви елей, занавесями ниспадающие в темноте, источали слабый хвойный аромат. Ей вдруг вспомнились еловые ветки, следами лапок оставленные на московской утрамбованной многими ногами снежной дороге после похорон одноклассницы.

— Живешь, мучаешься, страдаешь или, наоборот, веселишься

и радуешься, а потом... гвозди по деревянным доскам — и ничего, пустота, — задумчиво произнес Марсель. — Как ты думаешь, что нас ожидает после смерти?

— Лида умерла? — догадалась Галя, и все ее тело сжалось, как в ожидании боли.

— Ты верующая? Я видел на тебе крестик. Помолись за нее. Наша Лида сейчас в чистилище.

— У православных нет чистилища. Лида — наивная душа, таким уготовано место в раю, — неуверенно произнесла она. — Когда ее не стало? Почему от меня скрыли?

— Пока жив — смерти нет, а когда мертв... кто знает, что там, по ту сторону? Но я вот что хочу тебе сказать... Лида была обречена, она только передвинула стрелки часов чуть-чуть вперед. Знаешь, тут неподалеку есть горный ручей, он и зимой не замерзает. Похоже, она удрала тайком из санатория да заблудилась. Как угораздило ее свалиться в ручей — непонятно. Несколько миль в мокрой одежде — и без бацилл можно богу душу отдать. Никто не видел, как она вернулась. Утром кинулись — она без сознания. В общем, ее даже не успели в больницу отправить. Этой ночью, чтоб никто из постояльцев не увидел, ее переправили в морг.

— Лида умерла, — похолодевшими губами повторила Галя, прислушиваясь к самой себе. В ее душе, на самом дне, зародилось ощущение страха, гулкого, темного, скручивающего в спираль. Как будто поняв ее состояние, он взял ее за локоть, заставил посмотреть в свои блестящие глаза.

— Мы с тобой — из другой стаи, — повторил он чуть ли не весело. — Хочешь узнать главное лекарство от всех напастей? Незапатентованное, но помогает как ничто другое. Любовь. Да-да, не боюсь быть банальным, но это именно так. Только я не о том чувстве, что пробирает до самых печенок, нет. Игра, легкий флирт, телесные дела... Все, что помогает прогнать скуку и заставить забыть ту жизнь, — он махнул куда-то в сторону. — Главное правило выживания — научиться смаковать приятные моменты здешней жизни и на время перестать заботиться о будущем.

— Лида мечтала выйти замуж. Она доверилась мне, рассказала о своей мечте...

— Вы о Мишеле, клерке ее отца?

— Вы знаете?

— Об этом знают все.

— Он женился на другой, — вдруг сказала она, сама поразившись своему открытию. — Левицкий, Мишель Левицкий... Да-да, он женился на ее кухне.

— Понятное дело.

— Вам понятно? Он был обручен с Лидой. Своим вероломством он убил ее. Лида так его любила...

— Ты уверена? Была ли та самая неземная любовь? Может, то была игра ее воображения, тот самый мыльный пузырь? Пух — нет ничего. У тебя есть жених? — вдруг спросил он.

— Есть, — зачем-то соврала она.

— Допустим, — хмыкнул он. — Теперь попробуй сказать, какого цвета у него глаза, какой формы нос, брови. В лучшем случае ты сможешь вспомнить его фотографический портрет в рамке, что держишь, опять же, чтобы не забыть, у себя на тумбочке. Время стирает наши прошлые впечатления, как ластик карандашный набросок. Молодой мужчина предпочел поблекшим воспоминаниям реальную теплую женщину. Было бы неестественным как раз обратное.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Затем Марсель вновь заговорил.

— Вот ты спрашивала про Мисси... Ты, наверное, догадалась, чем она занимается?.. Нет, не подумай ничего плохого, она поднимается вверх только с теми, кто ей нравится. Я думаю, что она права — женщина имеет такое же право на свободу в своих поступках, как и мужчина. А то, что ей платят за ее услуги, так надо же ей на что-то жить. Деньги легко отдавать, когда платишь за реальные ощущения. За те ощущения, которые дают радость.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — остановила она его. — Это так пошло, грязно... Тем более Лида ушла в мир иной.

— Мне казалось, ты не умеешь лгать самой себе. Ты только что от души веселилась с молодым парнем, и совесть твоя молчала.

— Тогда я не знала о смерти Лиды.

— Или не хотела знать? Не надо лукавить. Разве тебе хочется почувствовать себя исполняющей последний долг? Согласиться на общепринятые знаки скорби? К тому же расписанием дня нашего санатория не запланированы часы на поминания.

— И все-таки... Смерть Лиды — так внезапно, так страшно.

— Мы сами творцы своих страхов. Мне кажется, нас собрали всех вместе, чтобы мы научились избегать мысли о смерти и полюбили жизнь. И вообще, как говорил великий учитель Конфуций: «Что мы можем знать о смерти, когда не знаем, что такое жизнь?». Так что, милая барышня, если тебе будет сегодня одиноко в своей стерильной постельке, поднимайся к Марселю. Я смогу поделиться некоторыми своими знаниями о жизни. Весьма интересными.

— Здравствуйте. Как поживаете?

— Спасибо, неплохо.

— Давайте познакомимся. Моя имя Галя. Вы Эжен?

Когда они впервые оказались лицом к лицу, он отвел взгляд, сам не зная почему. Галя смотрела, как он оглядывает ряд кроватей с постояльцами санатория, замотанными в одеяла, словно кули. Все, и она сама, даже в мыслях избегали больных называть больными; все они были постояльцами, отдыхающими, в крайнем случае пациентами, но никак не больными. Галя видела, как медсестра делает ему знаки, но Эжен, опершись о стену, со сцепленными за спиной руками, не двинулся с места. Он смотрел, как ветер метет за окном, кидая пригоршни снега в стекла зимнего сада. Ей показалось, что юноша испуган, и в то же время вся его напряженная поза, ускользящий, тревожный взгляд говорили о заинтересованности.

— Вас зовут Эжен, правильно? Эжен Грендель. Вы поэт. У меня в Москве осталась подруга, она тоже поэтесса.

— Интересно, очень интересно, — ответил он прерывающимся неуверенным голосом. — Вы тоже пишете стихи? Хотите показать?

Он протянул к ней руку, и она на некоторое мгновение повисла в воздухе.

— Ах, вы об этом! Нет-нет, это не для стихов. — Галя поправила под мышкой блокнот. Эжен опустил руку. — Надо домой написать. От Аси как раз письмо пришло. Анастасия Цветаева — моя подруга, она пишет стихи, не я. И сестра у нее поэтесса. Настоящая, не просто так. У нее сборник уже вышел. Она была в Париже. Может, слышали? Марина Цветаева.

— Не много ли поэтесс с одной фамилией?

— Не разделяю вашей иронии. Мне не надо говорить, что поэзия — это не «поздравляю-желаю» и «розы-слезы». Вы хоть немного понимаете по-русски?

— Я читал в переводе только русскую прозу. Иван Тургенев, Федор Достоевский. Но все же мне ближе мои соотечественники.

— Хотите, я попытаюсь угадать, кто из французских писателей вам нравится?

Эжен пожал плечами, крепче сжимая за спиной корешок книги. То была «Консуэло» Жорж Санд. Роман слишком сентиментальный, чтоб быть ему интересным, но других, не прочитанных ранее книг на французском языке в местной библиотеке не нашлось.

— Попробуйте угадать, кого из писателей я считаю классиком, — сказал он с вызовом. — Не думаю, что это будет сложно.

Он надеялся, что она ничего не успела прочесть на корешке книги, которую он держал в руках, и был приятно удивлен ее ответом.

— Допустим... Вы уважаете Виктора Гюго.

Его улыбка была ей ответом.

— Угадала? Здорово! Я тоже читала «Отверженных» и «Собор Парижской богоматери». Правда, в переводе. А сейчас у вас с собой что за книга? Покажите.

Она дотронулась до его локтя.

— Сущая безделица, не стоит, — остановил он ее, не желая предстать перед явно неглупой девушкой лишенным литературного вкуса. Для нее он был поэтом. И он должен держать марку'.

— Эжен Грендель, — послышался голос медсестры, — будьте любезны, займите свое место.

— Прошу прощения. — Эжен с явным облегчением кивнул девушке и направился в другой конец зимнего сада, где находилась его кровать. Спрятав под подушку книгу, он растянулся на прохладном ложе, позволил себя укутать одеялом и закрыл глаза.

Эта русская девушка давно привлекла внимание молодого француза. Она была самой красивой девушкой в санатории. Самой красивой и самой молодой. Красота ее была необычной. В ее по-змеиному гибком, тонком теле, нежном лице с горящими углями глаз чувствовалась тайная страсть. По сравнению с другими полусонными, полуживыми обитателями, девушка была — огонь. Ее дух, казалось, просто рвался вон из тела. Движения ее были грациозными, взгляды провокационными. Только что она веселилась и вдруг вмиг становилась грустной и загадочно молчаливой. Некоторые говорили, что она сумасшедшая, другие определяли просто — русская. Эжен читал перевод на французский язык «Идиота» Достоевского. Эта молодая русская представлялась ему некоей копией Настасьи Филипповны, способной свести любого мужчину с праведного пути. В долгие, очень долгие часы бездвижных прогулок, завернутый в два верблюжьих одеяла, он позволял себе мечтать. Его воображение не знало стыда. Однажды он был свидетелем, как русская села в сани и отправилась на прогулку с мсье Жилетт, которому Эжен, не отдавая себе в этом отчета, завидовал. Эжен догадывался, для каких дел крадучись поднимается в комнату старого развратника

горничная третьего этажа, с какой целью Марсель ездит в деревню. Вот и новенькая русская, за которой Эжен втайне наблюдал, не устояла перед обаянием местного ловеласа. Француз и русская отсутствовали несколько часов. Что произошло между ними?.. Эжену представилось, какой необычной могла быть их проулка.

Вот русская спускается по ступеням. На ней длинное до полу манто, на ногах теплые ботиночки. Она садится в сани рядом с Марселем. Возница накрывает их до плеч общим пологом. Кони трогают с места. Снег в лицо, русская закрывает глаза. А в это время ее рука находит мужскую руку, тянет за собой под полу своего манто. Мужские пальцы гладят тонкую шерстяную ткань юбки, ощущая под ней теплую живую плоть. Круглое колено, крепкое бедро, потаенное женское место... В то время как сани летят по дороге и всем видны разгоряченные от ветра (от ветра ли?) лица, невидимые чужим взорам руки бродят в темноте под пологом, ощупывая, глядя, даря друг другу наслаждение. Эти скромные ласки только распалют их. «Гони в деревню, к гостинице», — кричит Марсель.

И вот полог откинут, сани пусты. Легко ступая по дорожкам, в которых утопают все звуки, девушка без смущения спешит вслед за мужчиной.

Воображение Эжена летит дальше.

Они в номере. Комната оклеена обоями в мелкий цветочек, у стены — широкая кровать, напротив кровати — распахнутое окно. Русская приподнимается на цыпочках, притворяет фрамугу. В комнате становится совсем тихо, так что слышно, как тяжело дышит мужчина, когда снимает с нее одежду. Он раздевает ее без малейшего трепета, как будто снимает кожуру с мандарина. Мандарин для него не деликатес, но все же вкусный десерт — к знакомому лакомству он подходит с некоторой пресыщенностью.

Вот она полностью обнажена и падает на простынь, подобно махе на полотне Гойи, закидывает за голову руки. Ее кожа цвета топленого молока. У нее упругие соски, похожие на спелые вишни. Мужские губы тянутся к ним, язык пробует их на вкус.

Эжен не замечает, что персонажи его фантазии изменились, и уже не Марсель, а он сам занимается любовью с русской.

Русская берет инициативу на себя. Вот ее руки окружают его лицо. Плавными легкими движениями одного только указательного пальца она проводит по бровям к переносице, неторопливо очерчивая профиль, останавливается на губе. Такое ощущение, что она предупреждает его: «Тс-с, тише, не надо стонать так громко. Никто не должен знать, как тебе хорошо». Ее губы касаются его шеи, ключиц, спускаются ниже, скользят по

бедрам. Он ощущает на своей коже влажность ее жарких губ... Нет, он не может удержаться от стога. Какое это безумное удовольствие — быть во власти ее рук, губ... Одним рывком она оказывается сверху, ее темные шелковые волосы заслоняют свет, щекоют его лицо. Он чувствует, как проникает в нее, заполняет ее лоно до краев. Она начинает двигаться: вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Все ее движения настолько естественны, как будто ей все это не внове. Чистота и порочность, нежность и страсть.

Возбужденное воображение Эжена не ищет слов, не выстраивает фразы, не складывает рифмы — это придет позднее, стихи требуют филигранной работы ясного ума. Волнующие образы наполняют его душу блаженством, уносят мысли.

— Эй, тебе послание, — слышит он и открывает глаза. Сложенный вдвое листок оказывается у него в руках. Неумелый рисунок с подписью по-французски: «Портрет молодого человека семнадцати лет».

Эжен провел языком по своим сухим, как старая бумага, губам и оглядел шеренгу кроватей, нашел место, где лежала русская. Гала — какое странное имя. Он скорее угадал, чем заметил выскользнувший из-под густых ресниц мимолетный взгляд. «Что за молодой человек? Ответьте быстрее», — набросал он под неумелым рисунком, и передаваемое из рук в руки письмо достигло отправительницы. Фиолетовый карандаш в руках девушки заскользил по бумаге, и послание вновь у него в руках. «Сегодня вечером вы будете есть со мной». «Я к вашим услугам», — как будто отвечая на дуэльный вызов, подписал он ниже.

За ужином они уже сидели рядом за одним столом. Он — в сером чесучовом костюме. На ней белый в крупную вязку свитер, кажущийся слишком грубым по сравнению с ее тонкой с золотистым заггаром кожей.

Эжен придвинул к себе прибор, положил на тарелку холодное мясо, овощи. Он никогда не забывал, что одной из составляющих успешного лечения была обильная, разнообразная пища, и каким бы ни был его аппетит, он всегда старался съесть как можно больше. Эжен наколот на вилку тонкий пласт холодного вареного мяса и поднял голову. Галя с бокалом у рта, казалось, ожидала его реплики.

— Вы живете в Москве? — начал он. Обычно стоило навести разговор на тему родных мест, как собеседник растекался славословьем. Вспоминалось житье в родных пенатах, пелись дифирамбы родным и друзьям, слагались гимны природе. Эжен приготовился слушать долгий рассказ девушки, но она отпила

глоток разбавленного водой вина и ответила неожиданно коротко:

— Я живу здесь, в Клаваделе.

— Да-да, несомненно, — он немного растерялся резкости ее ответа. — Я неправильно задал вопрос. Откуда вы родом? Расскажите мне о Москве. Это же очень большой город, да?

— Родилась я в Казани, в одиннадцать лет наша семья переехала в Москву. О Москве что говорить? Будете у нас проездом, заглядывайте в гости, тогда, если действительно вам интересно, я все покажу.

Он смущенно потупился, захваченный врасплох не столько ее неожиданными ответами, но больше тем, что был не в силах устоять перед ее открытым взглядом.

— Наверное, вы скучаете здесь одна? — выдавил он.

— Я достаточно взрослая, чтобы отказаться от сопровождения матушки.

Эжен вспыхнул и опустил голову, избегая ее пронзительного взгляда. Девушка попала в его самое больное место — он тяготился затянувшейся опекой матери. Ему невольно было ее ежедневное присутствие с ним в одной комнате, неприятен шелест ее одежд, когда она, готовясь ко сну, раздевалась за ширмой, кисловатый запах ее тела, шумное дыхание. Ее присутствие мешало ему погружаться в сладкие эротические грезы; когда в своих мечтах Эжен блуждал по таинственным закоулкам влекущего женского тела, ему была чужда сама мысль, что его мать — существо для него бесполое — тоже когда-то будила страсть. Для матери он оставался «малышом Жеженом», слабым, требующим неустанной заботы существом, он же начинал осознавать себя взрослым мужчиной.

— Как так получилось, что сегодня вы одни, без матушки? Неужели мадам Грендель решила оставить вас одного и вернуться домой?

Первым порывом его было покинуть свое место, но он, уже закончив закуску, бросил гренки в бульон. Дурной тон метаться от стола к столу. Он сожалел, что принял предложение сменить место за ужином.

— Мадам Грендель спустилась в деревню за покупками, — ответил он и, не поднимая головы, сосредоточился на еде. Облегчило его положение появление русской супружеской пары. За столом начался общий разговор. Беседа велась на русском языке, что освободило его от участия. Иногда соседка напротив, жена горного инженера Натали, обращалась к нему по-французски, просила его передать то или иное блюдо, спрашивала о самочувствии, погоде, настроении. Разговор с ней

был настолько же простым, насколько и скучным. Эжен старательно изображал интерес к собеседнице и с нетерпением ожидал момента, когда ужин закончится и можно будет уйти.

Он вытер салфеткой рот и готов был встать, как узкая ладонь легла к нему на колено. Приблизив свое лицо к его лицу, Галя торопливо зашептала:

— Эжен, простите меня. Я сама не своя. Так хотелось бы с вами встретиться без свидетелей, наедине. Мне очень надо выслушать ваш совет. Не могли бы вы составить мне компанию на вечерней прогулке? Давайте погуляем вместе около санатория. Сегодня не так морозно, легкий снежок. Ваша матушка когда возвращается?

Он выдержал ее напряженный взгляд.

— Предполагаю, должна скоро быть, — холодно ответил он.

Он заметил, как мгновенно потух ее взгляд.

— Так вы пойдете гулять после ужина, да? — переспросил он.

— С условием, если вы будете сопровождать меня.

Эжен не смог сдержать довольную улыбку. Этот умоляющий той, полные тревоги глаза не могли оставить его равнодушным.

— Я поднимусь к себе переодеться. Через полчаса буду готов, — сказал он и поднялся.

— После обеда гуляй, после ужина отдыхай, — подала свою реплику жена горного инженера. — Разве вам неизвестны правила?

— У правил бывают исключения, — ответил Эжен и заметил, как Галя поддержала его улыбкой.

* * *

Галя шла по хорошо различимой в свете горящих окон дорожке. Из неплотно притворенного окна слышались звуки фортепьяно. Почти каждый вечер кто-нибудь из отдыхающих устраивал небольшой концерт. Галя узнала мелодию «Лунной сонаты». Музыка создавала особое настроение, а сгустившиеся сумерки, размывая очертания деревьев, делали весь пейзаж неузнаваемым. Галя остановилась у запорошенной снегом скамейки, сцепила пальцы рук в замок прямо перед собой. Ее возбуждение постепенно спадало и под влиянием темноты и меланхоличной мелодии перерастало в острую жалость к себе самой. Она изнемогала от одиночества. Какой парадокс — вокруг столько людей, но она чувствовала себя, как странник в пустыне, на горизонте различивший оазис. Кажется, еще немного, и измученная душа найдет отдых; вот человек, который готов

разделить твои чувства, поддержать тебя, понять — увы, слова тонут в равнодушном молчании или того хуже — притворном понимании. Одиночество среди толпы. Ей стал понятен порыв Лиды смыть свое отчаяние в горном ручье, утопить свое одиночество в безбрежном море смерти. Но Галя хотела жить. И это неистребимое жизнелюбие удерживало ее от возвращения домой. Она помнила, как ее подруга Ася рассказывала о болезни своей матери, как повторяла: «Слишком рано она вернулась в Россию. Если б она долечилась в санатории. Зачем нужно было торопиться покидать Санкт-Блазиен? Зачем?..» Действительно, зачем Мария Александровна спешила к своей смерти? Может, она, как Лида, не смогла жить без любимого? Кинулась в объятия холодной родины, как Лида в ручей?

Развернувшись, Галя по своим же следам пошла в обратную сторону. «Лунная соната» сменилась штраусовским вальсом. Как будто подхваченные вихрем бравурной мелодии, ее мысли понеслись в ином направлении. Она вспомнила недавний разговор с Марселем, его лукавую улыбку, искорки смеха в его темных глазах. «Незапатентованное лекарство от всех напастей — любовь, легкий флирт, все, что помогает прогнать скуку». Его слова отпечатались в ее памяти, как гравюрные оттиски на белой бумаге. С того дня, когда Галя с Марселем совершила санную прогулку, мысли о чудодейственной силе любви не покидали ее. Галя помнила, каким счастьем было отдаться объятиям случайного партнера, каким наслаждением было кружить с ним в танце. Какие волнующие ощущения она испытала, когда Марсель целовал ее. После санной прогулки она не нашла в себе смелости принять его приглашение и подняться к нему в комнату, ей не хотелось стать одной из многих его любовниц. Она — единственная, особенная, неповторимая, и первым ее мужчиной тоже должен стать особенный человек. Пока в ее окружении таковых не нашлось, она готова к легкому флирту с юным французом. Тем более что ее подстегивал азарт сразиться за него с мамашей Грендель.

Позади нее послышались шаги. Когда Эжен дотронулся до ее плеча, она почувствовала, как теплая волна удовольствия накрыла ее. Галя повернулась и, встретив его протянутые ладони, вложила в них свои.

— Эжен? Вы здесь, — сказала она так удивленно, как будто до последнего мгновения сомневалась, что он придет. Он был одет, как всегда, тщательно, в застегнутое на все пуговицы теплое до лодыжек пальто, шею окружал вязаный шарф, на голове — меховая шапка. Любой другой в такой одежде выглядел бы нелепо, но только не Эжен. Казалось, напяль на него тулуп,

подвяджи бечевой, все равно будет выглядеть как с обложки модного журнала.

— Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

По напряженному тону его голоса Галя поняла, как непросто далось ему решение нарушить режим и прийти к ней на свидание. Или мамаша Грендель стояла у него на пути?

— Пойдемте со мной. Пойдемте.

Галя схватила его за руку и потянула за собой. Отчего-то ей стало весело.

Быстрым шагом они пересекли территорию санатория, стали подниматься вверх. Путь им освещала только полная лупа, казавшаяся большим ярким фонарем. Протоптанная в снегу дорожка перешла в узкую тропинку, и им пришлось разъединить руки. Галя впереди, Эжен следовал за ней в полушаге. Она шла выпрямившись, чуть покачивая бедрами, как будто поддразнивая его. До нее доносилось его напряженное дыхание, но Галя не сбавляла шага. Куда она вела его? Сама не знала. Повинуясь порыву, она хотела выйти за рамки обыденности. Она искала новые ощущения: в густой темноте стоящих вдоль тропинки деревьев, в запахе хвои, в поскрипывании снега под ногами. Изредка она оглядывалась через плечо, ловила его разгоряченный от быстрого шага, ободряющий взгляд.

Эжен чувствовал необычное возбуждение, как будто угадывая, куда приведет его эта ночная прогулка. Что были ему гневные окрики матери, ее неожиданные слезы, угрозы. Ей не по нраву эта русская — что с того? Много месяцев он жил с ощущением непонятной тревоги, беспричинно давящей на грудь тяжестью. Ему хотелось кричать и плакать, стучать кулаками, разбивая костяшки пальцев в кровь о монолитную стену непонимания. Родители проложили ему жизненную колею, добротную, размеренную, но до ощущения безысходности предсказуемую. Он должен был в скором будущем научиться делать совершенно ненужные, лишние для него всякого смысла вещи: заполнять реестры, изучать рынок недвижимости, вести разговоры о прибылях и убытках. Один день, похожий на другой. Каждый день из года в год повседневность, заполненная суетой. Его ужасала сама мысль о таком будущем.

Дорога стала ровной и вывела их к простой деревянной скамье, вместо спинки имеющей за собой скалистую стену. Здесь, на высоте, царила холодная луна, придававшая их лицам голубоватый оттенок.

Запахнув плотнее полы мантии, Галя опустилась на сиденье. Эжен остался стоять, опершись плечом о каменный выступ. Под

расшитым звездами бархатом неба далеко внизу золотистыми пятнами виднелись освещенные окна санатория. Их окружала мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым шевелением веток.

— Боже, Боже мой, — вырвалось у нее, — какое чудо! Даже не верится. Эжен, я глубоко благодарна вам за компанию. Я никогда такой красоты не видела.

Он оглянулся на ее голос.

— Вы здесь в первый раз? — спросил он.

— У меня такое ощущение, что я здесь родилась.

— Тут не жарко.

— Я Снегурочка, — произнесла она по-русски.

— Снегуришка, — повторил он медленно, как будто пробуя на язык новое для него слово. — Что значит «снегуришка»?

— Сне-гу-ро-чка, — сказала она по слогам. — У нас есть такая сказка и чудная опера Мусоргского. Может, слышали? Нет? Старик и старуха слепили себе дочку из снега. Не какую-то там снежную тетю, а настоящую красавицу. У кого-то из стариков был скрытый талант. — Она хихикнула. — Не обошлось без колдовства. Ожила снежная девушка, и все в округе парни стали влюбляться в нее. Они к ней со всей душой, она — нос воротит, сердце-то холодное.

— Но ваше-то сердце не из снега.

— Вы уверены? Не желаете проверить?

Неужели она его провоцирует? Эта девушка не переставала удивлять его.

— Вы хотели попросить у меня совета, — напомнил он. — Помните, за ужином вы говорили...

Он скорее почувствовал, чем увидел взмах ее руки.

— Ах, Эжен, не будем о грустном. Мне сейчас так хорошо, так хорошо, что хочется молиться или петь. А еще лучше...

Галя заговорила по-русски. Речь на ее родном языке лилась плавно, ритмично, и только когда снова воцарилось молчание, он понял — то были стихи. Эжен чувствовал, что она ждет от него отклика, но не мог подобрать нужных слов. И что он мог ей сказать? Для него язык ее родины был чужд, непонятна она сама, но отчего-то его неудержимо влекло к ней.

Галя встала с ним рядом, взяла за локоть, развернула к себе и вдруг рассмеялась, легко, свободно, будто смешинки, как колокольчики, давно выжидали момента, чтобы зазвенеть. Сам не замечая того, Эжен улыбнулся ей в ответ. Он почувствовал, как все его страхи перед будущим словно растворились в ее смехе. Ему показалось, что этой русской девушке известно нечто, что может каким-то образом изменить его самого, превратить его жизнь в калейдоскоп ярких впечатлений, ведь недаром у нее

такое необычное имя — Галя, праздник.

— Вы похожи на Пьеро, — сказала она и скорчила гримаску.

— Хотите сказать, я такой же нелепый, — хмыкнул он.

Она снова рассмеялась.

— Вы милый, очень милый. Только щеки совсем побелели, а нос, наоборот, красный, как клюква. Хотите, погрею?

Она подышала на свою ладонь и протянула к нему руку. Эжен перехватил ее и крепко сжал. У него возникло ощущение, что она поделилась с ним своей силой.

— Мы обязательно еще раз придем сюда, ладно? Днем и когда потеплеет, — предложила она. — А сейчас нам надо возвращаться. А то я тоже превращусь в грустную куклу.

Обогнув скамейку, они пошли назад. Даже когда дорожка сузилась в узкую тропинку, им не захотелось расцеплять рук, и они двигались одинаково медленно, стараясь не ступать в рыхлость придорожного снега.

Постепенно Галя заставила его разговориться. Не стесняясь, она задавала прямые вопросы, а его попытки уклониться, отделаться уклончивыми фразами пресекала. Он рассказал ей, что значит быть единственным сыном, рассказал о своем одиночестве. Он не хотел ни разжалобить ее, ни произвести романтического впечатления. Ему казалось, что за бесцеремонностью ее вопросов — некое особое знание, умение удивлять и даже шокировать. С другой стороны, он чувствовал ее неподдельный интерес. Его подкупала ее уверенность в себе, которая происходила из веры в собственную исключительность, что для нее было важнее, чем красота. Он говорил, она слушала со спокойным, задумчивым лицом.

— Галя, вы мне нравитесь, — решился он на признание.

— Вы тоже мне интересны. Немножко. — Галя лукаво улыбнулась и толкнула его плечом.

— Русские девушки все такие?

— Какие?

Смеясь, Галя закружилась, вытянув руки, точно парящая птица, и понеслась вперед мелкими, танцующими шажками. Вдруг она присела на корточки; и снежное ядро, выпущенное из ее рук, сделав дугу, разбилось о ствол дерева, прямо у него над головой, осыпав его холодными осколками.

— Ах так! Ну, держись, — крикнул он и побежал к ней навстречу. Вместо того чтобы убежать, она с визгом прыгнула на него и, вцепившись в его плечи, уронила на снег. Тут же, сама упав в сугроб поодаль, она повернулась на спину и раскинула руки, словно желая обнять ночное звездное небо у нее над головой. Эжен наклонился над ней. Бархатные щеки, топкие

трепещущие ноздри, чуть приоткрытый рот и яркие, отражающие свет луны глаза.

— Малышка-девчушка, я тебя узнал, — прошептал он. — Ты приходила ко мне во сне.

Ее взгляд угас за занавесом ресниц. Он дотронулся пальцем до ее щеки — она была теплой, — очертил скулу, спустился к подбородку. Заметив, как дрогнули ее губы, он коснулся их подушечкой указательного пальца. Холод ее губ удивил его. Им неожиданно овладел страх, как перед закрытой дверью. Одно движение — дверь откроется, перед ним явится нечто новое, и он не сможет остаться прежним. Эта русская девушка уже завладела его мыслями, кружит его в эротических грезах, превращается в фантом его снов. Что станет с ним, поддайся он ее влиянию наяву? Тревога окутывала его, как едкий дым, мешалась с бессильным возбуждением. Ему захотелось вцепиться зубами в эти холодные, таящие скрытую угрозу губы, почувствовать вкус их крови. Распахнуть бы полы ее манти, разорвать в клочки ткань ее платья, окунуть руки в тепло ее бедер... В ту секунду, как он представил ее вытянутое обнаженное тело на снегу, он понял, что не осмелится даже поцеловать ее.

Эжен поднялся. Какое-то мгновение Галя недоуменно смотрела на него снизу вверх. Он нагнулся к ней и, протянув руку, помог встать. Когда она очутилась рядом с ним, Эжен, пряча лицо, согнулся пополам и начал суетливо стряхивать снег с полы своего пальто.

— Ну-ка, окунись еще разок.

Она снова толкнула его в снег, рассмеявшись, побежала вперед. Эжен внезапно ощутил чувство абсолютной свободы, как будто только что избежал грозящей его жизни опасности. Он смотрел на ее исчезающий вдали силуэт, слышал, как стихает ее смех, и улыбался, чувствуя, как поток радости нахлынул на него. И в то же время — он не мог не отдавать себе в том отчета — к этой радости примешивалась пустота разочарования и снисходительная жалость к себе.

Жанна-Мария Грендель стояла перед зеркалом, глядя на свое отражение. Утренний свет, льющийся из прорехи неплотно задернутых занавесей, мягкой ретушью прошелся по ее лицу, сгладив неровности кожи, затушевав морщины — следы нужды, тревоги и прожитых лет. Из окна доносился радостный гомон птиц, радующихся весеннему бесснежному дню. Она открыла шкатулку, немного поразмышляв, выбрала золотую брошь в виде розы.

— Мама, вы разве не остаетесь? — окликнул ее сын. Он стоял в глубине комнаты, и она не различала его взгляда. — Я предупредил вас, что не нуждаюсь в вашем сопровождении.

Сын вышел из тени и остановился около нее. Она повернулась к нему, поправила и без того лежавший безупречно воротник его рубашки, коснулась щеки. Щека была гладкой и пахла мятой. Ее мальчик уже брился...

— Мама, вы мне так и не ответили. Чем вы намерены сегодня заняться? — Требовательный взгляд сына окинул всю ее фигуру, от добротных кожаных туфель на низком каблуке до однобортного жакета с брошью на лацкане.

— Жежен, я тоже с удовольствием прогуляюсь, — мягко сказала она. — Ты же собрался в Давос? Хочешь пройтись по магазинам? Мне тоже нужно прикупить бумагу, конверты для писем. Пожалуй, я составлю тебе компанию.

— Я принесу вам все что угодно, — оборвал он ее.

Спрятав обиду за излишней серьезностью, она сказала:

— В последнее время ты очень изменился, Эжен. И не в лучшую сторону. Ты болен, и помимо моей воли мне часто приходится идти тебе на уступки. Но мое терпение не безгранично.

— Я не понимаю вас, мама. О каких уступках вы ведете речь?

— Все ты понимаешь, дорогой. Сначала я согласилась пересечь за «русский» стол, потом я поддалась на твою затею с костюмами. Я даже не предполагала, что эта русская осмелится выйти на люди в мужском платье.

— Мама, то был карнавальный костюм. Цезарь и Клеопатра, султан и невольница, Пьеро и Пьеретта — это ж банально. Другое дело, когда сразу два Пьеро. Согласись, мы с Гала были не как все. Даже тебе потребовалось время, чтоб понять, где она, где я. Я прав, да?

Мадам Грендель отвела взгляд. Когда в празднично разукрашенный зал вошли два Пьеро, она действительно

растерялась. Обсыпанные белой мукой лица-маски, глаза обведены траурными линиями, островерхие колпаки, скрывающие волосы. И юноша, и девушка в белых костюмах казались трогательными и хрупкими, как фигурки из дрезденского фарфора — толкни локтем, и разобьются в мельчайшие осколки.

— Девушка в штанах — это ж просто неприлично, — уже не так уверенно продолжила она. — Нет, я никак не одобряю твою дружбу с этой русской, — покачала она головой.

— Мама, неужели нельзя запомнить, девушку зовут Гала, — с нажимом сказал Эжен, и мать заметила, как напряглись все черты его лица. — Гала, Галья, Галочка.

— Ни одна порядочная девушка не носит такого имени, — не отступалась мадам Грендель. — И вообще эта русская мне не нравится. Девушке не пристало быть такой развязной. Думаешь, я не вижу, как она флиртует с тобой, записочки пишет. Ты молод и не знаешь, на какие ухищрения может пойти женщина, чтобы завлечь мужчину. Какие капканы она может расставить, чтобы поймать себе мужа.

— И какие? Просветите меня, пожалуйста, мадам. У вас, вероятно, в том богатый опыт.

Мадам Грендель вспыхнула, но удержалась от проявления гнева. Она не скрывала от сына своего прошлого. С малых лет она была вынуждена зарабатывать себе на жизнь. Мало того, оставшись без родителей, ей пришлось содержать младшую сестру и брата, заботиться о бабушке. Ее жизненный путь отнюдь не был устлан ковровой дорожкой. Естественно, она мечтала о счастливом замужестве, о безбедной, комфортной жизни, и ее знакомство с Клеманом Гренделем было ступенькой в восхождении по социальной лестнице. Ее муж, который начинал как конторский служащий, уже в двадцать восемь лет вел свое дело, позволившее им вырваться из нужды.

— Зачем ты обижаешь меня? — с горечью спросила она, глядя, в его такое родное, красивое, но отталкивающе-холодное лицо.

— Обижаю? Я?! — Тон его голоса взмыл вверх. — Это вы пытаетесь унижить в моих глазах хорошо образованную, порядочную девушку. — Заметив, как мать напряглась, уже спокойней добавил: — Кстати, если вам интересно, ее отчим — известный в Москве адвокат и придерживается либеральных взглядов.

— Отчим? Хм... Пусть так. Я ничего не хочу знать об этой русской. Подай мне шарф, — произнесла она с нарочитой небрежностью, давая понять, что все его возражения потонут в ее решимости. — Как ты думаешь, стоит мне захватить с собой

зонтик? И принеси-ка мне свежий носовой платок. Вон там, в комодике. Будь осторожен с фарфором. Тебе понравилось мое новое приобретение? В Давосе я нашла очень даже достойную сувенирную лавку. Правда чудная пастушка? Дрезденская мануфактура. Представь, как эта скульптурка замечательно будет смотреться у нас в гостиной на каминной полочке.

Эжен вздохнул. Мать и ее церемонии. Даже вдали от дома она воссоздавала свой маленький мирок с фарфоровыми миниатюрами, пудреницами, зеркалами и зонтиками. Эжен тоже был частью материнских церемониальных ритуалов. Его роль состояла в том, чтобы быть сыном своих родителей — слушать и слушаться. До недавнего времени он принимал условия этой игры, сохраняя внешние атрибуты почтения к родным, уходил во внутреннюю оппозицию — в мир вымысла, литературы, поэзии. Родные ему по крови, они были чужими по духу.

Он вынул шелковый шарф из ящика комода, в два шага оказался рядом с матерью.

— Приятной прогулки, мадам.

Он бросил на спинку стула шарф, но тот, не удержавшись, соскользнул на пол.

Мадам Грендель вздрогнула, соприкоснувшись с сыном взглядом, и тут же растянула губы в улыбке, старательно скрывая состояние паники, нарастающее у нее в душе. У нее возникло ощущение, что перед ней незнакомец.

— Я больше не позволяю тебе встречаться с этой русской, — отчетливо сказала мадам Грендель, глядя пристально в глубину его зрачков. — Не позволяю, — повторила она, словно хотела убедить саму себя. — Эта авантюристка просто мутит твою голову. Что ты знаешь о ней помимо того, что ее воспитанием занимается отчим? Почему эта русская здесь одна? Где ее мать? Вот уже несколько месяцев я за ней наблюдаю, но не заметила, чтоб кто-либо ее хоть раз навестил. Ни мать, никто из родных. И есть ли таковые у нее? Может, вовсе не отчим оплатил ее поездку сюда? Может, тот московский адвокат, как ты говоришь, ей вовсе не отчим, а отец, который женился на ее матери, чтобы скрыть грех? Может, твоя русская — дитя адюльтера? Или еще хуже — может, ей оплатил санаторий ее любовник? И не смотри, Эжен, на меня врагом, поверь мне, такое бывает. Почему твоя русская ничего не рассказывает о своем прошлом? Почему она не больно-то словоохотлива, когда просят ее рассказать о своих родных, а? И вообще, знаешь, что говорят здесь о ней?

— Я не думал, что ты собираешь сплетни.

В другой раз его полный горечи голос мог бы остановить мать, но ее было уже не удержать — слишком долго она пыталась

скрывать свои истинные чувства.

— Да твоя русская просто больная! — воскликнула она, и ее лицо пошло пятнами.

— Не одна она. Мы все здесь не кровь с молоком, — спокойно ответил он.

— Ну согласишься, Эжен, она слишком нервная. Чуть что — вспыхивает, кричит или плачет. Неужто ты не замечал перемены в ее настроениях? То смеется до упаду, то молчит, как немая. Нет, ей явно нужно проконсультироваться с психиатром.

Она передернула плечами, как будто ей стало дурно от собственных слов, и указала пальцем на лежащий под стулом шарф.

— Подними.

Ухватив двумя пальцами за конец, как будто боясь испачкаться, он подал ей шарф.

— Благодарю, сын, — делая вид, что не заметила, как безгласно вытянулись его губы, сдержанно сказала она. — Надевай куртку и пойдем. Давай-ка заглянем в кондитерскую. Мне очень по вкусу местные круассаны. И горячий шоколад здесь просто изумительный. Ну же, Жежен, поспеши.

— Спасибо за предложение, мама, но я, пожалуй, останусь. Я хорошо поел в завтрак.

Он отошел к окну и, скрестив на груди руки, застыл в выжидательной позе.

— Эжен, подойди сюда, — позвала мадам Грендель.

Он не двинулся с места.

— Жежен, не заставляй свою маму ждать, — ее тон смягчился, послышались просящие нотки. — Пожалуйста, подойди ко мне, милый. Давай не будем ссориться.

Эжен продолжал стоять на месте. В два шага она оказалась рядом с ним. Он посмотрел на нее в упор, в его глазах застыл лед.

— Малыш, не смотри на меня так. Ты же мой сын. сын. Я люблю тебя. Ты — вся моя жизнь.

Все та же пренебрежительная поза, холодное лицо.

Она бросилась к сыну с намерением обнять его, но он отшатнулся. Его сомкнутые на груди руки разжались, но не для того, чтобы обнять мать, а вытянулись вперед, как будто он защищался от удара. Мадам Грендель едва справилась с собой, чтобы не закричать. Ей вдруг представилось, как другая, «эта русская» — так всегда, даже во внутреннем монологе, называла она Галю — приближается к ее сыну. Как сияют его глаза в ответ, как распахиваются руки. Жанна-Мария как будто слышала их тихий шепот, шелестящий смех, наблюдала невыносимые жесты, говорящие об их близости. Ноги ее ослабли, она чувствовала, что

вот-вот упадет.

Отступив на шаг в сторону, она опустилаcь на стул.

— Пожалуй, я все же останусь, — сказала она еле слышно, развязывая на шее шарф.

Эжен тут же сорвался с места.

— Время прогулки. Я пошел.

Звук закрываемой за ним двери заставил ее вздрогнуть — в это самое мгновение она отчетливо, как никогда раньше, поняла, что теряет над сыном власть, и испытала такую боль, будто ей нанесли смертельную рану.

* * *

В воздухе стоял пряный аромат нагретой на солнце хвои. В цветастой легкой юбке и кофточке с рюшами по горловине и манжетам Гала — таким с недавнего времени стало ее имя — медленно поднималась в гору по извилистой тропинке. Позади нее с матерчатой сумкой через плечо шел Эжен. Он с тайным блаженством любовался гибкой шеей спутницы, ее узкой спиной, крутыми бедрами. Когда тропинка становилась шире, они вновь воссоединялись и шли, не разжимая рук, согласуя друг с другом ритм своих шагов, выискивая идеальное место для привала. Скатывающееся к горизонту солнце приглушило яркость красок, смазало очертания деревьев и уступов, трав и цветов. Напоенный ароматами ветер ласкал и бодрил одновременно, словно теплая, возбуждающая ванна.

Они разложили покрывало на лужайке с видом на долину. Отсюда над кронами деревьев виднелась нить дороги и сам санаторий. Гала без церемоний опустилаcь на покрывало, расстегнула две верхние пуговицы кофточки. Эжен, немного помешкав, отошел в сторону и, наклонившись, сорвал травинку. С наслаждением впитывая воздух каждой клеточкой своего тела, она смотрела на него. На нем были светлые брюки и белый джемпер с закатанными по локоть рукавами. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь дрожь ветвей, обрисовывали его силуэт золотистым ореолом.

— Молодой бог, — еле слышно произнесла она.

— Что? — он оглянулся на голос. — Ты о чем-то спросила?

— Иди сюда. Тут хорошо, — произнесла она чуть громче и похлопала ладошкой рядом с собой.

— Да-да...

Он вновь отвернулся и продолжал стоять, покусывая стебелек травинки.

— У Пенелопы хватит терпения ждать.

Гала распростерлась на покрывале. Подложив под голову руку, она закрыла глаза. Ею завладела нега, щемящее ощущение полноты существования и какое-то сладкое, томное предчувствие.

Опустившись на покрывало рядом с ней, Эжен вдруг оробел. От ее запрокинутого лица с влажными завитками волос на висках, с тонкими нитями бровей и веером ресниц веяло покоем и такой отрешенностью от высокого чистого неба над головой, от подрагивающей листвы, от него самого — от всего, что Эжен почувствовал себя лишним; поманив, она вновь ускользала.

Кроны деревьев трепал ветер. Внизу белела черепичная крыша санатория. Он смотрел в подсвеченное солнцем спокойное лицо девушки и ждал. Чего? Он и сам не знал.

— Мой молодой бог, — наконец, едва разжав губы, повторила она.

— Бог не может быть ни молодым, ни старым. Он вечный, — ответил он резче, чем хотел.

— Ты мой бог. Мой умный, милый, чудный. Ты умеешь творить чудеса, — сказала она и замолчала, будто ей нужно было время, чтобы сказанные по-французски слова перевести на своей родной русский. С того самого вечера, когда молодой француз согласился пересечь к ней за столик, все в ее жизни изменилось. Дни перестали тянуться длинной монотонной чередой, а замелькали каруселью. Просыпаясь утром, она чувствовала карамельную сладость на губах, душа ее празднично ликовала. Каждый день видеть Эжена, разговаривать, просто находиться с ним рядом — было для нее так естественно, что возникал вопрос: как же она жила без него. Эжен много чего знал и с охотой делился своими знаниями, сочинял, и она была первой слушательницей его сочинений. Она не всегда понимала все, о чем он рассказывал, но его стихи волшебным образом воздействовали на нее. Звук его голоса, жесты, его улыбка и ясность взгляда были важнее всех смыслов. Может, и он сможет узнать ее лучше, почувствовать ближе, если ее не будут связывать пути французской грамматики?

И Гала заговорила по-русски.

— Мне кажется, что до знакомства с тобой меня просто не существовало. Нет, конечно, я была, только я — была не я. Где-то там, глубоко в душе, мне кто-то подсказывал, что в моей ничемной маленькой жизни есть какой-то смысл, для чего-то важного я родилась на свет. Только я даже не догадывалась о моем предназначении. Теперь знаю. Ты открыл мне меня саму, ибо мое призвание — быть для тебя, для твоей любви. Для твоих губ, рук, для твоих мыслей, твоих снов и мечтаний. Для всего

тебя. Я хочу быть только с тобой. Я хочу ощущать всем своим существом только тебя.

Она по-прежнему лежала на спине, смежив глаза, и только ее тонкие губы едва шевелились в непонятной для Эжена речи.

— Если я кому-либо позволяла касаться себя и даже целовать, я просто искала. Искала любовь. Бог — есть любовь. Ты мой бог. Самый молодой и красивый бог. Мой Аполлон. Ты — моя любовь. Если мое тело было доступно чужим взглядам, мужские руки заставляли меня дрожать, то после я давала понять, что я его презираю, что я ненавижу его, что он совершил преступление. Его виной было то, что он — не ты. Я чувствовала, что в тех взглядах, касаниях есть нечто грязное, недостойное, греховное. Часами я стояла на коленях перед ликом Казанской богородицы и просила о прощении, просила одарить любовью. А потом я снова искала тебя в толпе, пробовала на вкус чужие поцелуи, чуждые объятия. Но даже если кто-то был рядом со мной, я чувствовала — это пустое. Океан, наполненный пустотой.

Внезапно Эжен ощутил радость. Сильное волнение отражалось на ее лице. Неужели она молится? Или приглашает к игре, упоительной и волнующей?

Он протянул руку в сторону, сорвал стебелек, провел мягкой кисточкой травинки по ее подбородку. Не открывая глаз, она небрежно отмахнулась. Этот жест показался ему таким наивным и в то же время изящным, что он невольно улыбнулся. Кисточкой травинки он коснулся ее ключиц. Гала снова отогнала невидимую мошку. Травинка скользнула в глубь выреза.

Гала открыла глаза и, увидев напротив себя его склоненное сосредоточенное лицо, вдруг рассмеялась.

— Ах ты, нахал. — Вновь перейдя на французский, она схватила его за запястье. — Куда это ты направился?

— Это не я.

Он разжал пальцы, и травинка легла ей на грудь.

— Ты хочешь меня поцеловать.

Она произнесла это еле слышно, без вопросительной интонации и не закрывала глаз, пока его лицо опускалось к ней. Его губы дотронулись до ее губ, скользнув по щеке, коснулись влажного виска. Она вся напряглась в ожидании, но он остановился. Его дыхание теплым бризом касалось ее волос, его рука еще окружала ее плечи, но между ними как будто встала стена — тонкая, прозрачная, но не пропускающая воздуха. Медленно, с каким-то остывшим взглядом, Эжен отвернулся, приняв свое первоначальное положение. Минуты две он сидел напряженный, как алхимик, усомнившийся, что сумел медь превратить в золото.

Гала приподнялась на локте, травинка упала с ее груди. Она взяла стебелек, пощекотала его руку. Он как будто не заметил. Она смотрела на Эжена. Он был рядом, и в то же время отсутствовал. Она не раз ловила его в такие моменты, когда его глаза туманились, взгляд уходил внутрь себя, лицо светлело. Некоторое время он блуждал в ином измерении призрачных образов, метафор, ритмов и рифм, и, когда на его губах появлялась тень улыбки, она радовалась вместе с ним — значит, он нашел то, что искал, он сделал открытие. Она чувствовала себя не зрителем, созерцающим процесс творения, но соучастником, сотворцом.

Сейчас же на его лице она не наблюдала и следа вдохновенной просветленности. Эжен просто отдалился от нее. Туча нашла на солнце. Гала заметила болезненно острые черты лица, синие тени под веками, холодный блеск в его глазах. Ей казалось, что она читает его мысли, и если он не осознавал, она догадывалась, в чем причина его столь внезапного отчуждения. Невидимый призрак мадам Грендель встал между ними. Гала сама была тому виной. Когда она была в их комнате и заметила рядом с фарфоровой статуэткой пастушки на комодике флакон духов — не удержалась. Открыв флакон, она смочила подушечку указательного пальца и мазнула им прядь волос около виска. Не осознав, Эжен уловил запах материнских духов на ее коже.

— Мне кажется, мы что-то делаем неправильно, — не глядя на нее, сказал он.

Его беглый встревоженный взгляд заставил ее улыбнуться. Мальчик напуган. Что ж... Надо его успокоить, предложить новую игру.

Согнув в коленях ноги, Гала села рядом с ним, расправила подол.

— Разве мы кому-нибудь мешаем? Мы ведем себя как примерные дети. Сейчас время прогулки, так? Доктор не против, когда в хорошую погоду кто-то из отдыхающих покидает территорию санатория. Кстати, когда у тебя назначен следующий рентген?

— Тебе хорошо известно, что двух недель не прошло, как мне делали снимок.

— Я даже знаю, что доктор остался доволен. Жаль, что мне не показали. Наверняка ты очень красив на снимке.

Положив локти на колени, она оперлась подбородком на сцепленные в замок руки так, что он не видел выражения ее лица.

— Все шутишь, — неуверенно произнес он.

— Я серьезна, как никогда.

— Моя мать не разделяет твоего оптимизма. Мой снимок

оказался не очень хорош. В левом легком видны затемнения.

— Нужно срочно предпринять кардинальные меры. Я знаю прекрасный метод. Стопроцентная гарантия полного выздоровления.

Она поцеловала его в губы так быстро, что Эжен не успел даже испугаться.

— Ты сумасшедшая.

Она слегка откинулась и рассмеялась, продолжая следить за ним напряженным взглядом. Эжен чувствовал, что должен оправдаться.

— У тебя никогда не возникало такого чувства, что когда тебе весело, кто-то в то же время страдает?

— Какие глупости ты говоришь. Солнце светит для всех. И небо для всех. И деревья, и воздух. Бери, наслаждайся, радуйся. Мы ничего ни у кого не забираем.

Ее голова оказалась на его коленях, и его рука как бы сама собой окунулась в тепло ее волос.

— Конечно, все так, как ты говоришь. Только кому-то приходится жертвовать собой, чтоб мы наслаждались комфортом. Вся наша жизнь зависит от чьих-то усилий, трудов, забот, — продолжал он сбивчиво. — За добро, говорят, надо расплачиваться той же монетой. Мы все опутаны нитями долгов и оправданий. Очень часто, чтобы высвободить себе хоть толику свободы, приходится рвать по-живому...

— Я не совсем тебя понимаю. Ты что, боишься быть счастливым?

Она отодвинулась от него. Ее пронзительные, темные, как бездонный колодец, глаза смотрели на него в упор, и ему казалось, что он различает в ее взгляде удивление, граничащее с презрением.

— Нет, совсем нет, я не боюсь быть счастливым. Просто я никого не хочу заставлять страдать.

— Я вовсе не страдаю, мне с тобой хорошо. Когда я рядом с тобой, мне больше, чем хорошо.

Она упала на спину. Подол ее юбки взбило пеной, оголив до колена ноги в тонких полупрозрачных чулках. Он не мог отвести взгляда от ее стройных ног с изящными ступнями, узость которых подчеркивали тонкие ремешки с блестящими застешками. И тут перед его мысленным взором возник иной. образ: широкие ступни с неровными выступающими узлами суставов, венозные нити под тонкой, размякшей от горячей воды кожей, трещины на тяжелых пятках. Мать делала себе горячие ножные ванны, когда чувствовала недомогание. Эжен вдруг почувствовал себя виноватым, что оставил мать одну.

— Галочка, мне с тобой приятно, очень приятно, только... Мне бы не хотелось строить свое счастье на несчастьях другого человека, — с трудом вытолкнул он слова из пересохшего рта.

— Ты думаешь о мадам Грендель? — догадалась Гала.

— При чем тут моя мать? — слишком поспешно ответил он и тут же уловил, как чуть дрогнула недоверчиво ее бровь. Гала с ее филигранной интуицией не переставала удивлять его. — Вообще-то ты права, — отводя взгляд, сказал он. — Моя мама очень многим пожертвовала ради меня. Вот уже почти год, как она отлучена от своего дома, от привычной для нее обстановки, от своих фарфоровых безделушек, цветов, тетушек. Она и здесь шатается наладить нечто подобное домашнему уюту, я вижу, насколько это выходит убого. К тому же отец дома остался один. Не думаю, что ему нравится коротать вечера в одиночку.

— Я не понимаю тебя. Если дела обстоят так, как ты говоришь, зачем мадам Грендель не уезжает? Или она тоже больна, как мы?

— Да, ты не понимаешь. Мы с мамой очень близки, очень, мы никогда не разлучались даже ненадолго. А сейчас она целые дни проводит в одиночестве. Каждый раз, когда мы вот так с тобой вместе, одни, без свидетелей, у меня возникает чувство, что я предаю свою мать.

— Что ты считаешь предательством? Вот это?

Ее рука скользнула в его руку, потянула за собой. И вот, следуя указанному пути, его ладонь оказалась на ее щиколотке, поползла вверх, и когда его пальцы окунулись в мягкое тепло ее бедер, ее лицо приняло выражение какой-то отрешенности. Во всем ее теле появилась расслабленность, она как будто отдавалась во власть подрагивающих от легкого ветра волн. Томным движением ее голова склонилась к плечу, волосы разметало по сторонам. Под напором его рук ее ноги раздвигались все шире, и когда его пальцы, чуть задержавшись на шероховатой подвязке, нашли то, что искали, она приподнялась в порыве, так что он не удержал равновесия и упал на бок. Ее дрожащий рот с легким придыханием накрыл его губы.

Эжен отдался новым для него ощущениям. Ему казалось, что он, подчиняясь неведомой для него силе, прячется от самого себя, что он не господин, а слуга. Впервые в жизни Эжен был и победителем, и побежденным одновременно. Он смирился. Отторгнув все доводы благоразумия, он поддался потребностям своего тела, пришел с ним к соглашению. Долг и желание, проза жизни и поэзия духа, разум и чувства, — отныне все для него стало равнозначным. Он больше не станет мучить себя противоречиями. Ему придется считаться с желаниями

собственного тела. Телесная радость произвела в нем душевную метаморфозу — будто холодный липкий туман наконец-то рассеялся и выглянуло солнце. Вот оно — заветное женское тело прямо перед ним, рядом с ним. Только бы не остановиться на полпути, только бы наконец познать то, о чем давно мечталось...

Эжен отстранился от нее.

— Что случилось?

Занавеси были отдернуты, и комнату освещала зыбкая лунная дорожка.

— Мне кажется, я что-то слышал, — сказал Эжен дрогнувшим голосом.

— Чего пугаешься, мальчик? Никак не привыкнешь, что за тобой никто не следит? Успокойся, мамочка вернулась домой и поливает свои цветочки.

— Я не люблю, когда с пренебрежением говорят о матери, — сухо заметил Эжен и, обернув бедра покрывалом, сел на кровати. Если бы он не был воспитан в уважении к женщине, он сумел бы избежать столь унижительного положения случайного любовника.

Раздосадованный размовкой с Гала, которая предпочла весь вечер прокружиться в танце с господином Магнусом, он согласился составить компанию Маргарет.

Маргарет была женщиной лет тридцати или чуть больше с пышными, вьющимися пепельными волосами и высокой грудью. О ней было известно, что когда-то она пела в опере, затем вышла замуж за наследника состояния, сделанного на торговле шерстью, и была вынуждена покинуть сцену. Заточенная в фамильном замке мужа, она, вероятно, неимоверно скучала и была рада очутиться в фешенебельном санатории. Ходили слухи, что она подкупила домашнего доктора, и тот поставил ей необходимый диагноз. Боязнь навсегда потерять свою блистательную супругу убедила ревнивого мужа в необходимости ее отъезда в Швейцарию. Местное общество разочаровало бывшую хористку. Каждый из пансионеров был сосредоточен прежде всего на самом себе, не замечая чар полной жизненных соков красавицы.

Эжен не раз ловил на себе взгляд ее зеленых с золотыми нитями рысих глаз, замечал на ее лице призывную, сладострастную улыбку. Он не мог не отметить, как повышался тон ее голоса, когда он оказывался рядом, как она, будто ненароком, дотрагивалась до его руки. Ее лихорадочный взгляд выдавал ту неумную энергию, что подобно горячей вулканической лаве кипела у нее внутри. Ему хотелось верить, что Маргарет влюблена в него, а не просто страдает от скуки и женской неудовлетворенности.

После непродолжительной прогулки по дорожкам санатория, ободренная его вежливым вниманием, она решилась на весьма рискованный шаг — пригласила его к себе. Эжен видел, как

напряженно дрогнули ее чуть опухшие веки, как будто от боли сузились зрачки, как приоткрылся пересохший рот, и два блестящих верхних зуба впились в нижнюю губу. Казалось, ответ он отказом, Маргарет тут же разразится рыданиями.

Эжен был вынужден согласиться. Под покровом ночи он пробрался в ее комнату. В тонком шелковом пеньюаре, с льющимся вдоль спины потоком волос, Маргарет ждала его, сидя перед зеркалом. Как только он дотронулся до ее плеча, она медленно, очень медленно повернула к нему голову, и он заметил на ее лице выражение торжества. Эжен ощутил себя зверьком, попавшим в подставленную ловушку; или, вернее, глупым щенком, очутившимся в рысых лапах, мягких, ласковых, но тут же готовых выпустить когти, если несмышлениш попытается сбежать.

Но не страх заставил Эжена подчиниться. То была гремучая смесь любопытства, вожделения и, как ни парадоксально признать — невозможности обидеть своим отказом женщину много старше его, Доверившийся опытной наставнице, он отдался на волю своих инстинктов. Краткое единение, судорожные движения и... гулкая пустота в душе.

Эжен сидел подле Маргарет и пытался найти предлог, чтобы ретироваться.

— И все же, мне кажется, я кое-что слышал. Вы никого не ждете? Может, мадам Тереза задумала вас навестить? Говорят, у нее бывают приступы лунатизма. Или мсье Кобистьен вдруг решил найти у вас средство от бессонницы? Я заметил, вы пользуетесь вниманием почтенного старца, — сказал он и заставил себя улыбнуться. — В нашем замкнутом обществе, вы, Маргарет, настоящая звезда.

— О, ты мне льстишь, дорогой. В этом богом забытом пансионе я живу, как послушница перед принятием пострига. Никому нет до меня дела, — игривым тоном произнесла она и положила руку на его накрытое покрывалом бедро. — Малыш, иди ко мне.

— Извините, но я... — Он вдруг прервал начатую фразу и в испуге скинул ее руку со своего бедра. — Послушайте...

— Ну что ты дергаешься, как балаганная кукла.

Маргарет неодобрительно сморщила носик и покачала головой. Он помрачнел, чувствуя, что теряет терпение, не зная, как быть.

— Я слышал, как в дверь постучали, — напряженным, но тихим голосом сказал он, хотя уже сомневался, не было ли то слуховой галлюцинацией.

— Не трусь. Это просто сквозняк, — ответила она и

поднялась. Сунув ноги в тапочки, она как была, в полупрозрачном пеньюаре, подошла к окну, закрыла створку. Эжен видел ее окутанную легкой тканью фигуру с мягкими плечами и широкими бедрами и не мог избавиться от чувства неловкости. Близость оказалась слишком поспешной, и он стыдился своей неопытности.

— Выпьешь?

Он машинально кивнул. Так же машинально взял стакан из ее руки. Жгучая жидкость обожгла его гортань.

— Что это?

— Лекарство от страха. Пей. Это бренди.

Сделав над собой усилие, он выпил до дна. И когда он поставил стакан на прикроватный столик, Маргарет тут же оказалась у него на коленях. Обняв за шею, она притянула его к себе. Его рука юркнула под полу ее пеньюара.

— Малыш Жежен, а ты проказник.

Она сделала слабую попытку оттолкнуть его руку, но тут же еще теснее прижалась к нему. Его ладони окружили ее мягкие груди, язык скользнул по вздыбленному соску. Маргарет застонала и задрожала всем телом. Он торопливо стал покрывать поцелуями ее обнаженные руки, плечи, шею. Но в то же время некая доля притворства была в этих поцелуях, в прерывистых объятиях. Будто он хотел оправдаться перед ней. Или перед собой?

Но разве в чем-то была его вина? Скорее Гала, сама того не ведая, подтолкнула его к этому шагу. Маргарет дала ему без лишних разговоров то, что Гала только сулила. Разве он мог устоять, разве в силах был отказаться от роскоши вдоволь отведать деликатеса после скудных дегустаций. Гала — его подружка, его возлюбленная, только манила, соблазняла, дразнила его воображение. Она позволяла любоваться своей тонкой гибкой шеей, покатыми плечами и золотистым пушком вдоль позвоночника. Эта щекочущая его губы дорожка кидала его воображение вниз, под тонкую резинку ее панталончиков, где угадывалась прохладная гладь ее тугих ягодич. Гала доводила его до безумия своими раскованными позами, шаловливо приподнятой юбкой, изящной оголенной спиной. Во власти его губ был ее жаркий рот, шея, нежный треугольник кожи, доступный в вырезе кофточки. Но когда он, изможденный ее горячими поцелуями и сладостной близостью извивающегося под его руками тела, просил о малой помощи, — только протянуть руку, только чуть сжать кулачок, принять его вздыбленное желание, она каждый раз отказывала ему. Он должен был скрывать свои тайные осязательные ощущения, прятать своего

рвущегося зверя под покровом одежды.

Эжен разжал объятия. Маргарет глубоко вздохнула, и он прижался лбом к ее обнаженной груди, спрятал лицо, чтоб она не сумела различить выражение разочарования.

— Я благодарен вам за все, Маргарет, но мне пора идти. Извините.

— Постой, малыш. Мы только начали. У нас еще вся ночь впереди.

— Нет-нет, мы и так нарушили режим. Это неправильно для нашего с вами здоровья.

— Боже, как скучно.

С коротким раздраженным вздохом она встала и прошла к туалетному столику. Ее волосы прядями свисали вдоль спины, и она заплела их в косу еще до того, как он успел застегнуть пуговицы на своей рубашке.

— Будьте добры, посмотрите, нет ли кого в коридоре. Я не хотел бы лишних неприятностей.

— Не трусь, все давно видят десятый сон.

Она сделала шаг в сторону двери, но тут же остановилась. Теперь они оба слышали еле слышный скрежет.

— Кто здесь? — спросила она с деланным равнодушием. Прошла минута — ни звука. Потом раздался робкий стук. — Что такое? Кому не спится? — добавила она с раздражением. Эжен стоял рядом, не в силах оторвать взгляда от покрытой белой краской двери, страшась, что она вот-вот отворится.

— Маргарет, это я, Гала. Никак не засну. Проходила мимо, услышала, что вы тоже не спите. Можно к вам? Отчего-то мне не по себе, — раздалось за дверью.

Маргарет сделала шаг к двери. Эжен побледнел как полотно.

— Не открывайте, — выдохнул он и схватил ее за руку.

Маргарет чуть заметно улыбнулась. Она наслаждалась смятением, отразившимся на его лице, потом сказала, обращаясь к двери:

— Милочка, успокойтесь. Я уже приняла сонных капель. Пройдите к ночной сестре, попросите успокоительного. Полная луна кого угодно доведет до белого каления.

— Может, вы поделитесь со мной своими каплями? Так не хочется спускаться к сестре. Она-то наверняка спит, — настойчиво произнесла Гала, и Эжен услышал, как она в нетерпении стучит носком туфельки об пол.

— Тсс, не надо так волноваться, сейчас посмотрю, чем смогу вам помочь. — Маргарет сделала движение по направлению к двери, но Эжен крепче стиснул ее руку. С напряженным лицом он отрицательно покачал головой. — К сожалению, мой флакон

пуст, я выпила последнее, — со вздохом сказала Маргарет. — Все же вам придется разбудить сестру. Попросите у нее отвар корней валерианы.

Еще некоторое время Эжен вслушивался в напряженную тишину за дверью. Наконец удаляющийся стук каблуков по деревянному полу возвестил ему, что опасность миновала.

* * *

Гала села к столу и, опустив лицо в ладони, попробовала спокойно все обдумать. Несомненно, Маргарет была не одна. Сквозь двери Гала слышала приглушенный разговор. Конечно, с Маргарет мог быть и не Эжен. Даже если они весь вечер гуляли вдвоем по тропинкам парка, торопливо минуя освещенные места и скрываясь в тени деревьев, это совсем не значит, что бывшая хористка смогла соблазнить его и тот, как пчела в поисках нектара, устремился в ее объятия.

Странно только, что Эжен не появился в своем окне, когда она кидала в стекло мелкими камушками. Эта игра им всегда удавалась. Правда, Гала могла предположить, что Эжен рано заснул. По крайней мере так сказала ночная дежурная, прогнавшая ее, когда Гала после десятичасового отбоя попыталась попасть к нему в комнату.

Надо было спрятаться за нишу и подождать, пока Маргарет не выпустит из своей комнаты любовника. А если б пришлось простоять на сквозняке всю ночь, а потом свалиться в горячке? Ведь есть вероятность, что Маргарет просто-напросто разговаривала сама с собой. Все может случиться от скуки и одиночества. Или, допустим, Терезе тоже не спалось, и она постучалась к соседке, чтобы в ночной темноте вдоволь посплетничать... Новые и новые версии выдвигала Гала, но при этом ее не оставляло чувство, что она сама себя пытается обмануть. Эжен был в комнате Маргарет, в этом Гала была почти уверена. И в том, что Эжен попал в сети обольстительницы, была не только его вина.

Гала вспомнила их последнюю размолвку, которая случилась у них накануне. Эжен выразил свое недовольство, мол, слишком много времени она проводит в компании Эриха Магнуса. Но разве грех в том, чтоб попрактиковаться в немецком языке и научиться танцевать кадрили? К тому же Эрих знал массу интересных вещей, собирал гербарий и своей эрудицией напоминал ей отца, по которому Гала скушала больше всего.

Неужели Эжен решил, что Эрих получает то, в чем она

отказывает ему? Неужели она сама своим глупым кокетством толкнула его в постель к бывшей хористке? Или Гала ему просто наскучила? Все что угодно, только не это. Как она сможет жить, если потеряет его? Гала его боготворила. До чего же он хорош, когда солнечные блики играют на его тонком, покрытом легким загаром лице! А какие у него красивые руки, никаких заусениц, обгрызенных ногтей. Настоящая рука благородного человека. И уж, конечно, он умнее всех проживающих в санатории. Если, конечно, умом не считать способность складывать и умножать цифры, в этом мастак Эрих Магнус, и не классифицировать растения и бравировать знанием латинских названий. Эжен умел то, что никому больше не было доступно. Только он был способен к тонкому осмыслению красоты: не безыскусной красоты луговых цветов или логики геометрических формул, но оттенков смыслов слов, сотворения ярких метафор, переплетения рифм и находке причудливых аллегорий.

— Я хочу, чтобы человек становился немым, когда он перестает чувствовать, — говорил Эжен.

Гала же, наоборот, когда чувства переполняли ее, не искала слов. Ее молчание было и признанием его творческого превосходства, и мостиком к пониманию его таланта, и рукой помощи. Кто, кроме нее, так умело, почти нежно мог подстегнуть его ленивого Пегаса? Разве Эжен не благодарил ее за то, что она дает ему новые силы? Не раз он повторял, что ее лицо и тело, ее ласки и поцелуи — необходимое топливо для разжигания его вдохновения, что в ее глазах он видит отклик; если ей что-то правится, ее глаза становятся яркими и горячими, как угли костра, если неудача — будто пеплом припорошило.

А какое чувственное наслаждение он ей умел дарить! Никому и никогда Гала не смогла бы рассказать, какие глубокие чувства она испытывала, когда Эжен ласкал ее. Темный водоворот страха, который затягивал ее всякий раз, как только ее мысль сталкивалась с непостижимостью смерти, в его объятиях превращался в плавный поток неги, принятия высшего предназначения жизни — любви. Она готова была умереть ради него, вместо него. Но еще больше — она хотела жить с ним вечно.

Нет, Эжен не смел зачеркнуть все, что между ними было. Любить — единственный смысл ее жизни. Только любовь служила оправданием всего ее существования. Без любви она была лишь тенью самой себя. Но она не умела любить без ответа. Смотреть в зеркало и видеть только гладь амальгамы? Кричать и не услышать отзыва? Для чего ей дана такая гладкая, нежная, податливая на ласки кожа, если его руки не касаются ее? Зачем ей такие чувствительные губы, шея, мочки ушей; столь

отзывчивое тело: груди, готовые вздыбиться сосками только от одной мысли о нем, прохладные бедра, горячее лоно? Зачем? Ответ один — только для него, для ее Эжена. Без него ее просто нет. Она — отражение его любви. Только его любовь дарует ей саму себя, через него она может узнать, существует она или нет.

Без него она не станет жить, не сможет. И если он действительно был с Маргарет, если теперь она царит в его сердце, вдохновляет его, то ей придется...

Гала вздохнула и начала раздеваться. Выпитое снотворное начинало действовать. Утро вечера мудренее. Не раз она убеждалась в правильности поговорки. Утро разрешит все сегодняшние сомнения.

* * *

Проснулся Эжен поздно. Когда спустился в столовую, Гала сидела за столом одна, по полуопустевшему столу было понятно, что их соседи уже позавтракали. Когда он отодвигал стул, Гала подняла голову, лицо — блее мела, в беглом взгляде — страх. Эжен улыбнулся — безрезультатно. С видимым спокойствием он начал завтрак. Гала попросила передать масленку, налить кофе:

— Если не трудно.

Смотреть на него она избегала. Намазала тонким слоем масла ломтик хлеба, отпила из чашки.

— Как спалось?

Она отмахнулась от его вопроса движением головы. Эжен отложил столовый прибор и, откинувшись на спинку аула, стал наблюдать, как она маленькими глотками сосредоточенно пьет кофе.

— У тебя странный вид. Ты ничего мне не хочешь рассказать? — начал он.

— Ты полагаешь, мне необходимо оправдываться?

— Нет?

Она отрицательно покачала головой.

— Может, у тебя есть что-то новенькое для меня?

— Хочешь еще кофе?

— Вчера я научилась танцевать кадрили, и... Эрих меня поцеловал.

Эжен придвинул к себе тарелку с сыром. На его лице заиграла улыбка. Лучшая тактика — выжидание. Не выдерживает тот, у кого меньше терпения. Итак, он заставил Гала оправдываться. Один ноль в его пользу.

— Сыр сегодня слишком пресный. Тебе не показалось?

— Тебе все равно?

— Почему все равно? Я предпочитаю выдержанные сыры.

— Не строй из себя простака, тебе не идет. Ты прекрасно понял, о чем я. Так тебе все равно или нет, с кем я провожу время?

— Гала, что ты опять себя накручиваешь? Магнус так Магнус. Поцеловал так поцеловал. Ничего больше не произошло, нет? Вообще-то здесь скучновато.

— Ты и с Маргарет вчера скучал? Я видела, как вы с ней гуляли под ручку.

Взгляд ее полыхнул огнем.

— Ты же знаешь, я не танцую, кадрили мне ни к чему. Хочешь развлекаться на танцах? Пожалуйста. Я не буду докучать тебе своим присутствием. Ради разнообразия я провел вечер не с тобой, что с того? Маргарет, конечно, не семи пядей, разговаривать с ней, что камни таскать, сизифов труд. С тобой гораздо интересней.

Гала прикрыла глаза.

— Расклеилась я что-то, — сказала она. — Плохо спала, чувствую себя, словно побитая собака. Извини. Ты хороший. И красивый. И умный. Ты знаешь, что ты для меня значишь. Только дальше-то что будет с нами?

— Что будет, то и будет. Меня как-то это не очень волнует.

— А меня волнует.

— Наберись терпения.

— Чего я должна ждать? Пока мы расстанемся?

— Но мы же не можем здесь остаться навсегда. Здоровье поправим и... Все нормально будет.

— Я уеду в Москву, ты в Париж. Так ты считаешь правильным?

— Пожалуй, я тоже выпью кофе.

Он придвинул к себе чашку. Руки его не дрожали, и весь его вид говорил о спокойствии. Гала вдруг тоже успокоилась. Даже если Эжен вчера был в комнате Маргарет, вряд ли что-то существенное произошло между ними. Эжен не выглядел ни взволнованным, ни подавленным, ни взбудораженным. Просто чуть сонным, как часто бывало по утрам.

— А как женщина Маргарет тебе нравится? — спросила она и тут же почувствовала такое облегчение, что смогла посмотреть прямо в его лицо. — Она же толстая и старая.

Он задержал чашку у губ дольше, чем обычно, затем осторожно поставил на блюдце.

— Маргарет слишком примитивна для меня. В этом мире трудно найти себе кого-нибудь близкого и по душе, и... — Он

остановился, не в силах сказать правду, и в то же время не желая лгать. Фальшь Гала отличала безошибочно. — Ты мне нравишься, Гала. Вся... Могу ли я надеяться...

Не договорив, он взял в правую руку нож, в левую — яблоко. Гала смотрела, как из-под ножа на тарелку падают лоскутья очистков, и внутренне ликовала — он хотел ее. Он не прочь снять с нее одежду, как кожицу с яблока, и так же чуть лениво, как поглощает полную соков мякоть яблока, заняться с ней любовью.

— Я не лишаю тебя надежды. — Она пожалела, что ее голос дрогнул. — Только подожди немного, я пока не готова.

Эжен отрезал еще кусочек, положил в рот. На его лице сосредоточенность сменилась выражением удовольствия.

— Очень вкусное яблоко. Сладкое, сочное, зрелое. Хочешь попробовать?

Она взяла из его рук кусочек, и хотя яблоко действительно оказалось вкусным, она сказала:

— Ему бы еще повисеть на веточке да погреться на солнышке, было бы в самый раз.

— Я снова оказался непонятым, — вздохнул Эжен.

Во время прогулки он заговорил о том, что у него нет близких друзей, ему не с кем поделиться своими мыслями, некому оценить его стихи.

— Одиночество тащится злобно за мной по пятам, — сказал он, отделяя, смакуя каждое слово.

— Похоже, ты находишь в этом мазохистское удовольствие, — сказала Гала. — Ты жалуешься на одиночество, а в глубине души считаешь себя лучше всех. Хотя слово «лучше» предполагает сравнение: плохой, хороший, лучший, так? Как мой французский? Лучше? — Она улыбнулась. Эжен оставался серьезным.

— Странно, но ты русская, а понимаешь меня много лучше других... — он улыбнулся. — Наверное, ты права. Можно выразиться проще — ты меня понимаешь.

Она пожала плечами:

— Так больше никто, кроме меня, не знает, что ты поэт. Кому ты еще читал свои стихи? Мадам Грендель? Отцу?

— Мама женщина простая, что ни читай — нее хорошо, а отец... Это больная для меня тема. Отцу приятнее было б, чтоб я надел холщовые нарукавники и щелкал на счетах. Поэзия для него — нечто вроде легкого помешательства.

— А Маргарет что сказала? Ты ей что-то читал?

— Зачем метать бисер?.. Вот если б я пел куплеты.

Гала довольно хихикнула.

— Ты сам для себя поэт. И для меня. Я твоя поклонница и вся твоя публика. Пусть будет так, я не возражаю.

Они присели на скамейку. Гала слегка прислонилась к нему. Она держала его за руку, наслаждаясь его близостью. Склоненная к его плечу голова, высвеченные солнечными бликами ее темные волосы, полуоткрытые яркие губы. И вдруг он почувствовал: они — одно тело, одна душа, если сейчас она исчезнет, от него останется половина.

— Эжен, ты любишь меня.

Он не услышал вопроса. Или все же это ее русский акцент?

— Гала, милая Гала... Самая дорогая... Мое сокровище, — растерянно пробормотал он, окуная лицо в ее волосы. Жгучее желание охватило все его существо. — Люблю, люблю, люблю... Больше всего на свете я люблю тебя. Моя прекрасная девочка, моя единственная... Мне кажется, что я не жил ни дня, когда твои глаза не видели меня. — Он окружил ее лицо ладонями. Она не отводила взгляда, вся подалась вперед, словно хотела влиться в него. Он чувствовал ее легкое дыхание на своем лице, слышал частое биение ее сердца.

Он прижался к ней теснее.

— Когда, когда ты станешь полностью моей? Я изнемогаю, — шептал он, покрывая ее лицо поцелуями. — Я приду к тебе сегодня после полуночи, да?

Она на секунду застыла, отодвинулась. Короткий, колючий, испытующий взгляд исподлобья.

— Что ты сделаешь, если я не соглашусь?

— Поцелую.

Эжен попытался ее обнять, она отклонила.

— Ты снова пойдешь к Маргарет?

Он встал со скамейки, опустив голову, прошелся перед ней взад-вперед, снова сел.

— Ты целовалась с Магнусом, я с Маргарет. Мы квиты. Ерунда все это, забудь.

Некоторое время они сидели рядом, разделенные молчанием. Затем она чуть нараспев прочла:

— «Есть на свете одно существо и немыслима / Несправедливость / Любовь избирает любовь...»

Она откинулась на спинку скамьи, запрокинула голову. В кроне липы гулял ветерок, кидая блики на озаренное внутренним светом лицо девушки.

— «Любовь избирает любовь»... Как хорошо ты сказал, как точно. Мне кажется, эти слова ты прочел в моем сердце.

Он взял ее за руку. Его взгляд — не просительный, не ласковый, но какой-то холодный, чужой, может, немного

растерянный.

— Гала, мне нужен твой совет. Тебе нравится, как я пишу? Ты считаешь, я поэт?

Она сжала его пальцы.

— Я не думаю, что поэт — это состояние души. Каша — не каша, если ее никто не пробовал, стихи — не стихи, если о них никто не знает. Ты готов опубликоваться? Не боишься?

Несколько секунд она молчала, не отрывая от него испытующих глаз.

— Если честно, ужасно боюсь, — сказал он и улыбнулся. Улыбка у него вышла какая-то жалкая, мимолетная, и ей захотелось его приободрить.

— Хочешь, я помогу составить твой первый сборник? И если нужно, напишу предисловие. Только ты проверишь грамматику. Согласен?

— Даже не знаю, что сказать...

— Скажи «согласен».

— Не уверен, что хочу этого.

— Давай договоримся. — Гала вскочила со скамейки, встала перед ним. Ее глаза горели решимостью. — В день, когда выйдет наш первый сборник, я стану твоей. Вся, до последней жилочки. Хочешь?..

* * *

Сила желания долговечней трепета обладания. Знала ли Гала о том? Вряд ли. Подчиняясь внутренней логике чувств, она плела изысканное кружево их любви. Она — противница спешки и простоты. Именно Гала открывает для Эжена истинное единение, союз выжидания и чувственности, поэтического творчества и изысканного эротизма. Откуда Эжен черпает вдохновение? Не из мечты ли о полном обладании вожделенной женской тайны? Долгое ожидание превращается в тонкую игру чувственности. Чувственность питает вдохновение.

Ушло лето, а с ним и возможность уединяться на прогретой солнцем поляне. Дни скользили за днями и были бы похожи один на другой, не будь некой интриги, приправленной жгучими специями игры. Эжен и Гала по-прежнему выполняли предписанные врачом медицинские процедуры, соблюдали режим санатория. Но во время лежачих «прогулок» на террасе или в зимнем саду тетрадь с записями то и дело курсировала между Эженом и Галой.

— Эй, что сегодня ты мне приготовил? Покажи. Хм...

Ее глаза заскользили по строкам.

«Мои губы везде: вверху, снизу и в середине; и когда ты вздрогнешь от волнения, возьму я полный кубок и припаду к нему я с наслаждением».

Гала на минуту задумалась. Затем ее карандаш заскользил по бумаге.

«Интерес взаимный, — писала она, — но знай: как только получу я все свое, я прогоню тебя. Подписываюсь — Reine, королева. А как имя нахала, что возжелал меня?»

«Имя вашего рыцаря Эжен Поль Элюар Грендель».

«Я знавала одного Жежена. Не тот ли это проказник?»

«Вы ошибаетесь, госпожа. Малыш Жежен остался в коротких штанишках. Я Поль Элюар».

«Жежен умер? Да здравствует мой король Поль Элюар Грендель. Мой повелитель в плаще цвета моей крови».

«О, моя королева. Когда я увижу вас? Явись предо мною в красном плаще, в красной маске, в красных перчатках и в черных чулках».

«Подожди немного, я приду к тебе. Откину красный плащ, сброшу красную маску и красные перчатки. Я войду к тебе, нагая, странная, белая и прямая. Поправлю живые волосы и... вновь скользну в красное платье. Чтоб ты меня ни с кем не перепутал».

«Малышка-девчушка с грудью нежной. Ни с кем и никогда я тебя не спутаю. Ты единственная для меня...»

Гала продолжала настаивать на издании сборника. И вот в одном из издательств отпечатана книжечка в сто одиннадцать страниц — «Первые стихи». Гала не удовлетворена. Журнал «Le feu» публикует поэму «Безумец говорит». И этого мало для Гала — она верит в гений своего Эжена (она пока не привыкла называть его новым именем — Поль) и хочет, чтоб все узнали о его таланте и... о том, кому он посвящает свои строки. Наконец выходит в свет сборник «Диалоги бесполезных людей». Гала сама готовит предисловие:

«Не следует удивляться, что женщина, более того, незнакомка, представляет читателю эту книгу. Автор был знаком со мною какое-то время, и я с ним. Его работа представляется мне проявлением души, довольно неплохо развившейся, если можно так выразиться. На этих страницах можно все найти и, следовательно, все искать. В рифмованной форме представлены факты, которые вряд ли были поэтическими. Я благодарю автора за чудесное ощущение, доставленное этим художественным произведением» (ПСС. Pleiade. Т. 2. С. 749).

Именно так женщина благодарит поэта, она имеет на то

право — ибо она Королева. Гала так и подписалась под своими словами: Reine de Paleuglén, что означает Королева Поль-Эжен-Грендель (анаграмма из Paul-Eugène Grindel).

Эжен, отдавая себя в добровольное рабство, не сопротивляется. Он любит, а значит, безоговорочно предоставляет ей полную власть над собой; преклоняет колени перед своей королевой; отдается на волю деспота, своенравного, но пленительного. Одно ее слово, улыбка, жест могут вознести его к небесам или низвергнуть в прах. Он — гладиатор, сражающийся с голодным львом раздирающего все его тело желания, рискующий собой только для того, чтобы его возлюбленная могла побороть зевоту. Он боготворит ее, он ждет ее решений, он подчиняется ей. И подчиняет ее себе. Ее тело — его игрушка, которую он заводит одним только касанием. Он знает ее «слабые» места. Вот Гала сидит в гостинной. Ее руки спокойно лежат на ее коленях. Идет концерт. Эжен останавливается сзади нее, кладет ладонь на спинку стула, на котором она сидит. Никто из присутствующих рядом даже не догадывается, что его юркий палец идет блуждать по дорожке от кромки ее волос до чуть выдающегося за воротом шейного позвонка и чуть ниже, где находится чувствительное «кошачье место». Даже если б кто увидел, что ж в том? Это всего лишь шутка. Но отчего ж так учащается ее дыхание, дрожат и распахиваются губы, туманится взгляд?.. Прозвучал бравурный фортепьянный аккорд, и, тихо извинившись за беспокойство, Гала спешит к выходу. Эжен выходит чуть погодя. Он знает, для его рук, для его губ — не будет преград. И ее руки, ее губы в его власти. Не надо просить, она сама расстегивает корсаж. Так кто властвует над кем? Они оба в плену страсти. И страха. Над ними завис дамоклов меч расставания. Сейчас они единое целое, но вскоре их вновь раздерут на части, его отправят в Париж, ее в Москву. Эжен и Гала своей любовью только на время заслонились от суровой правды жизни. Выздоровление не радует, ныне их пугает не смерть — они страшатся разлуки. Но как они смогут жить друг без друга?

Эжен сложил письмо, сунул в конверт. Свеча тускло мерцала в сумраке комнаты, дрожащим пламенем встречая рассвет. Он перевел взгляд на окно. Глухая стена с черными провалами окон, а над крышами — блеклые брызги звезд по вылинявшему полотну неба. Он слышал еле различимый шум одиноких повозок, хлопанье дверей. Начиналось утро, а он так и не сомкнул глаз. Снова на фронт. В холод, скуку, грязь. Снова стать частью безликой массы в серых шинелях, овцой в стаде перед бойней. Он назначен старшиной в двадцать третью роту пехотных войск. Не страх, но непреходящая усталость сдавила ему грудь, перекрывая кислород, заставляя мучиться от болей. Эжен чувствовал себя не двенадцатилетним, полным планов юношей, но глубоким стариком, прожившим, может, и долгую, но никчемную жизнь. Что было у него в прошлом? Ради чего стоило жить?

Взгляд его упал на конверт, белым квадратом выделяющийся на фоне темной столешницы. Письмо из России, от его подружки с бурлескным именем Гала. Письмо из прошлого...

Жизнь в Клаваделе ныне представлялась ему чем-то нереальным, «невсамделишным», их любовь — игрою, прекрасной, будоражащей кровь, полной азарта. Не более. Да и сам Эжен там, в Клаваделе, казался себе неким персонажем выдуманной истории. Расстояние и время, а главное — война отбросили недавние события в глубокое прошлое, расставили иные приоритеты, изменили его до неузнаваемости. Наверняка другой стала и сама Гала. Какая она сейчас, спустя почти год с момента их расставания на перроне Давоса? Над чем она сейчас размышляет? С кем встречается? Гала пишет, что ее ничто не интересует — ни семья, ни подруги, ни театр, что одно ее отдохновение — это книги, единственное, что удерживает ее на плаву, — его любовь. Но так ли это? Не лукавит ли она? Не хочет ли она убедить и себя саму, и его, что чувство, которое они испытали там, в Клаваделе, действительно было той самой любовью, которая им поможет выжить в этом страшном, несправедливом мире?

Гала, милая, славная девушка... Его сердце сладко заныло. Он стоял у окна, и его тело, все его опустошенное тело, вновь чувствовало трепетное касанье ее рук... Он помнил запах ее волос, звук шагов, даже движение пальцев, крошащих ломтик хлеба. Только цельный образ куда-то ускользал, все более и более растворяясь в его воображении. Подчас ему представлялось, что Гала — не реальная девушка, живая плоть, а некий фантом, плод

его снов, мечтаний, фантазий. Может, он просто выдумал ее, чтоб не так скучно было пребывать в сумерках будней?

Эжен попытался воссоздать ее облик, но он исчезал, размывался в наплывающих иных образах. Отчего-то ему вспомнилась женщина, приходившая мыть полы в госпитальной палате. Она была какой-то несчастной, всегда с печальным выражением на туповатом лице, бледном и жалком. Но когда она наклонялась и из-под подола показывались ее крепкие белые ляжки, отнюдь не жалость, но какое-то жуткое звериное чувство овладевало им. Может, и то, что он испытывал к поломойке, тоже есть любовь?

Эжен выхватил из конверта письмо, придвинулся ближе к свече, судорожно стал перечитывать. Думаю о тебе ежесекундно... без тебя пусто... Твоя навеки... люблю... целуй меня всю... мои глаза — тебе, мои руки, губы, я вся — только для тебя.

Он отложил письмо. Пока он был во власти ее слов, он верил, что есть какой-то смысл в их общем прошлом, внутренне соглашался, что у их дуэта есть общее будущее, но как только письмо оказалось в конверте, сомнения вновь овладели им.

Гала подписалась: «твоя жена навеки»... Жена?.. Он даже не может воссоздать в памяти ее облик. Какого цвета ее глаза? Темно-серые? Карие? Он не помнит! А когда-то видел в них отражение всего мира. Какова на ощупь ее кожа? Запах ее тела? Остались только смутные воспоминания. И если бы не ее письма, повторяющийся хордовод: «мой, только мой, мой дорогой, мой любимый», если бы не ее мольба о встрече, ее слова, воскрешающие картины былой страсти, он сумел бы стереть из своей памяти ненужную ему сейчас любовь. Но разве не было бы чудовищно отказаться от радостей жизни ради войны, смерти? Разве он вправе забыть свои обещания?

Эжен чувствовал, что наступила та минута, о которой Гала говорила ему в последнем письме — он должен принять решение. Это решение должно стать ключом к его и ее жизни. Он стоял у окна, смотрел на сереющее небо и размышлял. Может ли он позвать ее в Париж? Может ли взять на себя такую ответственность? Позови он ее, она приедет, Эжен не сомневался. Для этой смелой до безрассудства русской раздираемые войной страны — не преграда. А если Гала приедет в Париж, она останется. Навсегда. Отступления для него уже не будет.

Или все же решиться и написать ей, что сейчас, когда рушится мир, гибель их любви в кровавом пожаре войны — может, и трагическая, но неизбежность. Он — француз и должен идти воевать. Он обязан отдать свою жизнь Отечеству, принести себя в жертву. Как агнец на заклание?..

Но даже если не долг и не война, нужно ответить самому себе: действительно ли он жаждет видеть эту русскую рядом с собой, или все же он не готов?

Эжен смотрел вверх крыш и в дрожащем свете бледнеющих звезд искал ответ.

Вновь и вновь он вспоминал, как Гала лежала на постели и солнечные блики играли на ее обнаженных руках. Утомленная жаром болезни она уснула. Но тут он заметил, как судорога прошла по ее лицу, как напряглось все ее тело, сжались кулаки. Эжен помнил, как ему вдруг стало страшно. Он положил руку ей на горячий лоб, из-под веера ресниц мелькнул и угас ее горячий взгляд. Он наклонился к ее влажному виску и стал ей шептать слова. Что он говорил? Разве сейчас вспомнить? Но именно тогда он вдруг представил, как она лежит рядом с ним в супружеской кровати. И им сразу же овладело отчетливое ощущение, что так оно и должно быть. Он будет засыпать и просыпаться рядом с нею. Заниматься любовью, слышать, как она кричит в страсти, плачет от чувственных потрясений. И когда Гала открыла покрасневшие от жара глаза и ее горячая влажная рука коснулась его руки, ему показалось, что она прочла его мысли.

— Я не умру, — сказала она, и он не услышал вопроса. — Обещаю.

Растроганный ее воспаленным доверчивым взглядом, он встал перед ней на колени и зарылся лицом в подушку рядом с ее головой. Тогда его посетило откровение: вот это и есть любовь. И перед строгими ликами ее православных икон он поклялся, что она станет его женой.

Эжен стоял у окна и воскрешал в памяти ту минуту. Когда это было? Год назад? Десятилетие? Вечность? От прошлого его отделяла непроходимая пропасть. И действительно ли он брал на себя какие-либо обязательства? Разве он ответственен за ее жизнь? Разве он уверен, что любит эту странную русскую девушку? Может, он вовсе не способен к любви, но, поддавшись жалости, подстегиваемый жаждой плоти, он придумал для себя эту игру в любовь? К тому же его подсознание было столь малодушным, что избрало для своих чувственных экспериментов иностранку из далекой, чуть ли не варварской столицы, не имевшую почти никаких шансов войти в его жизнь.

Эжен смотрел на гаснущее пламя оплавившейся свечи и понимал, что так до конца и не знает, то была жажда новых впечатлений, способных прогнать санаторную скуку, или все же любовь. И ему было грустно от своих сомнений.

Он поднес письмо к огню, нерешительно, колеблясь,

огненный язычок лизнул угол конверта, на какое-то мгновение, вроде как задумавшись, замер и вдруг вспыхнул горячим ярким пламенем.

Эжен смотрел, как огонь пожирает бумагу, и вдруг его осенило, что не знать, чего он хочет, вполне естественно. Он не может принять решение, ибо он всего лишь маленький человек в больших обстоятельствах, на которые он не может ни повлиять, ни исправить, ни каким-то образом изменить. Идет война, он призван в армию, он солдат.

* * *

Гала откинула угол скатерти, потянула за металлическую ручку, задержалась взглядом на высунутом, как язык из рта, ящике. Некоторое время, не мигая, она смотрела на пачку писем, перевязанных тонкой атласной ленточкой.

— Добрый день. Как настроение?

Гала повернулась на голос. Перед ней стоял отец. Резкие тени создавали впадины на его полных, немного отвисших щеках, тяжелые веки скрывали его взгляд, улыбающиеся губы не добавили его голосу теплоты. Весь его облик говорил об усталости.

— Как себя чувствуешь? День сегодня безветренный, жара спала. Не стоит ли тебе прогуляться?

— Папа, я решила уехать. И больше не пытайся меня отговаривать.

Гала застыла в ожидании его ответа. Отец сел в кресло, вытянул ноги.

— Пылища кругом, извозчика не сразу нашел. Что сегодня у нас на обед, не знаешь?

— Тефтели и греча.

Гала задвинула ящик и присела на подлокотник кресла, наклоняясь, заглянула в его лицо.

— Ты с процесса? Устал?

Он притянул ее к себе, наслаждаясь тонким ароматом ее юного тела, заглядываясь на темный вихрь волос, бушевавший вокруг ее лица.

— Сегодня был безумный день. Не хочу рассказывать. Неинтересно и ненужно. А ты? Температура не поднималась?

Его губы коснулись ее шеи, рука окружила талию. Гала прижалась к отцу, ощущая, как его нежность, словно тонкая шаль, окутывает ее, согревает теплом. И все же она нашла в себе силы произнести твердо:

— Папа, решено, я уезжаю. Жюстина едет домой. Вдвоем нам будет легче добраться до Франции. Мама уже согласилась.

Она почувствовала, как рука, обнимавшая ее талию, напряглась и разжалась. Отец тяжело поднялся, сделал шаг в глубь комнаты и остановился. На кровати в беспорядке лежали ее платья, блузки, воротнички, панталончики. И вдруг его пронзила острая боль, какую ощущает человек, в доме которого побывали вори.

— Что за беспорядок? Ты же знаешь, я этого не люблю, — сказал он, с трудом разжимая челюсти.

— Я не возьму с собой эти вещи. Лизе, надеюсь, они пригодятся, — извиняющимся тоном ответила Гала. — Дорога дальняя, я поеду налегке. В Париже я куплю все, что нужно.

И вдруг он понял — она действительно уезжает. Его охватило предчувствие, что он больше ее не увидит.

— Милая моя, — произнес он, чувствуя, как от волнения у него похолодели губы, — ты не можешь нас всех просто так взять и оставить.

— Папа, зачем говорить лишние слова? Вам прекрасно будет без меня. Лиза вновь займет мою комнату — она просторнее. Маме будет полегче, в последнее время мы с ней не больно ладим. Я ж понимаю, характер у меня — не сахар, я приношу вам только тяготы. К тому же я уезжаю не просто куда-то в неизвестность, а к моему любимому. Эжен ждет меня.

— Ждет? Ты уверена? Идет война. Ты не забыла? Война вторглась во все наши планы. Новые обстоятельства меняют людей.

— Вот этого я и боюсь, — произнесла она с тоской. — Мне кажется, если я останусь еще хоть на месяц, тем более буду ждать конца войны, все изменится, непоправимо исчезнет что-то важное, жизненно необходимое.

— Может, так будет лучше?

— Только не для меня, поверь. Папа, я здесь лишняя, лишняя. Ты умный человек, ты понимаешь, этот дом уже отринул меня. Для меня места здесь нет. Пока я жила в Клаваделе, моя комната стала Лизиной, мои платья, туфли, мои вещи... Где моя кукла, что ты мне подарил на День ангела? Где ридикюль из лаковой кожи? Моя муфточка, моя тетрадка с переводными картинками? Вы так же спокойно выбросите меня из своей жизни, как и мои вещи.

— Ты не права, — произнес он несколько неуверенно. — Этот дом по-прежнему твой. Согласен, нам пришлось потесниться, чтоб принять твоих кузенов. Кое-что из твоих вещей перешили для Лизы, кое-что отдали нуждающимся. Кому-то они принесли

пользу.

— Папа, милый, не надо оправдываться, — она обняла его, прижалась к его груди. — Я должна уехать. Если не уеду — что-нибудь случится, нехорошее. Я это чувствую. Пойми меня. Ты же знаешь, как мне трудно...

Она замолчала на полуслове. Разве она могла сказать отцу, как ей недостает Эжена: его голоса, его прикосновений, слов, ласк — всего его. Первое время, когда она вернулась домой, она еще не осознавала, насколько крепко связала их любовь. Днем она все время придумывала себе занятия, ни минуты не оставаясь без дела, но книги, театр, музыка еще больше разворачивали ее мысли к Эжену. Ночью было еще сложнее. Как только она касалась простынь, все ее тело как будто бунтовало — ее бил озноб, суставы скручивало, как на дыбе, болела каждая клеточка. Она мечтала, чтоб хоть кто-нибудь ослабил эту ее боль. И когда молодой офицер, с которым она когда-то была знакома, когда тот был еще кадетом, пригласил ее на свидание, она не могла не поддаться на его уговоры. От той встречи у нее осталась лишь горечь сожаления да снисходительная жалость к себе, такой слабой, нуждающейся в близости.

— Папочка, ты хороший, ты очень-очень хороший. Ты должен понять, — сказала она, припадая к его груди.

Отец снисходительно похлопал ее по спине и, когда она разжала руки, тут же отошел в сторону.

— Папа, ты же знаешь, меня ждут в Париже, — продолжала она убеждать скорее себя, чем его. — Я читала тебе, что пишет мама Эжена. Я должна быть рядом со своим женихом.

— Мне кажется, мадам Грендель слишком много надежд связывает с твоим приездом. Согласись, все же не ты вылечила ее сына от туберкулеза — климат Швейцарии и врачи. Не в твоих силах вернуть ей с фронта сына, уберечь его от тягот службы. Он молод, он служит, так и должно быть в сегодняшнее время. Война превращает мальчиков в мужчин.

— Пап, ты же знаешь, мы помолвлены.

— Я совсем не уверен, что тот, кого ты считаешь своим женихом, когда ты приедешь, будет рад тебя видеть. Поверь мне, я прожил большую жизнь, Эжен Грендель, каким ты знала его в Клаваделе, уже не существует. Забудь все его обещания, все его клятвы. Не потому, что он обманщик, подлец или еще что-то в этом роде. Просто такова жизнь. Тебе придется принять ее правила.

— Это ваша жизнь и ваши правила. У нас все по-другому, — сказала она в запале и замолчала. Ей вспомнилась погибшая в Клаваделе Лида, ее большие круглые глаза, наполненные

слезами. Она тоже писала письма, верила в любовь и жаждала воссоединения с любимым. Только тот ее предал. Расстояние и время поглотило его любовь. Но Эжен не обыватель, не клерк. Он поэт, воспевающий любовь. Поэт и Муза — неразлучная пара. И все же... Она должна спешить. Гала чувствовала, как раз от разу тон его писем менялся, становился суше, отчужденней, как будто нити, связывающие их судьбы, истончались, еще немного — и они оборвутся.

— Я не хочу, чтобы ты страдала. — Он вновь приблизился к ней. В его взгляде была и любовь, и боль, и враждебность — он стремился ее удержать около себя, оградить от неизвестного мужчины, который заставит ее мучиться, плакать, сожалеть. Он сам был мужчиной, он знал, что его приемной дочери придется пройти путь утрат и разочарований. И он хотел ее уберечь от несправедливостей жизни, окружить своими объятиями, чтоб она избежала холода остывающей страсти. — Пойми, там, в чужой стране, с чужими людьми, ты будешь одна. Ни мамы, ни сестры, ни братьев, ни подруг, ни. меня рядом не будет. Ты понимаешь это? Представь себе, что твой жених... — он на секунду остановился, не смея произнести «будет убит». — На секунду представь, что семья твоего жениха не примет тебя. Что ты будешь делать?

— Эжен снимет для меня квартиру. Я буду ждать его, буду много читать, брать уроки французского. Я поступлю в Сорбонну. Ведь ты сам говорил, что я должна продолжить образование. Я умная, да? Ты сам так говорил.

— Ты будешь одна, представь себе, совсем одна, — повторил он. — Ты знаешь, что такое одиночество? Ау-ау, охрипнешь от крика — и никого, никто не откликнется.

— Я никогда не бываю одна. — Она приложила руку к груди. — Со мною всегда моя любовь, мой Эжен.

— Тебе этого достаточно?

Он замер, сейчас она произнесет вердикт: отныне она отвергает его отцовскую любовь ради сладострастного забытья в объятиях любовника.

— Конечно, нет, я жадная до любви, — улыбнулась она, шагнула к нему и обняла сбоку за талию. — Папа, я люблю тебя, и мне тебя будет недоставать. И я обещаю: если ты позовешь меня, я вернусь, обязательно вернусь. Ты мне веришь?..

Миновав площадь, экипаж нырнул в туннель узких кривых улочек. Высокое лазоревое небо как будто поблекло, все вокруг было подернуто туманом. Гала почти ощущала на языке привкус разочарования. Сколько раз она рисовала в своем воображении сцены их с Эженом воссоединения: их торопливые пожатия рук на вокзале, поцелуи с солоноватым привкусом слез и крепкие объятия на широкой кровати с белоснежными простынями в волшебном уединении просторной квартиры под самой крышей. Ей мечталось, как они, утолив страсть, пройдутся по комнатам, наполненным тишиной, где стены украшены картинами в тяжелых рамах и высокими зеркалами; их отражения были бы так же прекрасны, как тела эльфов и наяд, изображенных на холстах. Из спальни, окнами выходящей на парк, они любовались бы роскошными кронами величественных деревьев и, обнявшись, слушали бы еле слышную музыку, доносящуюся откуда-то снизу.

Вместо музыки — гулкий цокот копыт по мостовой да шуршание каучуковых шин. Эжен не пришел ее встречать.

— Жежен в Аржикуре, он не болен и не на фронте. Он служит в госпитале санитаром, — первым делом осведомила ее мадам Грендель, как только Гала спустилась с подножки поезда.

И вот повозка везет их по узким улочкам рабочего квартала на улицу Орден в дом под номером три, где живет семья Гренделей.

Гала сидела, съезжившись в уголке повозки, и молчала. Она понимала, что должна что-то говорить, спрашивать, должна вновь восстановить тот мостик, который она проложила к сердцу Жанны-Марии своими письмами. Но тяжесть разочарования и глубокая усталость сомкнули ее челюсти, у нее не доставало сил даже улыбнуться.

— Ты в порядке? — спросила Жанна-Мария, чтобы нарушить затянувшееся молчание. Она тоже чувствовала неловкость, ее не покидали сомнения, правильно ли она поступила, пригласив русскую девушку остановиться в их доме. Ее муж Клеман Грендель под натиском ее увещаний и просьб сына после чуть ли не двухлетней осады пошел на уступки: разрешил снять для мадемуазель Дьяконовой комнату на бульваре Сен-Мишель. Но она не может допустить, чтобы юная девушка, к тому же иностранка, жила одна в чужом городе без присмотра. К тому же кто в этом случае должен оплачивать жилье? И когда Жежен получит увольнение, неужто он будет довольствоваться холодом и скудостью меблированной комнаты! Да и что скажут люди,

молодые помолвлены, но не женаты? И состоится ли вообще их свадьба? Одно дело сладость первых романтических увлечений, другое — аскетизм семейной жизни. Нет, мать должна позаботиться о своем сыне, чтоб тот не принял скоропалительного решения. Пусть Гала — она уже без внутреннего протеста называла девушку по имени — пусть Гала поживет у них в доме.

— Долго добиралась? Не было осложнений на границе?

— Не беспокойтесь, все нормально. Не возражаете, если я помолчу? Очень устала.

— Да-да, я понимаю. Через четверть часа мы будем на месте, и ты отдохнешь. Помоешься, и в постель. — Мадам Грендель положила ей руку на колено и поймала ее полный грусти взгляд. — Пока Жежен служит, будешь жить в его комнате, ты не против?

— Спасибо, — Гала попыталась улыбнуться, но губы не слушались ее.

Экипаж остановился. Когда Гала вошла в дом, из прихожей сладко пахло, словно воздух был сдобрен сиропом и ванилью.

— Хорошо у вас тут, — сказала она и тут же опустилась в кресло, на которое ей указала мадам Грендель, сложила на коленях руки, как маленькая послушная девочка.

— Есть свежие круассаны. Выпьешь кофе с дороги?

— Было бы неплохо.

Вскоре подали кофе в маленьких фарфоровых чашечках.

Глядя на Гала через стол, мадам Грендель отметила про себя почтительные манеры девушки, ее аккуратность, скованность движений чуть подрагивающих от усталости рук.

Со времени Клаваделя Гала стала выглядеть сдержаннее, строже. Взгляд Жанны-Марии скользнул по худеньким узким плечикам, тонкой полоске шеи, выглядывающей из-под стойки воротничка, серьезным глазам, потускневшему лицу, будто припорошенному пылью. Какая у нее грустная улыбка, какое хрупкое тело. Вряд ли Гала понравится Клеману Гренделю. Жена сына представлялась отцу Эжена крепкой, выносливой, высокой и сильной. Какой когда-то в молодости была Жанна-Мария. Но сама мадам Грендель уже не знала, кого она хотела бы видеть рядом с Жеженом. С недавних пор для нее важным стало одно — лишь бы ее сын просто был жив. Пусть уезжает, но возвращается, пусть обнимает других женщин, лишь бы хоть иногда дарил нежность и ей, его матери. Ей невыносима была сама мысль, что сына вдруг не станет. Сводки с фронта пугали, калек с обрубками ног, рук все чаще стали появляться на улицах Парижа, похоронка пришла на племянника мужа. Письма Эжена с места службы становились

все отчаянней. Он больше не скрывал от матери своих планов — попасть на передовую; мольбы о помощи, сменяющиеся проклятиями, которые каждый час слышал санитар Грендель от смертельно раненных солдат, вынуждали его оправдываться, прежде всего, перед самим собой. Эжен считал себя виноватым, что прячется от ужасов войны в тылу. Жанна-Мария уже не могла своей материнской любовью удерживать сына от трагического решения. Сможет ли русская девушка совершить почти невозможное — спасти ее сына от гибели? Гала должна заставить его изменить решение, она обещала вернуть ей сына. Ведь не зря же она проделала такой далекий и опасный путь от Москвы до Парижа, думала Жанна-Мария, глядя в задумчивое лицо девушки.

— Ну вот, теперь полегче, — сказала Гала, отставляя опустевшую чашку.

— Еще одну?

— Не откажусь.

Она посмотрела на Жанну-Марию и уловила выражение тревоги на ее лице, трагическую складку губ, которая так глубоко поразила ее еще на перроне. Гала чувствовала себя скованно и не могла говорить естественно, и теперь ей уже казалось ошибкой расставание с родными, все ее столь долгое путешествие, приезд в этот неродной для нее дом, к чужим людям. Она представляла семью Гренделей гораздо состоятельнее, чем на то указывала ей если не скудная, но и не роскошная обстановка дома. Низкий потолок как будто давил ей на плечи, не хватало света из узких окон, но воздух, напоенный сладкими запахами, давал надежду, что она свыкнется с этим местом.

— Я хотела бы помыться с дороги. Вы мне покажете ванную комнату?

— Вода скоро согреется. Мы моемся в кухне, там теплее всего. Жермена тебе поможет, ты не против? Жермена — наша горничная.

— Горничная? — Ее глаза стали наполняться слезами. Отсутствие ванной комнаты, где она могла бы в мягком тепле воды и уединении дать успокоение своему измученному телу, стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Глубокое разочарование и усталость, накапливаемая долгими днями путешествия, готовы были вырваться из ее груди рыданиями, но, сделав неимоверное усилие, она заставила себя сдержаться.

— Скажите, есть ли известия от Эжена? Когда он приедет? — спросила она, с трудом сглотнув ком в горле.

— На днях я написала командиру с просьбой об отпуске. Надеюсь, хоть на недельку его отправят к своей невесте.

— К невесте... О, мадам Грендель, спасибо, я вам так признательна...

Плечики ее затряслись, из благодарно блеснувших глаз градом покатались слезы, и долго сдерживаемые рыдания вырвались из ее груди. Жанна-Мария подошла к ней сзади, ее рука заскользила по ее волосам.

— Ну, будет, будет, — повторяла она дрожащими губами. — Ты приехала, теперь все будет хорошо. Я верю, верю, теперь наш Жежен не пропадет. Гала, ты его спасешь, да? Ты заставишь его одуматься. Ах, какая ты хрупкая... милая... Жежен не сможет рисковать собой, когда ты сделала для него так много. Война не может длиться вечно. Эжен не пойдет на фронт, нет. Он не сможет этого сделать. Ведь мы его так любим...

* * *

Женщины в платочках и шляпках, мужчины в котелках, кепках и с непокрытой головой, щурясь от солнца, с тревожными взглядами встречали тяжело пытящий, выдувающий струи пара паровоз, тянущий за собой извивающийся хвост сцепленных друг с дружкой вагонов.

Гала высвободила свою руку из жесткой ладони Жанны-Марии и пошла по перрону, сосредоточенно вглядываясь в лица молодых мужчин в форме, желая угадать и в то же время боясь не узнать Эжена. Гала почувствовала, как ее лицо застыло в напряженной улыбке — она должна излучать радость, но отчего так дрожат ее колени, страх сковывает все ее мышцы? Боковым взглядом она уловила в окне вагона взмах руки и, остановившись у подножки, застыла в ожидании. Незнакомые ей люди торопливо соскакивали с высоких ступеней и, не замечая ее, спешили удалиться.

— Гала!

Заслоненный тенью соседнего вагона, Эжен махал ей рукой, словно прощался. Военная форма делала его обескураживающе похожим на всех прочих, но не на того мальчика, с которым она прощалась на другом перроне в иной стране. Гала беспомощно стояла, опустив руки по швам, с колотящимся где-то у горла сердцем, и смотрела, как он движется ей навстречу. Эжен смущенно и как-то нервно улыбался, слишком худой, слишком высокий, слишком тревожный. С минуту он неуверенно постоял в шаге от нее, потом, согнувшись, опустил у ног саквояж, и, пока разгибал спину, она смогла сделать шаг ему навстречу и окунуться в его объятия. Она склонила голову ему на плечо,

чтобы не смотреть ему в лицо, страшась увидеть в его глазах холод отчуждения. Колючие льдинки его взгляда уже поранили ее. Ей были понятны его чувства. Ей тоже требовалось время, чтобы привыкнуть к нему, принять нового Эжена.

— Господи, до чего же ты праздничная, моя девушка из другого мира, — сказал он, целуя ее куда-то около уха. — Вот ты здесь, а я все равно не верю, что ты — это ты. Скажи, я не обманываюсь, ты моя девочка, моя Гала?

Она нашла в себе силы взглянуть в его лицо. У нее возникло чувство, как будто она обнимает актера, исполняющего роль ее Эжена, взрослый мужчина, изображающий мальчика. Она почувствовала, как его рука, окружившая ее талию, вспорхнула вверх, его ладонь опустилась ей на затылок, пальцы окунулись в ее волосы. Было что-то невыразимо трогательное в этом его жесте, как будто он перекинул шаткий мостик над пропастью, которая пролегла между ними.

— Я теперь всегда буду с тобой. Я люблю тебя. Я в твоей власти. — Ее губы еще шептали, а он уже отстранился от нее и кинулся в объятия матери.

— Малыш Жежен... Сынок!

Жанна-Мария прижала сына к груди. В их единении не было ни капли отчужденности, в движениях — скованности. Эту пару объединяла любовь, в том не было сомнения. Гала почувствовала укол ревности, и в то же время к ней пришла уверенность, что она вновь отвоюет сердце Эжена. Он, как и она сама, нуждался в любви. Пока ее не было, он довольствовался материнской любовью, как голодный, с благодарностью принимающий краюху хлеба, чтобы утолить голод, но она станет для него большим, чем просто пища. В ее любви он найдет и опьянение вином, и смакование изысканных блюд. Она станет для него и чистой водой, и воздухом, и солнцем — всем, без чего жизнь невозможна.

* * *

Улица купалась в солнечном свете. Эжен и Гала вышли из дома и пошли по бульвару. Случайные прохожие шли неспешно, радуясь теплу и яркости красок листвы. Эжен крепко держал Гала под руку. Он расстегнул китель, Гала развязала шарфик. Они шли молча, улыбаясь, подставляя лица легкому ветерку, несущему запахи увядающих цветов и прелой опавшей листвы. Это казалось таким чудесным — будто вернулись прежние времена, былые дни беззаботной влюбленности. Их обогнали три юные девушки. Ветер играючи поднимал подола их юбок, то и дело оголяя их

икры в плотных чулках.

— Война делает женщин красивей, — нарушил молчание Эжен.

— Какая тебе больше нравится?

Гала подхватила юбку и медленно, сантиметр за сантиметром, начала приподнимать ее все выше и выше. Открыв колени, она резко опустила подол.

— Ну? Кто на свете всех милее?

— Разве с русской девушкой парижанкам тягаться.

Эжен рассмеялся, Гала последовала его примеру. Они дошли до свободной скамьи, сели.

Мимо них то и дело проходили гуляющие.

— Не такая уж она и красивая, — сказала Гала, заметив, как Эжен провожает напряженным взглядом высокую элегантную женщину в синем плаще, стянутом поясом на талии. — Видит око, да зуб неймет? — сказала она по-русски и тут же перевела на французский: глаза смотрят, а попробовать нельзя, так?

Эжен виновато опустил голову, прочертил носком ботинка дугу на песке.

— Ладно, сдаюсь, застигнут на месте преступления. Все дело в войне. Когда там — думаешь, а есть ли другая жизнь, кроме карболки, бинтов, крови? А здесь, наоборот, кажется, что есть только это, — он развел руками. — Красивые женщины. Прекрасный день. Сытная еда. Обед был, согласись, нечто неописуемое! Кролик в сметане, мерло, бисквиты. Чего маме с отцом это стоило, даже боюсь предположить. Они стараются на славу, и я им очень благодарен. Мне кажется за три дня, что я дома, я даже потолстел.

— Толстый Эжен — что-то на грани фантастики, — она фыркнула.

— А толстая Гала? — он ущипнул ее за бедро. — Жирная, упитанная баба с грудями, как мясистое вымя. Му-му. — Он потянул шнурки на ее накидке. — Интересно, что у нас там спрятано?

— Эй, проказник, мы же не одни. — Гала отвела его руки. — Смотри, вон тетушка в жуткой шляпе с ведром сюда поглядывает. Пожалей беднягу, вот-вот лопнет от зависти.

— К черту всех тетушек и их ведра. — Развязав шнурки, он распахнул полы ее накидки и наткнулся взглядом на ряд мелких пуговиц на ее кофточке. — Ну, перед такими запорами я пасую. — Эжен откинулся на спинку скамейки и театральным жестом провел рукой по лбу, как будто вытирая выступивший от усилий пот. — Ну что за извращенец придумал все эти цитадели нравственности: пуговицы, крючки, тесемки. Проще прорваться

сквозь баррикады, чем раздеть женщину.

— У меня есть идея, — Гала запахла накидку и поправила растрепавшиеся волосы.

— Какая прелесть, — он обнял ее. — Ну-ну, что за гениальная идея посетила столь чудную головку?

— Давай проведем этот день только вдвоем. Ты и я. Не хочу больше тебя ни с кем делить. А то мы друг друга видим только в присутствии свидетелей. Как будто кто-то из нас совершил преступление.

— Ну, пока никто из нас не совершил ничего предосудительного.

Эжен провел рукой по ее голове, любясь, как лучи, пробиваясь сквозь листву, вплетают в ее волосы солнечные блики. Гала закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновением, но в то же время ощущая, как мало ей этих легких касаний. Больше всего на свете ей хотелось остаться с ним наедине, скинуть с себя всю одежду, а вместе с ней отринуть былую нерешительность.

Она открыла глаза и взглянула прямо в его лицо.

— Угадай, о чем я сейчас думаю. Чего я хочу?

Он взял ее руки в свои.

— Ты хочешь... — Он сделал вид, что глубоко задумался. — Ты хочешь... бисквитов! Так? Чего-нибудь сладкого?

Она отняла руки, потупилась.

— Не угадал? Нет? Тогда вторая попытка.

Он обнял ее, прижал к себе. Она тут же приподняла голову, подставила губы. Как только он вобрал в себя ее мягкие податливые губы, легкая дрожь пробежала по ее телу. Гала оттолкнула его, в ее глазах он заметил такую панику, будто она с трудом удержалась на краю бездны.

— Что ты скажешь насчет номера в отеле? — спросил он, ощущая, как сквозняк пробежал между его лопаток.

Она согнулась, поправила шнуровку на высоком модном ботинке. Несколько ее прядей растрепались, заслонив лицо.

— Извини, если я тебя обидел, — сказал он и застыл в ожидании ее реакции.

— Ты меня не обидел.

Она распрямилась.

— Для тебя — хоть на Марс, если там будут чистые простыни, — сказала она и рассмеялась. Ее смех показался ему напряженным, несколько искусственным.

— Я серьезно. — Он не мог поймать ее ускользающий взгляд.

— И я вполне серьезно тебя слушаю.

— Ты не против, если я сниму номер? Маленькую комнатку на два-три часа, а?

— На сколько, на сколько? Два-три часа? Я не ослышалась? Может, ты хотел сказать на два-три дня?

Эжен понял, что она играет, скрывая за иронией свое желание.

— Я тоже был бы не против хоть навеки уединиться с милой девочкой, но...

Он поджал губы и тяжело вздохнул.

— Только что скажет мама? — подсказала она.

— Мама отшлепает, — плаксивым голосом потянул Эжен.

— А невеста даст пощечину, — Гала потрепала его по щеке. Эжен перехватил ее руку и поцеловал. — Ты помнишь?

— Я помню все твои стихи, — серьезно сказала она. — Знаешь, какое мое любимое?

Не дожидаясь его ответа, она начала: *«Малышка-девчушка впервые в Париже. / А грохот, как ливень, клокочет и брызжет. / Малышка-девчушка идет через площадь. / А грохот прибоем бульжники лижет. / Малышка-девчушка бульваром идет / Мимо надутых лощеных господ. / И стук ее сердца не слышен Парижу»*. — Она тряхнула головой, как будто желая проснуться.

— Как-то мы с мамой прятались в кондитерской от ливня. Я сидел у открытого окна, слушал шум дождя. Было грустно и все равно как-то хорошо. И аут дверь отворилась. Вбежала молодая девушка, почти девчонка. Волосы свисают прядями на лицо, мокрый подол забрызган грязью, прилипает к ногам. Дверь за ней с шумом закрылась, но она ничуть не смутилась, только звонко, счастливо рассмеялась. Но ты бы видела, с каким выражением лица оглядел ее господин, что сидел напротив нас. Я прям там, в кондитерской, набросал первые строки. Тебе, значит, понравилось?

— Как только я получила письмо с этой «малышкой-девчушкой» — мне так хорошо стало, уютно. Я увидела себя не в Москве, в Париже. И вот — я здесь, с тобой. Твои стихи притянули меня. Ты мне веришь?

Она поцеловала его так страстно, что туман застлал ему глаза, и он будто низринулся в бездну.

* * *

В ближайшей гостинице она впервые полностью отдалась ему. Эжен был потрясен.

Ни тени страха, стыда, притворства. Один только раз она попыталась отстранить его, воскликнув: «Так нельзя. Не спеши», — своими словами лишь урезонив его на краткое время,

дав тем самым ему передышку для того, чтобы она смогла взять инициативу на себя. Для Эжена было открытием, насколько молодая девушка может быть смелой в своих ласках. Он полагал, что не так много женщин действительно жаждут заниматься любовью, и мало кто воспринимает сам акт любви без тени брезгливости, как уступку мужской похоти. Гала подхватывала любую его импровизацию, воспринимала каждой клеточкой своего тела его прикосновения. Весь ее характер, переменчивый, возбудимый, отзывчивый, — нашел отражение в любовном единении. К тому же на самом близком расстоянии, какой мог улавливать его взгляд, она выглядела редкой красавицей. Все в ней было удивительно совершенным — идеально ровная до ощущения нереальности кожа, волшебство разметававшихся по плечам темных волос, еле заметная дрожь крыльев носа, трепет длинных веероподобных ресниц, шелковая горячая гладь ее потайного места. И если ранее он только догадывался, какой вулкан страстей дремлет внутри ее хрупкого тела, то сейчас у него появилась возможность убедиться в своих догадках.

В ней, в этом изящном, с чистыми плавными линиями теле, жила незнакомая ему энергия. Эжен, как исследователь, радовался открытию столь неиссякаемого источника. Ликуя, он принимал весь жар ее страсти, бурлящей, вырывающейся в неудержимых столах, спонтанных вскриках, неожиданных рыданиях. Запах ее разгоряченного тела кружил ему голову, дурманил, словно сладковатый опиумный дым. В любовном забвении, как будто под влиянием наркотического опьянения, он забыл все свои недавние тяготы службы, свой стыд и пренебрежительное отношение к телу, как чему-то низменному, ничтожному перед высотой духа. Он принял свое тело не только как нечто причиняющее страдание, как несовершенный сосуд для разума, но и как идеальный инструмент для познания наслаждения.

— Как же я тебя люблю... — наконец произнесла она и закончила фразу по-русски: — Мой друг, обожаемая душенька моя, мой малыш, мой мальчик.

— Я бы хотел понимать твой язык. Иногда мне кажется, что говоришь ты на французском, а думаешь все равно по-русски.

— Тебе хочется узнать, о чем я думаю?

Она натянула на себя одеяло.

— Зачем ты прячешься? Мне приятно смотреть на тебя обнаженную. Ты знаешь, как ты красива?

Он попытался откинуть одеяло, но она, вцепившись крепко руками, натянула его до подбородка.

— Может, и так, только мне зябко.

— Ах ты, моя неженка. — Эжен юркнул к ней под одеяло, обнял за плечи. — Как же ты в своей Москве не замерзла? Или кто-то согревал тебя так же, как я?

Вопрос прозвучал в игривом тоне, но Гала вся напряглась. Она отодвинулась от него на край, села, опершись о спинку кровати.

— Ни с кем и никогда я не была такой, как с тобой, — сказала она, прямо глядя перед собой. — Мне было плохо без тебя, Эжен, очень плохо. Я не хочу об этом вспоминать. Теперь мы вместе, но, мне кажется, ты еще не свыкся с мыслью, что я — это я. Неужели я так сильно изменилась?

— Нет, совсем нет, — не глядя на нее, ответил он. Потом некоторое время помолчал и вдруг сказал:

— Ты очень изменилась. Наверное, и я уже не тот, кого ты когда-то знала в Клаваделе, так?

— У тебя были женщины? Сколько их было за эти два года?

— Штук сто. Со счета сбился.

Она не улыбнулась.

— А у тебя кто-то был? Кто тебя научил быть такой...

— Продолжай. Распутной, да? Ты это хотел сказать?

— Совсем нет.

— Может, я и порочна, если ты считаешь мою исключительность пороком. Да, я нравлюсь мужчинам, они отмечают меня. Но разве в том моя вина? Никогда прежде, до того, как я узнала тебя, я ни с кем не была такой, как с тобой. Я не целовала ни одного мужчину, я всех их презирала и смеялась над ними, когда они пытались проявить ко мне нежность. Если и давала я свою руку, как когда-то тебе, так только для того, чтоб меня оставили в покое. Они все прекрасно это знали. — Она посмотрела на него. — Эжен, отчего у тебя такой грустный взгляд? Даже когда ты обнимаешь меня, когда смеешься, все равно глаза печальные.

— Ты с кем-то была близка до меня? Нет-нет, я тебя ни в коем случае не осуждаю. Мы с тобой, как никто другой, знаем цену жизни. Сегодня ты жив, а завтра? Кто знает, настанет ли завтрашний день? Никогда так не дорожишь жизнью, как когда знаешь, что конец близок.

— Не говори так. не смей! Мы будем долго жить. Долго и счастливо. Мы победили самую страшную болезнь века...

— Хуже чахотки — война. Ты когда-нибудь видела, как с эшелона выгружают раненых? Кто-то еще мечется в бреду, кто-то тихо лежит на носилках. Тихо так лежит, глаза не мигают и смотрят прямо на тебя. А в глазах...

Одним рывком она оказалась рядом с ним, накрыла

ладошкой его рот.

— Эжен, не надо, прошу тебя. Я не хочу ничего знать. Только любовь имеет смысл в жизни. Только твоя и моя любовь. Остальное — неправильно, страшно. Я чувствую, я знаю, мы предназначены друг для друга. Когда ты со мной, все остальное кажется ненужным, лишним, чужим. Разве ты не чувствуешь, что я — только для тебя? Это данность. Все остальное, повторяю, лишнее.

— Что это значит? Кто у тебя был лишним?

— Это не важно...

Эжен не отрывал от нее напряженного взгляда. Тогда она ответила с вызовом.

— Он был офицер. Мы были с ним знакомы, когда он был кадетом. Тогда мы были дети, танцевали на балу. Потом в феврале пятнадцатого года как-то встретились в гастрономе. Он сказал, что на днях ему назначено на фронт. — Она бросила на него беглый испытующий взгляд. — Ты знаешь, что это такое, плачущий мужчина? Нет, не мужчина, испуганный мальчик, которого отправляют на смерть, а он ничего еще в жизни не понял, не узнал.

— Не оправдывайся, Гала. Я уважаю твою смелость. И честность. Скажу, я бы никогда не смог связать жизнь с лгуньей. А женщины все в большинстве такие. Все. Кроме тебя, Гала.

Он придвинулся к ней, крепко обнял.

— Я не потеряла себя, поверь мне.

— Ты себя нашла.

— Господи, да что я могла найти с этим испуганным мальчишкой?

— Опыт. Удовольствие.

— Я говорила, что ты самый умный?

— Не раз.

Она прислонилась головой к его груди.

— Мне хочется плакать.

— Поплачь.

Она глубоко вздохнула и обвила рукой его талию. Глаза ее были сухи. Обнаженная тонкая девочка-женщина с задумчивым туманным взглядом, она вызывала в Эжене только нежность. Он поцеловал ее в ложбинку между ключицами и подтянул повыше одеяло.

— Знаешь, мне кажется, если бы я не встретила тебя, — начала она после продолжительной паузы, — я все равно не пропала бы, потому что никому не отдавала себя до конца. Я никого не любила и не могла любить никого из тех, кого знала. Я бы навсегда осталась сама по себе, независимой. Но я счастлива,

что встретила тебя. Только ты должен понять раз и навсегда: я себе больше не принадлежу. Только ты теперь владеешь мной полностью. Теперь моя жизнь в твоей власти.

Одним движением руки она отбросила одеяло.

— Я вся твоя. Вся до капельки. Ты это понимаешь?

Пристальный, упорный и в то же время доверчивый взгляд заставил его отвести глаза. Он хотел бы сказать ей, что не желает брать на себя никаких обязательств, ему не нужна власть ни над нею, ни над кем-либо еще. Он дорожит своей свободой.

Но ее распростертое на смятых простынях тело было таким волнующим, что он не смог произнести ни слова. Она лежала, слегка согнув одну ногу в колене, приподняв ее над другой, и легкие тени очень красиво подчеркивали все изгибы ее тела. Он смотрел на ее стройные длинные ноги, на округлые бедра, на крепкие, как фрукты, груди. Формы, обладавшие красотой лесных нимф и вызывавшие дикие желания. Красота гармонии, которая очаровывала и влекла. Лаская ее податливое тело, он наполнялся счастливым ощущением, что приобщается к какой-то важной сущности мироздания, где воля и разум не имеют власти. Кто-то давным-давно определил законы взаимного тяготения, притяжения, слияния двух существ — мужчины и женщины — и не в его власти противиться этим центростремительным силам.

В последний день перед отъездом сына Грендели устроили званый ужин. Были приглашены кузина Берта, тетушка де Бре и еще кое-кто из дальних родственников.

Шелковый абажур с желтой оборкой выделял из сумрака гостиной круг света. Под ним почти неестественной белизной сияла скатерть. Центр стола украшало фарфоровое блюдо с яркими, будто натертыми воском зелеными яблоками, а вокруг него в хрустальных бокалах, переливаясь всеми оттенками красного, поблескивало вино. Легко журчащий, как стремительный ручей, разговор не мог прикрыть нервозности, царившей за столом. Тему войны пытались избегать, но все равно она царила в мыслях присутствующих и прорывалась то тяжелым вздохом, то неловкой шуткой, то сетованием на дороговизну жизни.

Эжена и Гала усадили в разных концах стола. Ее взгляд, легко блуждая от одного лица к другому, всегда останавливался на Эжене, и каждый раз он ловил себя на мысли, что время, проведенное даже на расстоянии вытянутой руки от нее, безжалостно вычеркивает его из жизни. Утекали последние часы его увольнения, и ему было жаль проводить их столь бездарно за пустопорожним разговором.

Наконец родственники разошлись. Разомлевшего от вина и обильной пищи Клемана Гренделя Жанна-Мария отвела в супружескую спальню. Когда, уложив супруга в постель, она вернулась, гостиная была пуста. Постель, приготовленная горничной для Эжена, была нетронута. Жанна-Мария прошла на кухню.

— Жермена, — окликнула она горничную. — Подай мне полотенце. И будь поосторожней с бокалами. Два уже разбились, мне очень жаль. Все же это свадебный подарок, их нам с Клеманом подарила тетушка Берта.

— Да-да, я осторожна. — Она подала сверкающий от влаги бокал, крепкая рука мадам Грендель мигом ухватила его за тонкую ножку.

Жермена уважала хозяйку за то, что та не давала волю эмоциям. Даже когда странная русская девушка объявилась у них в доме, Жанна-Мария мало изменила своим привычкам. По-прежнему строго соблюдалась идеальная чистота, по часам накрывался стол. Пища была не столь скудна, как у иных в это время, так что русская, обладающая завидным аппетитом, уплетала за обе щеки без капли; стыда, как будто не

догадывалась, скольких денег стоит сыр, хлеб, молоко. Приехала она налегке, но, вероятно, получала какое-то содержание от родителей. Деньги не бережет, тратит попусту на книжки да безделушки. Явно стремится к вольготной жизни. Странная невеста для скромняги Жежена. Жермена, протянув вымытую фарфоровую тарелку, испытующе посмотрела на мадам Грендель. В неярком свете ее лицо казалось молодым и немного обиженным, как будто она так до конца и не понимала, была ли она счастлива событиями последних дней или огорчена тем, что все закончилось и приходится расставаться с сыном. Или она ревнует к русской?

— С полголовки сыра надо Жежену с собой приготовить, — сказала она, поймав взгляд Жермены.

— Это все, что осталось. Может, разделить на три части: мсье Гренделю, Эжену и для нас оставить? Молодая хорошо кушает.

Жермена протянула мокрую руку с новой тарелкой и внимательно посмотрела на мадам, вглядываясь в миндалевидные полузакрытые глаза, пытаясь отгадать ее чувства.

— Пожалуй, я завтра пораньше встану, соберу Эжена в дорогу сама. Спокойной ночи.

Она повесила полотенце на спинку стула и вышла из кухни. Проходя мимо так и нетронутой постели, она вздохнула. Пустая кровать означала одно: бастион невинности русской девушки пал. Или сама Гала стала движителем их эротической связи? То, чего она так опасалась и в то же время ожидала, произошло. Жанна-Мария постоянно чувствовала угрозу, исходившую от женщин, от всех женщин, кто появлялся рядом с ее сыном. Все они были потенциальными соблазнительницами ее малыша Жежена, и она опасалась их пагубного влияния, стараясь угадать, какая из них сможет навсегда разлучить ее со столь любимым сыном. Жанна-Мария знала по собственному опыту, что когда мужчина попадает в плен чувственного женского тела, никто и ничто не может остановить его. Но, может, познав силу эротических потрясений, Эжен больше будет дорожить собственной жизнью? Может, те наслаждения, какие он получит, нет, не в материнских объятиях — в страстном притяжении к русской девушке, заставят его отказаться от мысли попасть на передовую?

Жанна-Мария пугливым жестом перекрестила плотно закрытую дверь и тяжелой усталой походкой направилась в свою спальню.

— Эй, малышка, угроза миновала, — прошептал он ей на ухо.

Весь день Эжен жил в ожидании момента, когда они с Гала смогут уединиться. С того времени, когда они провели незабываемые несколько часов в отеле, их не оставляли вдвоем. Приехал отец, стали возникать на горизонте родственники, наведывались соседи. На ночь ему стелили в гостиной, и он не смел послушаться, боясь оскорбить нравственные правила родителей. Но в ночь перед отъездом он пренебрег условностями и остался с Гала.

Близость была слишком короткой, ибо желание, обострившееся до предела, не оставило ему возможности смакования. Как голодный, истекающий слюной от созерцания пищи, уловив момент, хватает кусок и, не ощутив вкуса, мгновенно проглатывает, так и Эжен, измучившись от долгого вожделения, был слишком поспешен в удовлетворении своего желания.

— Извини, — сказал он, крепко прижимая ее к себе.

— Со всяким бывает, — снисходительно ответила Гала, играя пальчиком его крохотным соском.

— Бывает? — Он приподнялся на локте, рука ее соскользнула. — Что ты хотела этим сказать?

— Так, пустое.

— И все же... Тот бывший кадет, он... Расскажи мне о нем.

— Не думаю, что тебе будет интересно.

— Ты была у него первой?

— Я не была у него никакой. Я ничьей не была.

И все же он потребовал, чтобы она рассказала ему все во всех подробностях, и, не сводя с нее глаз, слушал, как прилежный ученик любимую учительницу. Он поражался ее раскованности, был зачарован той простотой, с какой она делилась воспоминаниями о своей прошлой жизни.

— То была непростительная глупая слабость, слабость жалкой тупицы.

— С таким адвокатом, как ты сама, тебя бы вряд ли оправдали.

— Я не оправдываю себя, ты знаешь. Тогда я считала себя свободной от обязательств.

— Ты говорила мне, что любишь меня, всегда любила. А когда бывшему кадету отдавалась, тоже «всегда любила» меня? Обманщица.

Он привлек ее к себе, его рука оказалась на ее груди. Ее рассказ странным образом взбудоражил его, подстегнул воображение, всколыхнул желание.

— Не обижай меня, — сказала она, стряхивая его руку. —

Пойми, я сама отбрасываю то, что было рядом со мной, но никогда внутри меня. В Клаваделе я страшно сомневалась по поводу наших изменившихся отношений. Я все думала, порок это или вовсе нет. За минувшие два года я научилась многим вещам в своей любви, восхитительным и прекрасным.

Эжен что-то произнес. Гала не знала этого слова.

— Что ты сказал? Нет, лучше не говори. Мне кажется, ты сказал что-то нехорошее. Ты не должен меня обижать, не должен сомневаться в нашей любви. Если бы ты знал, какую боль ты мне причиняешь. Как ты меня мучаешь.

— Ты еще не знаешь, что такое настоящие мучения. Погоди, чертовка...

Его рука с раздвинутыми пальцами вынырнула из-под одеяла и, на секунду застыв перед ее лицом, окунулась в ее волосы. Она почувствовала, как его ладонь сжалась в кулак, резкая боль в затылке заставила ее запрокинуть голову. Невольный хрип вырвался из ее приоткрытых губ, но Гала продолжала неотрывно смотреть в его застывшее лицо, на его размыкающийся рот, на припухшие губы. Она ответила на его страстный поцелуй.

Она охотно отдавалась его поцелуям, трепетала под его ласками, но когда он уже готов был войти в нее, отталкивала его.

— Тсс, погоди, — шептала она, стискивая до боли его запястье. Он вынужден был отрываться от нее и прислушиваться. — Кажется, скрипнула дверь родительской спальни.

— Никто не посмеет к нам зайти. Мама бережно относится к нашим чувствам.

— А мсье Грендель? Я боюсь.

— У него нет привычки устраивать скандалы. Тем более по ночам.

— Я боюсь, — говорила она, прижимаясь к нему.

Она то привлекала его к себе, то отталкивала. Стонала и металась, то застывала в напряжении, прислушиваясь к тишине. У него уже болело все тело, ныли губы, дрожали руки. Сколько длилась эта изнуряющая игра? Измученный, раздосадованный, он сел на постели.

— Радуешься? Ты победила.

Он наклонился, чтобы найти носки, брошенные под кровать, и тут же почувствовал, как ее руки обвили его плечи, потянули за собой. Он опрокинулся на спину. Она нежно коснулась губами его век, провела коготками по щеке.

— Мой мужчина, — прошептала она, — я твоя, ты больше не сомневайся. Я люблю исключительно тебя, только тебя. — Ее губы заскользили по всему его телу. — Прости меня, только

прости меня, прошу тебя, — шептала она, — это вся моя жизнь, самое святое и священное. Если когда-нибудь это покажется тебе чем-то нечистым, скажи. Я заставлю тебя думать иначе. Все у нас чисто, все прекрасно, все правильно.

В следующий миг, когда он все еще лежал на спине, он увидел над собой ее напряженное лицо.

— Ты не будешь презирать меня?

— Никогда.

Она страстно отдалась ему, она была как вихрь, как вулкан. Это была уже не кокетливая девочка, то была страстная женщина, не знающая границ. Он чувствовал себя с ней готовым на все. На все, кроме смерти. В ее объятиях война, холод, грязь, смерть казались нереальными, совершенно невозможными. Зачем калечить друг друга, зачем мучить, убивать, когда гораздо проще — любить. Он чувствовал себя вновь влюбленным в ее гибкое податливое тело, в ее жаркое лоно, в то забвение, которое она ему даровала. Только сейчас, перед новой разлукой, он увидел свою возлюбленную как она есть, увидел ту самоотдачу, искренность и ту требовательность, — настоящую Гала, которая позже так радовала и так терзала его.

* * *

Среди ночи он проснулся. Дождь кидал в окна мокрые пригоршни, ветер стонал, заглушая стоны и бормотание раненых. Эжен зажег свечу, открутил крышку фляжки, сделал несколько глотков. Вино согрело его, но и всколыхнуло аппетит. Он достал из тумбочки завернутый в газетную страницу кусок пирога — щедрый подарок молодой крестьянки, приехавшей в госпиталь провести своего жениха. Рыжего рябого пехотинца, раненного в живот, уже не могли обрадовать ни сдобный пирог с капустой, ни сама невеста. Он кричал, бранился, выл от боли. Девушка была перепугана, и Эжен из сострадания больше к ней, чем к умирающему, вколол ему морфий, обрекая таким образом кого-то на операцию без наркоза. Увы, война — время дефицита на все: на медикаменты, на продовольствие, на сострадание, на любовь... Какое счастье, что он не испытывает дефицита любви.

Эжен вытер носовым платком руки и вынул из прикроватной тумбочки сложенный вчетверо лист.

«...И если ты любишь мое тело, не мучай, не разрушай его... Я плачу и чувствую себя такой усталой... Тело мое надо мучить, но более умно».

«...Это ведь не только ласки, это вся моя жизнь, самое лучшее,

самое святое и священное, что есть во мне... у меня есть лишь моя любовь, я полностью в твоей власти, и нет ничего нечистого ни в мыслях моих, ни в представлениях, ни в реальности, ни в моей жизни, ни в моих чувствах. Если я делаю с тобой „странные вещи“, то потому, что уверена: раз я люблю тебя, все у нас чисто, все прекрасно, все правильно...».

От писем шел такой чувственный заряд, что он подчас пугался. Гала была с ним рядом, искренняя, переменчивая, готовая рассыпаться смехом, расплакаться. Как она настаивала на том, чтоб он отозвал свое прошение о переводе в боевую часть, просила, плакала, умоляла. Что он мог ей ответить? Маховик военной бюрократии уже в действии, его прошение пошло по инстанциям. Порыв, несколько строчек пером по белой бумаге — и он пленник своего слова.

«Я совсем не знаю покоя, слишком много плачу, все время дрожу, я теряю силы. На коленях умоляю тебя: не предпринимай ничего... Я все для тебя делаю и всегда буду делать... Если бы ты знал, как я благоразумна, думаю лишь о тебе, занимаюсь „учением“ и пр. только для тебя. Помоги мне...».

Чем он может ей помочь? Он не в силах вычеркнуть себя из списка безумцев, идущих по дороге слез и крови, он не волен вернуться к ней, к своей невесте, своему празднику, к своей Гала, хрупкой, нежной, чувственной, созданной для неги и роскоши, красивых платьев и снежно-белых простыней.

Эжен почувствовал, как до боли напряглись его нервы. Он взял чистый лист бумаги — быть с ней хотя бы мысленно, не обрывать связи; питать, поддерживать их вновь вспыхнувшую страсть. И вдруг к нему пришла жгучая как кипяток мысль: Гала совершенно одинока в Париже; не в ее характере ждать — она вся противоположность терпению — действовать, избегать боли и тягот, закрываться от убогого и уродливого, стремиться к наслаждению. А что, если...

Несколько секунд он сидел в задумчивости, покусывая верхними зубами нижнюю губу. Отчего-то ему было беспокойно, Эжен обнаружил, что он ревнует. Мороз пробежал по коже, когда он подумал, как она стонет от удовольствия в объятиях другого. Он сам виноват, что показал ей возможность уединения в отеле. Эжен прокручивал до конца истории, о которых она с легкостью ему рассказывала. Достаточно было вспомнить ее слова «и если я не отталкивала его, то после он знал, что я его презираю», чтобы, вооружившись увеличительным стеклом ревности, представить, как она смущенно позволяет играть со своим телом, как, увлекаясь, взвизгивает, стонет, кричит в объятиях любовника. А тот мужчина, который оказался в плену магии ее влекущей

женственности, даже не помышляет, что она потом будет вспоминать о нем с брезгливостью, в лучшем случае как о своей слабости, которую он, Эжен, должен будет ей извинить — ведь она была так одинока, так слаба, так ничтожна. Если в прошлом Эжен выслушивал признания продажных женщин, и ему казались они пустыми или, может, забавными, то сейчас он сжимал кулаки и скрипел зубами от одной только мысли о том, что Гала тешит свое тело в объятиях другого мужчины. Как она посмела вторгнуться в сто личное пространство, в его мысли, чувства! Поймала его на отчаянном слове, когда он был столь испуган перед страхом войны и совершил необдуманый шаг — позвал ее. Как она могла напасть на него, ослабленного отчаянием униженного, запутавшегося в сетях патриотического долга и внутреннего противления насилию. Он ненавидел войну и должен был участвовать в этом совершенно бессмысленном, человеконенавистническом деле. Ее смелость до безрассудства пугала его. Но еще больше его настораживала ее готовность наладить дружбу с его матерью, смириться с сетованиями его отца, остановиться у них в доме, тем самым не оставляя ему никаких путей к отступлению. Теперь он должен будет жениться на ней. Но готов ли он к столь решительному шагу? Гала — прекрасная любовница, но супружество — не только эротические чувства. Любовь безгранична, она не терпит никакого насилия над собой, и в этом Гала была с ним полностью тождественна. Не потому ли она столь просто и открыто говорила о своих увлечениях? Но согласен ли он быть одним из многих? На это он не может согласиться. Он единственный, неповторимый, особенный. Он не станет мириться со своим унижительным положением.

«Ты мне советуешь быть нежным и никогда не помышлять о мести. Это странно...» — быстрые строки вырывались из-под его пера. Как будто спохватившись, он корил ее за легкомысленность, с какой она, пренебрегая опасностями военного времени, совершила немыслимое по трудности путешествие от Москвы до Парижа. Прикрываясь беспокойством о ее здоровье и душевном покое, он выказывал сомнение, будет ли ей комфортно в условиях, когда она отлучена от родного дома, привычного окружения, родных и подруг. Он писал ей о тяготах службы, о своей тоске и горечи, о своих сомнениях. Он не щадил ее чувств, как будто причиняя ей боль, мог избавиться от своей. Может, если он оскорбит ее, обидит, унизит, их любовь смоет поток ее ненависти, принесет покой отчуждения. Не будет ли лучше, если она покинет Париж? Ему будет гораздо проще примириться с мыслью о скорой своей гибели без ее любви, без своей ревности,

рвущей душу. Но разве он так жаждет своей смерти? Разве вечной будет эта бессмысленная война? И не Гала ли его Ариадна, вручившая ему путеводную нить, с помощью которой он спасется в лабиринте военной бессмыслицы от кровожадного Минотавра?

Лизнув край конверта, Эжен запечатал письмо и понял — ожидание ответа стало смыслом его жизни.

* * *

Гала писала ему часто, чуть ли не каждый день, а бывало, по несколько писем в день. Она жила их перепиской. Все свои чувства, мысли, сомнения поверяя бумаге.

«Ты дорожишь мной из любви к самой любви, а не из любви ко мне. Если я говорю о моих „распутных“ наклонностях, уверяю, это неправда, я вообще не такая, глубоко не такая. Единственная и Священная любовь ко мне — твоя: через твои мысли, твое тело, твою душу».

Она не сомневалась в его любви — иначе никогда (никогда!) не отважилась бы покинуть родину, не смела бы навязать свое общество семье Гренделей. Если сам Эжен подвергает сомнению их любовь, она должна убедить его, что они предназначены друг для друга, что их жизни связаны воедино. Их встреча на жизненном пути — редкая удача, сродни чуду, он должен осознать это. Гибель его — равнозначна ее смерти. Понимает ли это ее «милый мальчик»?

«Не делай ничего мне во зло, не разрушай нашей прекрасной жизни. А жить мы будем замечательно, потому что мы очень похожи, это такая редкость!! Ведь мы есть, не упускай случай!!!».

Бывало, его ответы ранили ее, заставляли страдать, вымаливать прощение.

«Твоя открытка меня мучает. Я страдаю, мне плохо... Не надо меня ненавидеть. Не надо причинять тебе боль, тебе — значит, нам. Прости меня».

В своих письмах Гала пыталась объяснить природу своей чувственности, по тем самым все больше давала повод для его сомнений. Он ревновал ее к прошлому, это объяснялось тем, что ее прошлое поведение проецировалось на настоящее, когда его не было с ней рядом. Он кидал ей упреки в неверности, она вынуждена была оправдываться.

«Не думай об этом больше! Когда ты приедешь, я все тебе объясню, а сейчас полностью верь мне. Ты спрашиваешь меня: „Ты говоришь о прежних или новых вещах?“ Ну конечно о прежних. Теперь я абсолютно невинна и чиста. Я не допустила ничего, что

могло бы тебе не понравиться, — ни единого жеста, ни единой мысли, ни единого движения, ни единого слова. Все только для тебя. Можешь быть абсолютным в любви, ибо я такова. Я ничего от тебя не скрываю. Вся моя жизнь как на ладони, и она принадлежит тебе. Спроси у своей матери, если сомневаешься в этом. Я никого не знаю, никогда никуда не выхожу, кроме уроков. Ни от КОГО не получаю писем, кроме как от своих родителей».

Подчас она писала письмо, по, не отправив его, спохватывалась, что нужно написать еще одно, — тогда она писала второе и вкладывала в него первое, во второе — третье. Она жила своими письмами, казалось, она только для этих писем и существовала. И вот воспоминания о прошлом исчезают из их переписки, давая простор для мыслей о будущем. Эжен с радостным чувством живет в ожидании почты — отныне в ее посланиях только безраздельная любовь, полная преданность, непоколебимая вера в его исключительность. На дороге времени они перешли воображаемую черту, за которой их прошлое растворилось, нынешние страдания перестали существовать, и начало вырисовываться прекрасное будущее.

«И мы станем сильными, и после войны, вот увидишь, будем жить как короли — одни, независимые, с нашими книгами, нашими мыслями, нашими словами, нашими ласками, исключительно нашими, только нашими. У нас будет абсолютно личная жизнь. Вот увидишь, ты будешь „абсолютным“, к чему ты так стремишься. Да ты такой и есть, сам того не замечая. За это я и люблю тебя».

Жить для себя? У нее, как она сама признается, «нет ни способностей, ни ума, ни воли, ничего...», единственный ее талант — любовь, она растворилась в этой своей любви. Отныне она не принадлежит себе.

«Я действительно чувствую себя твоей матерью, женой, сестрой, безумной невестой — всем сразу. Я чувствую, что „вошла“ в тебя навсегда, я не связана с тобой, а именно вошла в тебя и чувствую себя твоей мыслью, твоей кровью, твоей плотью, твоими намерениями, твоею волей».

Гала не просто верит, она знает — их ждет счастье. Ее любовь должна стать тем талисманом, охранной грамотой, оберегом, что сохранит жизнь ее возлюбленному.

«Уверяю тебя: еще год, и война кончится. Так вот, надо употребить все силы, чтобы суметь выйти живым из этого кошмара. И после ты никогда не пожалеешь о своей спасенной жизни, никогда, обещаю тебе, нас ждет слава, жизнь наша будет замечательной».

Вложенные в конверты исписанные листы складывались в

стопки. Ее любовь будто наплатала все эти письма, растворилась в лавине букв, в безумии слов. Она верила, что ее письма могут изменить ход вещей, удержать Эжена на краю гибели. Они пробуждали в нем жажду жизни. Вот уже почти четыре года он был привязан к Гала, он чувствовал в ней силу, способную поддержать его в любой момент. Ему казалось, она окружила его своей заботой, легкой и воздушной, как лебяжьи крылья; оступится — она поддержит его, упадет — подхватит, унесет в страну блаженства.

Наконец он решился. Эжен предлагает своей Гала официально выйти за него замуж и зарегистрировать брак в мэрии. Удивительная вещь, это решение сразу же избавило его от страха. Темная бездна отступила перед желанием снова увидеть ее. Ему хотелось бросить службу, забыть свой долг, не вспоминать, что впереди фронт — им владело одно желание: видеть ее лицо, вдыхать ее запах, наслаждаться ее телом. Он предвкушал их встречу с такой страстью, в которой было нечто навязчивое. Было время, когда сама мысль о ней казалась для него мучительной — особенно когда он представлял ее в объятиях другого мужчины, ныне он больше не чувствовал в себе ни тени ревности, ни следа былых сомнений.

Рушился мир, его собственные приоритеты смешались и перепутались, и его ужасала перспектива, что его отправят на фронт прежде, чем она станет его женой.

«Поженемся немедленно», — в следующем же письме ответила ему Гала.

21 февраля Елена Дьяконова, двадцати двух лет, и Эжен-Эмиль-Поль Грендель, двадцати одного года, в мэрии восемнадцатого округа зарегистрировали свой брак.

Ноги увязали в рыхлом, вязком песке. Он с трудом делал шаг, снова и снова его сапоги погружались по голенища в рассыпчатую мягкую массу. Опустившись на колени, он почувствовал, как волна горячего, наполненного жаром песка ударила ему в грудь, стянула обжигающим обручем плечи, колющие песчинки царапнули его шею. Он нашел в себе силы и поднял лицо вверх, чтобы в последний раз увидеть выбеленный солнцем небосвод, и его щеку лизнул наполненный влагой ветер. Жгучая хватка песчаного плена ослабла. Он тряхнул плечами, песчаные ремни упали к его ногам и, извиваясь будто змеи, поползли назад прямо в зев открывающегося горизонта. Мелкие песчинки хрустели на зубах, ткань формы терла тело точно наждак. Он скинул с себя одежду и огляделся. В розовом свете начинающегося утра песчаные дюны отступали рядами, как поверженные армии. Скрежет и шорох песка заглушили иные звуки — журчание и плеск воды. Орды морских волн набирали силу, поднимались, изгоняя прочь, поглощая зыбучий песок. Он подождал, когда кромка воды лизнет его сапог, наклонился, зачерпнул пригоршню, освежил лицо и пошел по мелководью в сторону островерхой скалы, ощущая на своих губах солоноватый привкус моря. А может, своих слез? Теперь уже не песок, вода захватывала дорогу, взбивала пену, кипела, билась о его колени, пытаясь утащить за собой.

— Эй, эй... — кто-то звал его издалека.

На уступе скалы он увидел фигуру женщины, залитую солнечным сиянием, ее светлое платье рвал ветер, а длинные темные волосы казались крыльями волшебной птицы. В фонтанах брызг он еле различал ее печальное лицо.

— Эжен, малыш, просыпайся.

Ее губы плавно опустились прямо посреди его лба. Влажное прикосновение, и он уловил тонкий, еле уловимый аромат — это уже не могло быть сном.

— Дорогой, прости, что разбудила. Ты плакал. Тебе снился кошмар?

Эжен молча смотрел прямо перед собой. Сон был настолько явственным, что он невольно провел шершавым языком по пересохшим губам, будто хотел почувствовать их солоноватый привкус.

— Эй, малыш, узнаешь меня? — она улыбнулась. — Я Гала, твоя жена... отныне и навсегда.

— Жена.

Странное, тревожное чувство овладело им. В глазах над ним мелькнула тень обиды. Вновь, как тогда на вокзале, ему показалось, что перед ним не просто чужая — чуждая ему женщина. Жена... Перед людьми и Богом. Их венчали в церкви. Гала ради него приняла католичество. Для нее это было отчаянным шагом, жертвой. Он же пожертвовал ради нее своей свободой, предал свои убеждения. Отныне и навсегда...

К нему пришло осознание непоправимости. Эжен отчаянно напряг свои силы, как утопающий, что пытается удержаться на плаву, глотнуть воздух, еще немного — и над ним сомкнутся тяжелые воды несвободы. Он закрыл глаза и тут же снова открыл.

На ее лице — ожидание, надежда и в то же время боль, чуть ли не обида под его молчаливым пристальным взглядом.

— Моя жена. Мадам Грендель?

Он произнес это с вопросительной интонацией, словно сомневается — так ли это на самом деле.

— Мадам Грендель, — повторила она чуть слышно и придвинулась к нему вплотную.

Он лежал на спине безучастный, глядя немигающим взглядом куда-то перед собой, и молчал.

Гала прижалась к нему плотней, обвила рукой талию. Ей хотелось заглянуть в него, прочесть его мысли. О чем он думает? Может, как и она, вновь и вновь вспоминает вчерашний день, церемонию венчания в старой приходской церкви, стены которой, возможно, слышали молитвы Жанны д'Арк?.. Когда-то Гала мечтала об ином венчании: в по-византийски пышном соборе, с множеством гостей, с обязательным белым подвенечным платьем и полупрозрачной фатой, льющейся по плечам до пола. Но той восторженной, романтической девочки уже нет. Она женщина, жена солдата. Их венчание было скромным, только родственники со стороны Гренделей. Гала никого не позвала из родных. Зачем совершать столь долгий и опасный путь ради того, чтобы убедиться — ее поступки для них непонятны. Как можно отказаться от родины, от родных, от своей веры? Ради чего? Любви? Нет более шаткой платформы для построения здания супружества, чем любовь, — однажды в порыве откровения сказал ей отец. Он любил свою жену, ее мать, но Гала чувствовала, что он несчастлив. И страх повторить его судьбу преследовал ее. Она, так же как он, была вынуждена сменить религию.

— Эжен, ты веришь, что Бог един? Лично я верю, что у всех людей на земле, в мире, во Вселенной есть только один Бог, и что Бог принимает все религии. Он принимает религию дикаря с той же радостью, что и религию католическую, православную и другие. Он всюду. Он для всех. И поэтому я знаю, что у нас один

и тот же Бог. И все же... Но, быть может, если я с такою легкостью поменяла свою религию ради тебя, человека, может, я тем самым предала Бога? не знаю, понимаешь ли ты меня. Это трудно объяснить, это очень личное, как твои стихи... — Гала глубоко вздохнула и, приподнявшись на локте, заглянула в его лицо. — Эжен, если понимаешь меня, то помоги, скажи, что моя жертва не напрасна.

Он поднял глаза на ее лицо, нависшее над ним. Чего она добивается от него? Неужто она хочет, чтобы он взял на себя ответственность и за это ее решение, — за нее саму, за ее судьбу? Не слишком ли она настаивает на своем праве обладания им?

Эжена охватило непреодолимое желание остаться в неприкосновенности. Накрыться с головой одеялом, снова погрузиться в туманно-прозрачную, чуть слышно тикающую тишину, в сон, в ничто... Он медленно опустил веки и тут же почувствовал, как две легкие ладони коснулись внутренней стороны его рук, поднялись к подмышкам. глядят бока. Эти ее прикосновения успокоили его, принесли покой, примирили с самим собой.

— Гала, ты необыкновенна. Все, что ты делаешь, — все хорошо, все — истина.

— Господь благословил нашу любовь. Наш брак освящен церковью. Все наши ласки чисты. Ты мне веришь?

Она убрала руки лишь на миг — как будто его раздели, обокрали. Ее рука опустилась ему на живот, скользнула ниже.

— Ты мое сокровище, — выдохнул он.

Эжен поднял перед собой руки, осторожно окружил ладонями склоненные над ним груди. Ее груди были теплыми и упругими, они приятно наполняли чаши его ладоней. Он ощущал нежный аромат ее кожи, смешанный с запахом духов... О, его неженка обожает «Коти»... Его дорогая девочка, его жена создана для любви, для мира... Принимая ее ласки, он принимает и свою любовь, примиряется с ней... Для чего еще им дано тело, сама жизнь? Только для любви. Вопреки войне и страданиям, проклятиям и презрению, хуле и ненависти они будут наслаждаться друг другом. Гала права — в их ласках нет ничего постыдного, грязного, недостойного, ибо их освящает сама любовь. Во имя любви они преодолеют все превратности судьбы, смирятся с утратами, найдут истину. Любить — единственный смысл их жизни. И смысл смыслов, смысл счастья.

...Казалось, она заснула. Солнечные лучи пробивались сквозь занавеси и покрывали световыми пятнами всю гостиничную комнату небольшого семейного пансиона, который они сняли на одну ночь — в доме родителей Гала была слишком скованна. Он

взглянул на часы — их время вышло, но Эжен надеялся, что солдату с молодой женой не станут мешать, ведь ему скоро на фронт. Французы патриотичны и сентиментальны.

Эжен смотрел на Гала и не узнавал, она была вся словно произведение искусства, тонкая филигранная работа художника. Все ее лицо казалось ему каким-то отстраненным в своем спокойствии, но гораздо реальнее, чем прежде. Он прикоснулся подушечкой указательного пальца к ее скуле, провел к подбородку. Ее веки дрогнули, и из-под ресниц брызнул лучистый взгляд. У него возникло чувство, что он оживил ее, своим касанием разбудил из небытия. Он прижал ее к себе теснее, чтобы она не смогла различить на его глазах выступивших слез. К нему пришло осознание — вот эта женщина и есть самое дорогое, что есть у него в жизни.

— Ты моя единственная, бесценная. Моя жена, моя святая, с грудью нежной, ты наконец моя.

Он уходил от ее взгляда, но не отпускал ее, прижимался к ней еще крепче и целовал ее шею, лицо, грудь. Она только улыбалась в ответ.

— Я люблю тебя и всегда любил только тебя, — шептал он, — мне кажется, я любил тебя всегда. Даже когда еще не знал.

— Мы одно. Ты еще не подозревал об этом, а я уже знала. Помнишь в Клаваделе, когда ты был так мил с Маргарет, я просила Господа, наверное, впервые в жизни, вернуть мне моего обожаемого мальчика.

Она заметила, как он напрягся — как будто она замахнулась на него.

— Ты знала о Маргарет? О, боже! То была моя ошибка, заблуждение... Мы были с ней только единожды, и это было совсем не так, как с тобой. Поверь мне. Разве можно узнать, что такое счастье, не познав несчастья? Разве можно узнать истину, не совершив ошибку, не развенчав собственных иллюзий? Я не виновен перед тобой, клянусь. И ты не виновна передо мной. Если и был в твоей жизни тот молодой офицер, наверное, это было нужно, чтоб ты узнала: он — чужой, так? Я правильно тебя понял? Именно так ты мне говорила, писала. Я принимаю твою правоту. Мы должны были познать иных, чужих, чтобы найти друг друга.

Она протянула к нему руку, провела по его шершавой от выступившей щетины щеке.

— Теперь ты мой. Теперь я навеки всей душой, телом, умом только твоя. Перед алтарем нашего первого супружеского ложа я готова повторять вновь и вновь: я в полной зависимости от тебя. Без тебя я не живу. И с тобой происходит то же самое. — Она

откинула одеяло. Их ноги были переплетены. — Мы в самом деле смешались: ты — это я, я — это ты. Только нам не надо расставаться. Когда ты возвращаешься, каждый раз ты другой, мне кажется, ты не узнаешь меня, отстраняешься. Вновь и вновь мне нужно завоевывать тебя, доказывать, что я — это я. Пообещай мне, что эта наша разлука не продлится долго. Ты попросишь разрешения, и я приеду к тебе в часть. Есть же женщины, которые всегда рядом с солдатами. Днем мы будем для вас вязать теплые вещи. Ты знаешь, я немного научилась вязать. Мы будем стирать вашу форму, читать книги, а вечером после службы...

Эжен рассмеялся.

— О, нет, нет... умоляю... ха-ха. Вязать, стирать... ха-ха. Представляю себе... В черных чулках и красных подвязках... ха-ха...

— Что такого смешного я сказала?

Она в недоумении смотрела на него и чувствовала, как уголки ее губ невольно ползут вверх. Смех ее прозвучал естественно и музыкально, как будто она выполняла вторую партию.

— Женщины для утех будут стирать портянки... Ну, ты придумала... ха-ха.

— Хи-хи, вязать... стирать... а потом сразу в постель. Женщины для утех... Фи, какая я глупая.

Эжен продолжал смеяться и прижал ее к себе.

— Малышка моя.

— Без тебя я глупею. Ненавижу себя. Скажи, как стать мне умной?

— Ты и так умная.

— Потому что я люблю тебя?

— Потому что я люблю тебя, — ответил он вдруг серьезно.

Она внимательно посмотрела на него и, отодвинувшись, откинулась на подушку.

— Ты так говоришь, будто сожалеешь.

— Разве?

— Ах, Эжен...

— Мне надо рассказать тебе...

— Я боюсь.

— Чего, глупышка, ты боишься?

— Всего, что не касается нашей любви. Всего, что может нам помешать. Не могу читать сводки с фронта, даже говорить, слушать о войне. Я боюсь получать письма от родных. Вдруг что-то заставит меня вернуться. Каждый раз, когда я распечатываю конверт оттуда, каждая жилочка у меня дрожит. Я обещала, что как только отец меня позовет — я должна буду

повиноваться.

— Теперь ты замужняя женщина. — Он снова обнял ее, притянул к себе. — Ты никуда не должна уезжать. Твой долг — ждать меня.

— Да-да, я буду ждать тебя, каждый день молиться. А ты каждый день мне будешь писать. Ты даже не представляешь, как во мне все ликует, когда я вижу письмо от тебя. Я готова целовать каждую строчку, каждую букву. Подчас не важно, о чем ты пишешь... Нет, важно, очень даже важно, я дорожу твоими мыслями, твои слова — для меня много что значат. Но все равно, письмо от тебя — значит, ты жив, ты помнишь обо мне, ниточка между нами не оборвалась. Мне хочется быть с тобой повсюду, не просто рядом с тобой, мне не хочется с тобой ни на секунду разлучаться. Быть в тебе, в твоих мыслях, в твоих снах... Что тебе снилось, отчего ты плакал во сне? Тебе плохо со мной? Скажи... Если так...

— Ночь с тобой, которая была, я надеюсь, не последней, все же была чуть ли не первой ночью надежды, где любовь побеждает страх. Мне кажется, что только с тобой и можно встречать ночь. Только женщина примиряет с неотвратимостью забвения. Правда, иногда мне кажется, что только во сне мы по-настоящему живем. Во сне лишаешься пут взаимных договоренностей, что принято называть правильным поведением, хорошими манерами, долгом и совестью. Всеми этими условностями наш разум скован, крепко, до остановки кровообращения, спеленат еще с младенчества. Наши чувства, вся наша жизнь — гораздо богаче, чем открывается привычно зашоренному взгляду. Во сне мы видим душою, утром просыпается разум. Просыпание — все равно что испытание. Во сне мир ярче, много ярче. Там, за гранью привычного разума, восхищает все: строй вещей, и камней, и прозрачных опенков, и часов. Сон исчезает, и с ним исчезает мучительный и в то же время притягательный привкус чего-то неясного.

— Боже, как красиво ты говоришь. Мне хочется быть твоей тенью, твоим эхом. Быть с тобой и записывать каждое произнесенное тобой слово. Разве когда-то я мечтала о таком счастье... — Она вдруг заплакала. — Господь видит, как я люблю тебя. Такую любовь нельзя карать разлукой.

— За любовь предают разлуке здесь, в этом мире. В своих снах, своих мечтаниях мы будем неразлучны. Знаешь, ты мне сегодня приснилась, — проговорив, осознал он. — Ты веришь в вещи сны?

— Не знаю, как и сказать, я боюсь...

Ей вспомнился недавний свой сон. Мужские руки обнимали ее, ласкали, она таяла в их объятиях. Во сне она осознавала, что

это сон, и ей хотелось угадать, кто с ней рядом, кому она обязана счастьем. Но осознание было недоступно ее воле.

— Мне сны редко снятся, — сказала она неуверенным голосом и в ту же секунду вспомнила, что забылось, стерлось утренним просыпанием. Отец приходил к ней во сне. Большие, наполненные слезами темные глаза молили ее, в них застыло страдание. — Я не вернусь домой, — прошептала она, будто хотела, чтоб отец ее услышал.

— Ну что ты твердишь, как заклинание: не вернусь, не вернусь. Тебя что-то мучает?

Ей хотелось поведать Эжену о своих тайных страхах, но она заметила, как напряглось в ожидании его лицо. Не готовность к состраданию, но некая брезгливая гримаска исказила его черты. Он не готов был разделить ее страхи, ему было достаточно своих.

— Лето мы проведем на море, — сказала она, уходя от ответа. — Море, песок и только мы с тобой вдвоем, да?

— Песок... море... как в моем сне. Теперь я точно знаю — в мой сон пришла именно ты. Легкая, ты чуть заметно дышишь, и так же легко, так же тихо шевелятся море, песок. Боже, как я счастлив, когда ты со мной рядом, — улыбнулся он и притянул ее к себе.

— Я верю... Да, я верю в вещие сны, — сказала Гала, пряча лицо на его груди.

* * *

С отъездом Эжена у нее как будто иссякли все силы. Несколько дней, в которых каждая секунда была наполнена смыслом, — и снова тяжесть ожидания, снова молитвы, тоска и редкие минуты отдохновения, когда она, сидя перед горящей свечой, наслаждалась воспоминаниями. Она не спешила приводить в порядок свою комнату, разглядывала корешки книг — к ним прикасался Эжен, не переставляла стул — на нем он сидел, не отдавала его рубашку в стирку, не заправляла большую супружескую кровать, что подарили им на свадьбу родители. Каждый предмет хранил память о каком-то моменте их совместной маленькой супружеской жизни, и они сливались для нее в единую картину их короткого, очень короткого семейного счастья. Она даже не хотела вставать с постели, умываться, чтобы подольше удерживать в своем теле следы его присутствия. Она зарывалась в его подушку, и ей казалось, что она ощущает запах его волос, подносила к своим губам свою руку — как будто это он, ее Эжен, целовал ее.

В последнюю ночь перед отъездом они не занимались любовью. Тесно прижавшись друг к другу, они лежали в тишине, прислушиваясь к дыханию друг друга, пока их не сморил сон. Ей казалось, что каждое новое расставание изменяет их отношения, и, множась, они неизбежно должны будут еще больше отдалить их друг от друга. Она ненавидела себя за то, что страдает вдали от него, и, погружаясь в полудрему, она убаюкивала себя ощущением, что сон принесет ей облегчение.

Еще несколько дней она провела в оцепенении и жила лишь воспоминаниями о его ласках, повторяя про себя его новые стихи:

— *Долгое время мне было лицо ни к чему. / А теперь / Есть лицо у меня, чтобы быть любимым, / Есть лицо у меня, чтобы быть счастливым.*

Она снова полностью отдавалась ожиданию его письма, с каждым днем все больше ощущая свое одиночество, свою отдаленность от него. Чтобы не потерять с ним связи, она бродила по улицам, заходила в книжные лавки, рылась на полках в поисках книг, которые он любил. Она читала Аполлинера, Гюго, Паскаля, и поэзия вновь воссоединяла их. Она выбирала себе новые ткани на платья, а потом придумывала такие фасоны, чтобы понравиться своему мужу. Недостижимый идеал, к которому она стремилась, — каждый раз удивлять его новыми своими познаниями в поэзии, тонкостями французского поэтического языка, изысканными модными нарядами. Тайный страх жил в ней, что если другая женщина будет более умна, изысканна, более неожиданна и «празднична», она может стать для него более желанной. Гала жаждала достичь совершенства в отношениях с ним, чтобы навсегда стать для него единственной женщиной. Она научилась по-новому молиться. Не перед иконами — ведь она отказалась от православия — и не на службе в католической церкви, но, устремляя взор куда-то в глубь себя, она шептала: «пусть будет жив», «пусть вернется ко мне», «пусть любит меня». Ее молитвы были сродни заклинаниям:

«Пожалуйста, пусть любит меня так, как люблю его я. Мы должны жить вместе. Наша жизнь будет чудесной, великолепной, исполненной глубины и близости. Я стану сильной, здоровой, красивой, я все сделаю, чтобы нравиться ему. Я сумею уладить жизнь, и все окружающее специально для нас, только для нас. Главное, о Господи, береги его жизнь. Сделай для нас все. Береги нашу любовь, сохрани нашу жизнь...».

Из России пришла весть об отречении от престола царя Николая II. Радоваться? Печалиться? Привычный уклад жизни

унесла война. Может, правительство князя Львова сможет остановить кровопролитие, а ее отец будет призван к служению родине в новых условиях? Ведь он так мечтал о наступлении демократии. Но отчего-то покой не приходил в ее душу. Что она может? Только постараться отринуть беспокоящие ее мысли, забыть свои тревожные сны, наполненные слезами отцовские глаза. Она не в силах повлиять на ход истории, на жизни когда-то ей родных, очень родных людей. Значит — остается одно, забыть, закрыться, отстраниться. Ее жизнь отныне разделена на две половины: до Эжена — прошлое, все остальное будущее, прекрасное будущее. Надо только немного подождать, перетерпеть, и вот оно — счастье.

Можно ли чувствовать себя счастливым, когда вокруг рушится мир, идет война, гибнут миллионы? Как ни парадоксально звучит, счастье не зависит от мировых катаклизмов, счастье — это личное качество, оно внутри человека, его палитра, с помощью которой каждый рисует свой мир, его художественное произведение, возможности его собственного воображения. Единственное условие, необходимое для счастья — познать, что такое несчастье. В детстве Гала была одинокой, слабой, до болезненности чувствительной. Юность ей даровала недолгую дружбу с Асей Цветаевой, знакомство с ее сестрой Мариной, трогательную, немного странную, с саркомой стыда, любовь приемного отца. И всегда, даже в младенчестве, Гала уже понимала — отчего-то ей неуютно, зябко в том мире, что окружает ее. Человек, мечтающий покинуть место, где он живет, явно несчастлив. Гала всегда мечтала жить в теплом месте с ярким солнцем, лазоревым морем, высоким небом. Чтоб всегда рядом — не далее, чем на расстоянии взгляда — любимый, единственный, с кем стремится воссоединиться душа и тело.

Как только Гала получила известие от Эжена — он болен плевритом и находится в госпитале Амьена, — не раздумывая, собралась в дорогу. Гала сняла номер в гостинице «Марк д'Ор», куда возвращалась только поздним вечером, а утром — снова проводила время у постели мужа. Гала была счастлива, ее возлюбленный вновь рядом с ней. Они много беседовали, гуляли, дарили друг другу ласки. Как когда-то в Клаваделе, Эжен ей первой прочел новые свои стихи. Переплавленные в поэтические строки, ужасы войны ее уже не так пугали, в этих стихах было место надежде.

Из этой деревни тихой
Идет, трудна и крута,

Дорога к слезам и крови.
Наша душа чиста.

Ночи теплы и спокойны,
А мы для любимых храним
Самую ценную верность на свете —
Надежду остаться живым.

Гала сообщила матери Эжена, что ее сын вновь здоров. Жанна-Мария не настаивала на приезде сына домой. Гала — его талисман. Жанну-Марию не оставляла вера, что именно эта странная молодая женщина — гарант жизни ее любимого сына. Она благословила молодых на свадебное путешествие, втайне надеясь, что их любовь не останется бесплодной.

Молодые совершают путешествие по Франции, останавливаясь в небольших семейных пансионатах. Гала в новых платьях, она необыкновенно хороша — ведь счастье всегда красит женщину. Есть огромная разница между издерганной, измотанной ожиданием женщиной и женщиной в период вспыхнувшей страсти, расцветшей в оранжерее взаимной любви. Ее глаза приобрели яркий блеск, необыкновенно ослепительной стала кожа; ее нельзя было сравнить ни с парным молоком, каким они лакомились в Лектуре, ни с кожицей яблок, какие они купали в Жере, ни с молодым вином, коего вдоволь напробовавшись в Арманьяке. И белизна молока, и румянец яблок, и золото вина — все вобрала ее изумительно чистая, гладкая, сияющая кожа. Гала была обворожительна. Она вся — подарок для любимого.

«Нам так спокойно, здесь мы как баловни судьбы», — пишет Поль матери.

В конце апреля они расстались. Все в нем протестовало против нелепости и скуки войны, грязи и неустроенности, отлучения от любимой. Но он — солдат и вынужден был возвратиться в полк.

Тревожит меня опустевшее небо
И ливень — он до костей нас промочит.
Я шагаю и знаю: огромное счастье
Охватило бы нас, если б мы захотели.

Долг и тревога рвут
Жизнь мою пополам

(Поверьте, мне нелегко
В этом признаться вам.)

Ноздри щекочет листвы аромат.
В небе безоблачном ласточки вьются.
Наши мечты вдогонку летят...
Я о тихой надежде мечтаю.

Быть такими счастливыми, переплетаясь друг с другом душой и телом, быть такими близкими, когда ничто не важно, кроме единственного — быть один в другом. Эжена покинули сомнения, Гала — его женщина, его праздник, его счастье. Мгла душевного одиночества рассеялась. Вера в себя, в свои силы, в свое предназначение расцвела под лучами их взаимной любви. Он принял то понятие долга, о каком не перестает повторять ему Гала — сохранить себя, свою великую душу, космос своего таланта.

Состояние здоровья Эжена позволило ему вновь эвакуироваться в тыл. Под соснами Пари-Пляжа молодые влюбленные вновь воссоединились. Эжен больше не вернется на фронт и до конца войны будет служить в интендантской службе. Гала, как преданная солдатка, следует вслед за мужем в Лион. Они не по военному времени расточительны. Клавадель научил их с пренебрежением относиться ко многим вещам, зато ценить каждый день своей жизни. Вкусная еда, вино, новые платья для Гала, книги. И новые стихи.

Сборник «Долг и тревога» был издан тиражом в двести экземпляров и был подписан «Поль Элюар». В прошлом осталась русская девочка Елена Дьяконова — отныне она француженка, жена поэта, она Гала Элюар. Нет больше малыша Жежена, сомневающегося в себе, пробующего перо Эжена — он Поль, возлюбленный, муж, поэт. Новое имя — новая жизнь.

Гала села на легкий ротондовый стул с мягким сиденьем, заказала чашечку кофе. Это уже вторая. Утром она сварила себе сама на спиртовке в маленькой комнатке на бульваре Либерте, где она снимала комнатку и куда к ней чуть ли не ежедневно наведывался ее муж. Сегодня он предупредил ее, что вряд ли удастся вырваться со службы — придет эшелон с продовольствием, будет много работы. Что ж... еще один день в одиночестве. Ничего, она привыкла.

Жизнь в городе вокруг нее казалась такой оживленной, такой странной, чуть ли не праздничной, а чашечка крепкого кофе вызывала у нее такое осязаемое ощущение благополучия и покоя, что мысли о войне казались ей просто абсурдными. Гала расплатилась по счету и, глядя на себя в зеркальце, указательным пальцем подправила брови, смахнула пушинку со щеки. Косметикой она не пользовалась — зачем? Ее украшала молодость.

Она пошла по улице, ощущая, как легкий подол ее платья трепещет, вьется около ее ног. То ли от теплого светлого дня, то ли от чашечки крепкого кофе на душе у нее было весело. Она заглянула в антикварную лавку, решив сделать подарок Полю — отныне он носил это имя — купить для него что-нибудь экзотическое. Вдруг попадется недорогая культовая скульптурка или ритуальная маска. Она пробежала глазами по полкам, выхватив из множества безделушек буддийского божка. Увы, нэцкэ семнадцатого века оказался ей не по карману. Чуть дальше по улице она остановилась у книжного развала и выбрала забавную открытку с целующимися голубками. Открытка ей досталась даром. Продавец, высохший от времени старик, махнул рукой, когда она спросила, сколько открытка стоит и, улыбнувшись во весь свой беззубый рот, сказал:

— Один поцелуй, красавица.

Она рассмеялась в ответ и чмокнула его в сморщенную и грубую, как мешковина, щеку.

Поль с недавних пор стал интересоваться экзотическими предметами искусства и старинными раритетами. Открытка, конечно, не африканский амулет и не эскимосское украшение из моржовой кости, но, по крайней мере, еще довоенного времени, к тому же ей досталась задаром. В этом отношении ей явно повезло. Как хорошо быть молодой и красивой! Пока они с Полем стеснены в средствах, и у них нет возможности бездумно тратить деньги, но после войны, когда все наладится, она была уверена,

они смогут позволить себе многое, от чего сейчас приходится отказываться. У нее будут модные дорогие платья от ведущих домов моделей, хрустальные флаконы с духами; они с Полем будут жить в новом большом доме, обставленном мебелью красного дерева. Стены их дома украсят замечательные картины старинных и современных живописцев, на специально отведенных стеллажах разместятся дорогие вещицы из дальних стран, которые так любит Поль. А пока она подарит ему эту миленькую картинку — так, знак внимания — пусть знает, она всегда о нем думает.

Гала улыбнулась про себя: какая она умная, и похвалила себя за находчивость. Пройдя несколько кварталов от книжного развала, она неожиданно для себя увидела своего мужа. Поль шел в нескольких шагах от нее, она никогда не смогла бы ни с кем спутать его чуть сутулую высокую фигуру, голову с аккуратной стрижкой, походку широким шагом. Ее муж был не один. Рядом с ним шла какая-то женщина. Маленькая, тщедушная, в платье, напоминавшем мешочек, на голове — дешевая шляпка. Вцепившись в его локоть, она буквально висла на нем. Поль, склонив голову, внимательно слушал свою спутницу, которая ловко перебирала своими тонкими, как у кузнечика, ножками, почти бежала, чтобы приладиться к широкому шагу своего спутника. Увлеченные обществом друг друга, они не замечали ее.

Глядя на них, Гала почувствовала, как вдруг исчезло, словно растворилось, ее прежнее ощущение легкости, как улетучилось удовольствие от этого нежаркого летнего дня большого города. Она вдруг осознала, насколько она одинока и незащищена, как поработана своим положением влюбленной. Такое с ней случилось впервые в жизни.

Поль был так заинтересован беседой с коротышкой в маленькой, как шлем, шляпке, так сосредоточен на ней, что не замечал устремленного на него взгляда жены. Гала показалось: подойди она к нему сейчас, встань перед ним, он просто отодвинет ее рукой, как ненужную преграду. Прежний ее мир, основанный на уверенности в его любви, казалось, рухнул в момент. Гала так растерялась, что, когда Поль поднял голову и, как ей показалось, поймал ее взгляд, она вдруг свернула в сторону и уткнулась взглядом в стекло витрины фотоателье. Гала смотрела не внутрь, где были выставлены фотографии свадебных пар и многолюдных семейств, бравых мужчин с лихо закрученными усами и дам в шляпах со страусовыми перьями. Она видела свое отражение в стекле — молодая, хорошо одетая красивая женщина с выразительным взглядом и волевым лицом. Нет, она не похожа на неудачницу, которую обманывает муж.

Поль слишком влюблен в нес, в этом она была уверена, он не может заставить ее страдать. К тому же Поль — эстет и умеет отличить безделушку от шедевра. И с другой стороны, за тот короткий срок, что она жила во Франции, Поль никогда, ни на секунду, не позволял ей усомниться в своей любви. Именно он предложил ей узаконить отношения, позвал ее в Амьен, а затем по месту службы, так как, по его словам, больше помог выносить долгой разлуки с ней. И во время ее пребывания в Лионе, все те часы, когда Поль был свободен, они повсюду были вместе.

Но тогда почему сейчас он не на службе, как уведомлял ее вчера? Если изменились обстоятельства, почему не спешит к ней, на бульвар Либерти? Или он уже побывал в комнатухе и, не застав ее, решил провести вечер со случайной знакомой? И кто эта похожая на воробышка женщина рядом с ним? Гала стояла перед стеклом витрины с абсолютно неподвижным, будто маска, лицом, прислушиваясь к своим внутренним мыслям, стараясь обуздать волну гнева, что где-то в глубине ее души уже начинала набирать силу. Она насильно заставила себя повернуться и не спеша, медленно, с усилием растягивая губы в улыбке, пошла по улице, оглядываясь по сторонам в поисках Поля со спутницей. Все это давалось ей с трудом, но она понимала, что если даст гневу завладеть собой, в их отношениях с Полем образуется такая брешь, какую не залатать самыми нежными объятиями.

Она нашла их в уличном кафе неподалеку. Они сидели за столиком, на котором стояла бутылка вина и два на треть наполненных бокала, и разговаривали, как давние знакомые. Его спутница, сняв шляпку, положила ее на край стола. У нее оказались каштановые волосы, завитые в мелкий барашек. Когда Гала подошла поближе, то услышала, что Поль говорил:

— Эта прическа тебе больше идет, Ты вообще очень похорошела. — Он взял ее ладонь, подержал в своих — больших и крепких, — слегка похлопал по ней. На его лице появилось выражение нежной снисходительности.

Так, значит, они давно знакомы... Обида обожгла ее, и Гала уже было направилась к выходу, но передумала — она должна выяснить, кто эта рыжеволосая коротышка и по какому праву она претендует на его внимание.

Гала зашла к Полю за спину и, накрыв ладонями его глаза, заметила, как выражение удовольствия соскользнуло с лица его спутницы. На близком расстоянии она не выглядела простушкой. Глубокие серые глаза наполовину скрывались под тяжелыми веками, несвежая, будто припудренная пылью кожа говорила об усталости.

— Гала, — сказал Поль, отнимая ее ладони с лица. — Я и не ожидал... Решила прогуляться? Молодец. Я вот Жюли встретил. Присаживайся к нам.

Гала чмокнула его в щеку. Она отметила про себя, что Поль выглядит несколько напряженным, растерянным. — Жюли, это моя жена — Гала, она русская. Гала — это Жюли.

Женщины некоторое время смотрели друг на друга: поцеловаться, как принято у французов? Обменяться рукопожатиями? Гала просто чуть дернула подбородком, что должно было означать приветствие.

— Будем знакомы, — ответила Жюли и вежливо улыбнулась. Гала не могла не отметить, что в ее улыбке была какая-то скрытая привлекательность.

— Мне сегодня на дежурство в ночь. Выдались несколько часов свободных, Жюли пригласила выйти в город. Гала, ты, наверное, тоже еще не обедала? — спросил Поль, — Мы заказали жареный картофель и камбалу, ты как? Особо выбирать здесь не из чего.

— Доверяю вкусу своего мужа, — отозвалась Гала, раскрывая перед собой сумочку. — Смотри, дорогой, что я купила. Неплохо, да? Нравится?

Он повертел открытку в руках, пристально разглядывая не столько картинку, сколько оборотную сторону.

— Вероятно, одна из первых цветных. Ты предлагаешь собирать коллекцию?

— Можно и так. Вообще-то это тебе мой подарок.

— Спасибо, — он коснулся губами ее щеки. Гала заметила холодное, задумчивое выражение на лице Жюли, как будто она пыталась увидеть некий изъян в их супружеских отношениях в тот краткий момент, когда они оба приблизили друг к другу головы.

— Здесь неплохо, вы не находите? — сказала Жюли, поднося бокал с вином к ярко накрашенным губам. Голос у нее был тихий и мелодичный. — Это место очень удобное для отдыха в жаркий день.

— Сегодня не жарко, — заметила Гала.

— Но и не холодно, — отозвалась Жюли.

— Давайте выпьем, — предложил Поль и сделал глоток. — Гала, будешь? — Он подлил вина. Она с улыбкой взяла из его рук бокал.

Подошел официант. Поль сделал заказ для Гала и попросил принести еще один бокал. В кафе сидели несколько человек — в основном пары, и их тихие голоса скрадывал шелест листвы. Время от времени все же долетали обрывочные фразы. Две темы были предметом обсуждения: любовь и война.

— Жюли была сестрой милосердия в Росни-сюр-Сен, — сказал Поль.

— Потом меня перевели в Аржикур, — добавила она. — Нам с Полем пришлось много вынести такого...

— Вино неплохое, вы не находите? — произнесла по-; спешно Гала. — Мне нравится французская традиция пить вино за обедом. Нам в Клаваделе вино тоже разрешалось, но больше красное. Мы с Полем познакомились в Клаваделе. У Поля слабые легкие.

— Мне это известно, — сказала тихо Жюли. — Мой брат умер от туберкулеза. Он работал почтальоном. Он не мог себе позволить лечиться в Швейцарии. У него осталось двое детей.

Гала смотрела на ее тонкие, выпирающие ключицы и невольно чувствовала свое превосходство. Жюли казалась приземленной, усталой и явно завидовала ей. Завидовала ее состоятельности, легкости и свободе, что придает особое очарование женственности, которое так зачаровывает мужчин.

— Вы давно женаты? — спросила Жюли, глядя прямо в глаза Поля.

— Скоро будет полгода, — ответила вместо Поля Гала. — А вы замужем?

— Я воспитываю детей брата.

— Увы, дети — помеха любви, — скрашивая свои слова улыбкой, вставил Поль.

— Ты так считаешь? — неприятно удивилась Гала. — Мне говорили, что дети — воплощение любви, цветы жизни.

— Цветы? Ха-ха. Младенцы — побочный продукт любовного акта, не более. Ненавижу детей, этих пищащих, орущих вурдалаков. Фу, там, где начинаются пеленки, заканчиваются всякие возвышенные чувства.

— Ты не прав, Поль, — возразила Гала. — В детях продолжение жизни, рода человеческого. Увы, мы все смертны, и ты, и я. Неужели ты хочешь, чтобы после тебя ничего не осталось?

— После меня останутся мои стихи. Мои дети — мои книги. Ты со мной не согласна?

Гала ничего не ответила. Его слова озадачили ее. Если Поль отказывается иметь с ней детей, то как поступать ей, если все же по неосторожности случится беременность? Ей не хотелось брать на себя ответственность в принятии решения.

— Дети — это страшная ответственность. — сказала Жюли, как будто прочитав ее мысли. — Тяжелейшая ноша, вериги, которые нужно тащить на себе в искупление хорошо еще если своих грехов.

— Грехов?.. Что вы считаете греховным? Притяжение мужчин

и женщин? Любовь? — Гала усмехнулась. — Мне кажется, грех — это совокупляться и в то же время корить себя, винить, мучиться. Господь нам дал такое чувствительное тело, зачем? Только для размножения? Не поверю. Мы не звери, мы — люди, и наши чувства, когда возникает это самое чудо — любовь, все направлены на достижение удовольствия. В русском языке есть такое слово «блаженство», не знаю, как это будет по-французски, но оно означает приближение к чему-то сокровенному, хорошему, божественному. Я считаю, когда женщина рядом с мужчиной, когда она с ним в самых тесных, самых откровенных, без всяких запретов отношениях — она приближена к святости как никогда, может, даже больше, чем монахиня, которая отринула свою женственность. Женщина создана Господом для мужчины, и ее предназначение — дарить ему своим телом, своим существованием радость.

— Твой духовник знает о твоих мыслях? — хмуро спросила Жюли.

— Мой Бог знает. Если бы не было его благословения, я бы давно погибла. Я верю, нас с Полем спасла от чахотки любовь. Именно любовь поддерживает нас в самые тяжелые моменты нашей жизни. Любовь дает нам такую радость, о которой помнишь всегда, даже когда кажется, что все кончено, больше жить незачем. Память хранит такие моменты... — Она прикрыла глаза, и на ее губах расцвела улыбка. — Воспоминания радости гораздо сильнее, чем любая боль.

— Неужели ты не помнишь обид? Не знаешь ревности? Не поверю. — Жюли в два глотка осушила бокал.

— Поль, скажи. Я права? — Гала положила ладонь на его руку. — Что ты думаешь?

— Ты — мое золото, — ответил он с некоторым удивлением и поцеловал ее руку.

— Хотела бы я на вас, Гала, посмотреть лет так через... несколько. Когда у вас будет ребенок... а может, и не один. Когда вы увидите многое, на что сейчас закрываете глаза, — сказала Жюли и наполовину осушила вновь наполненный Полем бокал.

Официант принес заказанные блюда, тем самым поставив точку в обсуждении этой темы.

— За любовь, — произнес Поль и приподнял бокал.

Они выпили и принялись за еду.

Чтобы нарушить молчание, Жюли спросила:

— Значит, вы, Гала, из России? Говорят, там революция. Как вы думаете, это серьезно? Не выйдут ли русские из войны? Ведь Франция и Россия — союзники.

— Я думаю, война закончится до зимы, — ответила Гала,

уверенно работая ножом и вилкой.

— Боши капитулируют? — Жюли отщипнула кусок рыбы и положила в рот. — М-м-м-м, как вкусно. Настоящая довоенная еда. Спасибо, Поль, — она вытерла руку салфеткой и потянулась за бокалом. Поль тут же предупредительно подлил ей вина. — Давно у меня не было такого праздника, — сказала она, ставя опустевший бокал на стол. — Вряд ли боши могут себе позволить такой шикарный обед: картошка, рыба, вино. Говорят, там, в Германии, настоящий голод. Так им и надо, пусть хоть все передохнут.

— Неужели вы на самом деле желаете кому-то смерти? Это страшный грех. — Гала смерила ее своим холодным осуждающим взглядом. — Разве немцы не такие же люди, как мы все? В Клаваделе были отдыхающие из немцев. Бургеры — немного скучные люди, но за это их что, расстреливать?

— Вы бы видели, что эти скучающие бургеры делают с нашими солдатами! — Жюли в раздражении бросила приборы на стол и взмахнула руками. — Эжен, скажи, скольких искалеченных, простреленных насквозь французов нам пришлось готовить к операциям? А сколько умерло от гангрены?

— Может, есть более приятные темы для застольного разговора? — с нажимом сказала Гала, отделяя белое мясо камбалы от костей с помощью ножа и вилки. — Нельзя же все время: война, война, война... От этих разговоров ничего не изменится. Иногда мне кажется, что во Франции живут исключительно одни пессимисты.

— Может, оно и так. Вы слишком молоды и слишком легкомысленны. Берегитесь, судьба умеет подстраивать такие козни, что вам не приснится и в страшном сне. Поживете подольше и все равно растеряете свою щенячью восторженность.

— Признайтесь, Жюли, вы мне просто завидуете, — сказала Гала со снисходительной улыбкой.

— Еще чего! Я — настоящая француженка, я у себя дома. А вы кто такая?

— Девочки, не ссорьтесь. Давайте лучше выпьем, — примирительно сказал Поль. — Даже наше молодое французское вино не из худших. Так, Гала? Или ты предпочитаешь русскую водку?

— Штофами.

— Понял, — улыбнулся Поль и, махнув официанту, сделал рукой жест, давая понять, чтобы он принес еще одну бутылку.

Бокалы вновь были наполнены.

— Я хочу выпить за будущее. Как, Жюли, вы не возражаете?

— Почему я должна возражать? — Ее глаза зло блеснули. —

Пусть будет то, что будет.

— Наше будущее будет прекрасным, так, Поль? Как, кстати, тебе мое новое платье? — Гала поставила на фужер на стол и, вспорхнув с места, встала перед ним.

В белом с бледно-голубыми лучами и широкой юбкой, начинающейся сразу от самой груди, она была сама чистота и невинность. Но он-то знал, какие страсти бушуют в этом хрупком теле, скрытом батистом. Поля охватило желание.

— Ты похожа на Белоснежку, — с улыбкой сказал он и провел рукой по ее бедру.

— Ты хочешь сказать, на Снегурочку, так? Ты помнишь, как мы в первый раз пошли одни гулять в Клаваделе? Ты помнишь?

Она поцеловала его прямо в губы. Какая она глупая, что ревновала. Разве у нее могут быть соперницы? У нее, такой юной, яркой, веселой? Гала с чувством превосходства взглянула в лицо Жюльетте. Та, как затравленный зверек, глядела на нее поверх бокала, который держала прямо перед собой. Гала даже стало ее жалко.

— Жюли, а пойдёмте танцевать. Вы же местная? Вы знаете, где здесь поблизости танцуют?

— Гала, я не могу вас сопровождать. Мне на службу, — напомнил ей Поль.

— Мне тоже пора домой, — Жюли торопливо вытерла рот и достала из сумочки губную помаду. Глядя в стекло бокала, она подкрасила губы и встала. Под кроной листвы в наступивших сумерках ее маленький яркий рот казался почти черным, как зияющая дыра. Она стояла, опершись на столешницу и слегка покачиваясь на тонких ногах.

— Тебя проводить? — предложил Поль, но в его голосе не было слышно готовности.

Жюли наклонилась и, глядя прямо ему в глаза, сказала:

— Я не возражаю. Проводи меня, мой котик. До постельки. Только что скажет на это твоя женушка, а?

Распрямившись, она рассмеялась и, нахлобучив шляпку на голову, покачиваясь пошла к выходу.

— В таком состоянии ее нельзя отпускать. Она слишком много выпила.

Поль догнал ее, взяв за руку, начал ей что-то убежденно говорить. Жюли стояла, склонив голову, как провинившаяся школьница, а когда подняла голову, по ее лицу ручьем катились слезы. Поль усадил ее на свободный стул, достал из кармана платок, подал ей и вернулся к столику, где ждала его Гала.

— Мне все же придется проводить ее. Она совершенно расклеилась.

— Что ж... Если хочешь, я тебе составлю компанию.

— Пожалуй, так будет лучше.

Поль подхватил Жюльетту под руку, Гала шла на полшага позади них. Как она сутулится, — заметила она, — просто удивительно для женщины такого маленького роста. Фигурка неплохая, гармоничная, но не выглядит привлекательной из-за мешковатого платья. И голова красивой формы, и волосы редкого медного опенка, которые незачем прятать под столь дурацкой шляпкой. Совершенно не умеет себя подавать, — решила Гала и, когда Жюли повернула к ней голову, ободряюще улыбнулась. Ей показалось, что она заметила в ее потемневших глазах всплеск такой ненависти, который она, конечно, тут же ей простила. Разве можно сердиться на лежащий на дороге камешек? Гораздо проще пройти мимо и не заметить. Кто такая для нее Жюли? Никто. Женщина, влюбленная в Поля. Да много еще таких будет на его пути. Но разве кто-либо может помешать их любви?

Когда они миновали перекресток, их обогнала конка. Жюли вдруг вырвала свою руку из-под локтя Поля и, резво перебирая тонкими ножками, побежала вслед. Через минуту она уже стояла на подножке.

— Я люблю тебя, Поль. Я любила тебя всегда. Эта женщина недостойна тебя, она тебя погубит, — крикнула она и тут же скрылась в вагоне.

Поль посмотрел на Гала — та была сама невозмутимость.

— Мне жаль ее, — сказала она и весело улыбнулась. — Поль, будь осторожен. В тебя трудно не влюбиться.

— Это хорошо или плохо?

— Конечно, хорошо, — рассмеялась Гала, заметив, как Эжен сжимает в кулаке часы. — Сколько у тебя свободного времени до службы? Может, домой зайдем?

— У меня еще с час или даже чуть меньше, — сказал Поль, глядя на циферблат. — Как ты? Еще немного пройдемся или...

— Давай присядем, — предложила она.

Проследив за ее взглядом, он увидел небольшую скамейку, стоявшую особняком в тени деревьев.

— Что ж, я не прочь, — живо согласился он, но когда они сели, он закурил и словно впал в задумчивость. Гала искоса посмотрела на его бледное невеселое лицо. О чем он думает? Наверняка он грустен из-за того, что не сможет провести с ней ночь. Она ободряюще провела по его предплечью, попыталась поймать его взгляд. Он упорно не замечал ее знаки внимания. Гала чувствовала, что он готовится что-то ей сказать. Может, он решил посвятить ее в тайну своих отношений с Жюльеттой? Неужели у ее Поля что-то было с этой коротышкой?

Не докурив, он бросил сигарету под ноги и повернулся к жене. Пока он смотрел на нее, его напряженное, как восковая маска, лицо расслабилось, появилась добродушная улыбка.

— Боже, как мне повезло. Ты на меня не сердишься из-за Жюльетты? Ты меня не ревнуешь?

— Фи, глупости какие. Я не знаю такого мужчину, кого эта женщина могла бы свести с ума. Тем более соблазнить моего Поля, ведь так? Ты не подпал под ее чары?

Она хохотнула и, бросив на него быстрый взгляд, прочла в его глазах некоторое смущение. Голос его прозвучал глухо и не совсем твердо.

— Жюли — хорошая женщина.

Гала от удивления уставилась на него во все глаза.

— Вот уж не ожидала, что она в твоем вкусе, — сказала она. — Расскажи, какими добродетелями Жюли обладает, мне очень даже интересно. Чем она тебя привлекла? Или ты готов найти бездну достоинств в любой женщине, признавшейся тебе в любви?

Он молчал, упорно не поднимая глаз. Сердце у нее забилося сильнее. Какой Поль все же странный человек. Сейчас она узнает о муже нечто, что ранее было скрыто от нее.

— Как вы познакомились с Жюли? Она тебя первой заметила, ведь так?

Поль продолжал молчать. Он все глядел перед собой на потемневшие в сумерках деревья.

— У тебя с ней что-то было? — вдруг спросила она и почувствовала не ревность, не страх, но какое-то разочарование. — Расскажи, я все пойму. У нас не должно быть тайн друг от друга. Предательство не в том, что какая-то женщина могла соблазнить тебя, а в том, если ты хочешь меня обмануть. И все же... Я не верю, что у тебя было что-то с этой малышкой. Это она сама все напридумывала, так? Ты пожалел ее, а она приняла это за аванс, я права?

Поль тяжело вздохнул, обнял ее за плечи, притянул к себе.

— И все же, как мне повезло. Даже не верится, — повторил он.

— Ты тоже хороший, и красивый, и умный и... просто необыкновенный. Я понимаю Жюли, она не могла в тебя не влюбиться. Вы вместе служили, так? Она такая добрая, внимательная и... предположу, она обладает множеством достоинств, которые так хороши, когда скудно, плохо, страшно. Наверное, она внутренне радуется, когда наступают трудные времена. Тогда все ее достоинства выступают на первый план. Жалеть и сострадать. Так сладко бывает, когда можно поплакать

на таком, как у Жюльетты, плечике.

Вдруг, ни с того ни с сего, Поль хохотнул.

— Чего это ты смеешься? — настороженно спросила Гала.

— Потому что ты удивила меня своей пронизательностью. Да, она именно такая, совершенный образец женщины для трудного времени. — Он хмыкнул и покачал головой.

Гала озадаченно смотрела на Поля. Казалось, он сам был удивлен ее словами.

Но снова перед ее глазами замаячила эта парочка: Поль и Жюли, оба они были так увлечены беседой друг с другом, что ничего не замечали вокруг, там, на улице, перед самым ее носом.

Гала заглянула Полю в лицо — ни тени настороженности, смущения.

— Она была твоей любовницей? — спросила Гала и почувствовала, как вся кровь отхлынула от ее лица.

— Не совсем... это случилось до твоего приезда... Я был только призван на службу, растерян. Мне было очень плохо, я впервые видел столько боли, страха, грязи и крови. Жюли оказалась рядом, и это меня каким-то образом спасало. Ты же знаешь, я не выношу одиночества, — признался Поль. — Я оказался ее первым мужчиной. Я не хотел, само как-то вышло.

— Сколько раз ты виделся с ней после того, как я приехала? — спросила Гала. — Скажи, ты был близок с ней, когда я уже жила в Париже?

Он старался не смотреть на нее и настороженно прислушивался, нет ли в ее голосе укора. Гала обладала невероятной интуицией, обманывать ее было бесполезно, она всегда различала, где ложь, а где правда.

— Мы служили вместе, — ответил он неопределенно.

— Жюли — женщина для войны. Это я понимаю. И как я догадываюсь, это она нашла тебя здесь? Или она тоже служит в Монлюке?

— Ее брат с семьей жил в Лионе. После того как вдова ее брата сбежала в Америку, Жюли пришлось оставить службу и заняться воспитанием племянников. Сегодня она объявилась в Монлюке.

— И тебе захотелось прогуляться с влюбленной в тебя женщиной.

— Ты не по возрасту мудра, моя Гала. — Он откинулся на спинку скамейки, вытянув вверх руки, потянулся. — Мне, наверное, пора. Пойдем, я провожу тебя.

— Я сама дойду, здесь недалеко. А впрочем... Ладно, проводи.

Он встал, подал ей руку. Она просунула ладошку под его

локоть.

— Только не шагай так широко, мне неудобно, когда ты так спешишь.

— Постараюсь.

Некоторое время они шли молча. Морщинка между его бровями говорила о сосредоточенности и внутреннем монологе. Или недовольстве?

— Поль, что-то не так?

— Мне надо спешить. Боюсь опоздать на службу.

Она вынула руку из-под его локтя, встала перед ним. Улыбка озаряла ее кажущееся безмятежным лицо.

— Я доберусь сама, не беспокойся.

Она встала на цыпочки, поцеловала его в щеку и двинулась в сторону бульвара Либерте, юная, очаровательная, легкая. Когда она шла через улицу в своем воздушном платье, с рассыпавшимися по плечам блестящими темными волосами, казалось, она танцует. Поль смотрел ей вслед, и сердце его трепетало. Она оглянулась, он помахал ей в ответ.

У счастья свои законы, и те, кто утверждает, что знают единственно правильную формулу счастья, или дураки, или безумцы, думал Поль, глядя на удаляющуюся стройную фигуру жены. Сегодняшний день принес ему осознание, что он из множества женщин выбрал самую достойную. Иметь такую привлекательную и умную жену — несомненная удача. Он вспомнил о Жюли и внутренне согласился с Гала: есть женщины, которые хороши только в тяжелые моменты, в иных обстоятельствах они не только не нужны, они могут стать обузой. Такие женщины, как Жюли, будто вмещают в себя все скорби мира, притягивая к себе все новые и новые страдания. Их любовь может стать проклятием, талисманом на поражение. Они как будто носят в себе проказу горя, заражая всех, кто рядом с ними. Брат Жюльетты умер от туберкулеза, жених погиб в первые месяцы войны. О своей несчастной матери, сгоревшей в огне пожара, она особенно много ему рассказывала, изливая боль и обиду. Она не могла простить свою мать, зачавшую ее без любви от случайного мужчины, даже имени которого не удосужилась узнать. Жюли стыдилась своего тела и отдавалась всегда в темноте, слишком поспешно, даже несколько суетливо. Она боялась любить, но и страшилась быть нелюбимой, она закрывалась от яркого света и предпочитала сумерки. Она была — полная противоположность Гала, от которой будто исходил запах какого-то неизведанного счастья. Его жена — это подарок судьбы, женщина для свободной радости любви. Ее имя предопределило ее судьбу, стало для него приворотом. Его

увлекла ее карнавальность, непредсказуемость, неожиданность, но всегда — готовность к празднику, к удивлению и открытию. Она питала его воображение, поддерживала его состояние поиска, необходимое для творчества, и в то же время давала опору для взлета вдохновения, заражала его счастьем, поскольку сама чувствовала себя достойной счастливой судьбы. Она не могла ревновать его к женщине, предоставившей свое тело, чтобы он смог заслониться от страданий, забыться в суровости военных будней. Кто хочет хранить в себе воспоминания о боли? Жюли исчезнет из его мыслей так же быстро, как затягивается рана от вырванного с корнем зуба. Зато сладкая эйфория полета, какую дает чувственное наслаждение, будет вновь и вновь напоминать ему о ласках Гала, он будет смаковать образы ее привлекательного тела в своих мечтаниях, наслаждаться эротическими видениями в своих снах. Гала — праздничная женщина, она — его жена.

Самое сложное в любви — это плести незатейливую ткань повседневной жизни. Час за часом заполнять свою жизнь действиями, поступками, чувствами, эмоциями. Ждать и надеяться, надеяться и ждать. Готовиться к встрече и встречать... И снова провожать, и опять готовиться к встрече. У Гала не было иного занятия, чем жить своей любовью. Только любовь заполняла каждый отрезок ее кажущейся со стороны однообразной жизни. Утром она открывала глаза — и чувствовала, как все ее существо наполняется радостью: день не будет пустым, вечером она снова будет встречать мужа. Она должна узнать нечто новое, чем сможет его удивить. Найти интересную строку у Аполлинера или парадоксальную мысль в романе Достоевского. А может, стоит прогуляться по улицам и подсмотреть какую-нибудь уличную сценку, чтобы Поль мог вдоволь посмеяться? Или хотя бы улыбнуться.

Юная, свежая, в превосходном расположении духа, из своих прогулок по городу она приносила с собою множество маленьких веселых воспоминаний. Поль был доволен своей женой. Подчас, когда у него выдавался свободный день, они вдвоем гуляли по улицам Лиона, останавливаясь в уличных кафе, в парках, на набережной. Гала любила посмеяться. Ее красивые свежие губы растягивались, демонстрируя жемчуг ровных здоровых зубов, и Поль обнаруживал, что ему приятно вызывать ее смех. Своим звонким смехом она привлекала внимание. Поль чувствовал, что на них смотрят, но она не стеснялась, наоборот, вела себя так естественно, что казалось, ей нет дела ни до кого, кроме них двоих. Ее тело, которое по-прежнему волновало его, казалось ему прелестным в легких летних платьях. Он испытывал особое удовольствие от мысли, что только он сам и никто другой, даже сама Гала, не решает, когда наступит та самая минута, когда они займется любовью. Ему нравилась его новая роль властителя.

Гала его любила, в том не было для него сомнений. Она принадлежала ему полностью. Она стала его продолжением, тенью, отражением его желаний.

— Ты — мое зеркало, — шептал он, окружая ее лицо своими ладонями. — Я заключен в круг зеркала такого чуткого, что если даже воздух струится во мне, у него есть лицо, любимое лицо, твое лицо.

— Я твоя. Я вся твоя. Иногда мне становится страшно от того, как я люблю тебя, — отвечала она ему, но не страх, а страсть горела в ее угольно-темных глазах. — Пусть я исчезну. Пусть я

стану только твоим отражением. Зачем мне быть, если нет тебя? Я живу, только когда есть ты. Мои глаза, губы, руки, все мое тело — только для тебя, иного в них смысла нет.

Случалось, лежа с ней в постели, Поль называл ее то дьяволицей, то святой, то королевой, то служанкой. Она чувствовала, что ему доставляет удовольствие менять ее роли, — чтобы она ни в коем случае не успокоилась в своей любви, чтоб знала сложность их отношений в рамках окружающего мира. Нежность, переходящая в грубость, поцелуй — в укус, легкие скольжения ладоней в удар.

В эротических играх он становился все более смелым. Сам Поль, казалось, не понимал, откуда приходит к нему желание все более рискованных эротических экспериментов. Это было так неожиданно. Что же им овладевало, когда он, всем сердцем любя, сладострастно терзал ее тело? Унижая ее, он пытался разгадать: что это, удовольствие или боль, искажает ее лицо. Подчас, заметив на ее теле следы от его жестоких ласк, он переполнялся отвращением к самому себе. Но Гала была снисходительна, казалось, она сама получает удовольствие от новизны в их любовных играх. Иногда ему казалось, что она сама провоцирует его, примеряя на себя амплу то распутницы, то недотроги. Его самопознание продолжалось в познании ее. В их отношениях исчезли все смутные тени, все запреты. В любовном экстазе растворялись все страхи, что так мучили его, принося с собой ночные кошмары. Безмолвие и тьма пугали его.

— Эй, не засыпай, — говорил он, перекидывая к ней мостик сквозь наступившее молчание после бурной сцены страсти. — Не уходи. Будь со мной.

— Я здесь, с тобой, — успокаивающе отвечала она, с трудом размыкая слипающиеся от усталости глаза. — Отчего ты не засыпаешь? Закрой глаза. Пусть тебе приснится сладкий сон.

— Сладкой бывает моя милая... Но сон? Сон не есть ли смерть?

— Прошу тебя, Поль, пожалуйста, спи.

Она крепко прижималась к его телу, стараясь своим редким, спокойным дыханием, утихомирить его часто бьющееся сердце. И вот, успокоенный теплом ее тела, он дышал уже ровно и ритмично, в то время как Гала, отогнав сон, смотрела в темноту.

Смутная тревога завладевала ее сердцем, тоска наполняла глаза влагой.

Любить — значит подписать безоговорочную капитуляцию в войне двух полов, поставить себя в зависимость от диктата любимого, выплачивая контрибуцию уступок. Любя, мы отдаемся во власть деспота, своенравного и пленительного. Отказываясь от

личной свободы, мы снимаем всякую защиту, открываемся, становимся уязвимыми. Один взгляд, один жест, улыбка или ухмылка могут вознести к небесам или низвергнуть во прах. Когда мы отдаем самих себя в полное рабство возлюбленного, внимаем речам, курим ему фимиам, ждем, ежеминутно прислушиваясь к каждому шороху в надежде услышать его шаги, мы подчиняемся окончательному и не подлежащему обжалованию приговору — быть или не быть, ибо нелюбовь означает одно — исчезновение всех смыслов. Любовь делает женщину уязвимой.

О том ли думала Гала, глядя в темноту ночи, прислушиваясь к дыханию любимого? Неосознанный страх терзал ее. Она была слишком молода, слишком влюблена и слишком одинока.

Дела службы Поля вынуждали их к долгому расставанию. Бывало, они не виделись по несколько дней. Такие дни казались Гала пустыми, лишенными всякого смысла. Без Поля она теряла себя.

Гала блуждала по Лиону, всем своим существом остро и испуганно пытаясь найти свой образ в глазах других людей. Цветочница на углу площади, смотревшая на нее из-под полей обтрепанной ветрами шляпы, видела перед собой незнающую тягот судьбы особу. Гарсон, принесший ей крохотную чашечку кофе, оценочно-весело глядел на нее и, вероятно, принимал ее за кокетку, наслаждающуюся отдыхом в перерыве между свиданиями. Гала всем своим существом чувствовала, как отражается в каждом взгляде случайных для нее людей. Для дородного булочника она была слишком тощей. Для продавщицы галантереи, скрывающей морщины под слоем пудры, — слишком молодой. И для всех — чужой. Как, впрочем, и для нее были никакими все, кроме Поля. Она смотрела в лица незнакомцев и пыталась найти что-нибудь родное, близкое, печать сопричастности. Но нет, она никогда не узнает, что чувствует вон та молоденькая в конопушках девчушка в красной, будто огонь, шляпке. Неужто и на этих глазах-пуговицах появляются слезы, когда она страдает от раздирающей ее сердце любви? Гала казалось, что ее чувства к Полю — уникальны, что она одна такая — отмеченная особым даром высокой любви.

Ей вспомнилась ее подруга Ася. Последние ее письма были исполнены горечи и разочарования. Увы, брак подруги с Борисом не принес счастья. Не осталось от их искренних чувств, от взаимной привязанности, что им когда-то казались вечными, ничего... Разве что маленький человечек, их сын. А может, именно ребенок привел к распаду их дуэта, который не был

предназначен стать трио?

«Только бы нас с Полем ничто и никто не смог разлучить», — думала Гала, блуждая по лабиринту улиц, боясь признаться самой себе, что просит невозможного. Слабые головокружения по утрам, тошнота, упадок сил — она надеялась, что все это было следствием ее неуравновешенного характера и хрупкого здоровья, а не признаками беременности. Гала не считала себя готовой к материнству не хотела обременять отцовством и Поля. Скоро, совсем скоро — конец войне, окончание их неустроенной жизни. Совсем немного подождать, и они смогут без помех наслаждаться обществом друг друга... Без лишних свидетелей, только они одни... как Адам и Ева... Неужели им с Полем никогда не достичь своего рая?

Гала брела через однообразные кварталы, заполненные магазинчиками и лавками, мимо уличных кафе и цветочных лотков.

— Мадемуазель одна?

Мужчина с помятым лицом и закрученными вверх усами, пытаясь привлечь к себе внимание, приподнял котелок над головой.

— К вашему сведению — мадам, — в сторону бросила она и, прибавив шаг, скрылась за дверями магазина.

Бронзовые слоны, фарфоровые вазы, инкрустированные ножи и нити бус в витрине казались уродливыми, ненужными, когда она пыталась найти в них для себя смысл. Когда-то ее интересовали подобные вещицы. Оказавшись в каком-нибудь месте одна, она умела заполнить время. Разглядывая предметы, она как бы вступала в обладание ими, примеривала на себя, предполагала, как они украсят ее жизнь. Теперь же она блуждала взглядом по заставленным всякими безделицами полкам, прислушиваясь к себе, искала хоть искру интереса и не находила. Если бы Поль был вместе с ней, он сумел бы рассказать массу интересных фактов, связанных, допустим, вон с той маской, представлявшей собой нечто среднее между изображением гневного лица мужчины и мордой буйвола. В каждой вещи она видела загадку, объяснение которой мог дать ей только Поль. Тугой ком подкатил к ее горлу, глаза увлажнились. Поль украл у нее ее саму. Отныне она не принадлежала ни себе, ни внешнему миру. Она — пленница своей любви. Ей стало страшно. А если действительно она уже носит в себе его ребенка? Неужто она должна отдать саму себя еще и ему? Что станет с ней самой?

В поисках поддержки она оглянулась кругом.

— Вам помочь? — тут же откликнулся на ее призывный взгляд продавец.

— Да-да... — растерянно пробормотала она.

— Что вас заинтересовало? Каминные часы? Фарфор восемнадцатого века? Вот эта дама с зонтиком? Или музыкальная шкатулка?

— С зонтиком... дама...

Голос ее дрожал, она едва сдерживала слезы. Больше всего ей хотелось участия. Многое она дала бы, чтобы отец оказался с ней рядом. Заглянуть бы в его теплые янтарные глаза, приникнуть к широкой груди. Он-то смог бы ей сейчас помочь, подсказал, как ей дальше жить.

— Это китайский фарфор, семнадцатый век. Вещичка очень хрупкая, — осторожно заметил продавец, оставаясь на месте. Он даже не протянул руки, чтобы достать с полки фарфоровую безделушку.

Гала больше не могла сдержать слез. Она выскочила из магазина и побежала по улице, втайне надеясь, что кто-нибудь остановит ее, успокоит, примет в ней участие. Но никто из прохожих даже не замедлил шага. «Ты будешь совсем одна. Знаешь, что такое одиночество? Охрипнешь от крика — и никто не откликнется», — вспомнились ей слова отца. Он снова оказался прав...

Гала не слышала ни звуков шарманки инвалида, который сидел на скамейке, вытянув перед собой деревянную ногу, ни топота копыт лошадей, тащивших за собой вагоны конки. В голове ее снова и снова шли по кругу слова: одна, совсем одна... ау-ау — и никого, никто не откликнется.

Она бежала по улице, размазывая по щекам слезы, взглядом выхватывая лица прохожих, тщетно пытаясь найти нечто знакомое, родное. Кто ее сможет успокоить? Кто вселит уверенность? Кто разрешит ее сомнения? Может, стоит попытаться связаться с Полем?

Она остановилась в нерешительности перед почтамтом. Вызвать его со службы телеграфом?

Ей вспомнилась сцена сегодняшнего утреннего прощания.

— Завтра я не смогу быть с тобой, — сказал Поль, откидывая одеяло. — Сама понимаешь, служба.

— Или Жюли? Снова обедаешь со своей подружкой? — попыталась пошутить она, но голос ее дрогнул в обиде. — Поль, я скучаю без тебя.

— Ничем не могу тебе помочь. Я не развлекаться иду.

— Обещай мне, что потом мы проведем с тобой вместе целый день. Погуляем по старому городу, ходим в театр...

— Мне хватило театра военных действий.

— Как мне это понимать?

Он пожал плечами и начал одеваться. Гала смотрела на его возмужавшее тело, на наглухо замкнувшееся лицо и не решалась поделиться сомнениями по поводу возможной своей беременности. Она только однажды осмелилась намекнуть ему о вероятности вскоре наградить его наследником, как тут же заметила брезгливую гримасу, исказившую его лицо. «Никаких детей, даже слышать не желаю», — отрезал он.

— Боюсь, несколько дней я не смогу отлучиться со службы. В лучшем случае буду дня через три. Постарайся не скучать, — сказал Поль, оборачиваясь на пороге.

— Не уходи!

Прямо как была, обнаженной, она бросилась к нему.

— Пожалуйста, Гала, оставь...

Печаль в его глазах глубоко проникла ей в душу.

— Я так тебя люблю! — Она порывисто обняла его, ощущая всем своим телом, что он защищен от нее всей своей военной формой, своими мыслями, устремленными от нее, а не к ней. — Иди, тебе надо. Сколько нужно, столько и буду тебя ждать. Ты делаешь дело, я так... Как пусто без тебя... — сдерживая слезы, шептала она. — Я не знаю, как тебя удержать. У меня только одно-единственное средство — любить тебя, бесконечно, беззаветно. Но тебя это не прельщает. Ничего не поделаешь.

— Гала, не начинай, — взяв за плечи, он отстранил ее. — В этом мире есть помимо тебя и твоей любви много всего, с чем стоит считаться.

— Не забывай — я твоя жена, нельзя до такой степени обижать меня, — сквозь слезы прокричала она.

— Я тебя обижаю? Ха-ха. Ты и без меня сама с этим хорошо справляешься. Твои обиды только плод твоего эгоцентризма.

— Ты даже не спросил, как я себя чувствую.

— Как ты себя чувствуешь?

Он стоял на пороге в своей синей форме, его волосы были тщательно причесаны, а лицо выражало нетерпение.

— Ладно, иди, — она опустила на кровать, справляясь с приступом жалости к себе.

Даже не оглянувшись, Поль открыл дверь и вышел.

Под воздействием страха перед беременностью все ее чувства подвергались эрозии, и все слова, когда-то сказанные Полем, но заброшенные в темный чулан ее памяти, как принесшие боль, вновь и вновь всплывали, грозя разрушением, напоминая, что взаимопонимание — иллюзия, любовь — недолговечна, и нельзя рассчитывать на безмятежное будущее.

Прогулка по городу показалась ей бессмысленной. Как бессмысленным казалось все, на что бы ни направляла она свой взгляд. Добравшись до дома, она рухнула в постель. Нервозность сменилась апатией. Жизнь складывалась не так, как ей мечталось. Она теряла Поля, тем самым она теряла саму себя. Ради Поля она отказалась от всех своих привычных связей, заключив себя в гулкое одиночество. Прежде она находила удовольствие в танцах, театре, в беседах, в редких, но ярких влюбленностях. А теперь, когда она вспоминала об этом, ей казалось, что все это происходило не с ней. Она чувствовала странную усталость, вялость во всех членах, пустоту. Она еще не знала, что такие моменты наступают, когда близятся кардинальные перемены. Как перед ливнем, на мгновение порывы ветра ослабевают, давая передышку природе, так и перед наступлением жизненного перелома приходит краткий период отдыха для того, чтобы дать возможность мобилизовать все силы перед испытанием.

* * *

Гала вернулась в Париж. Вызванный Жанной-Марией доктор подтвердил беременность невестки. Чтобы создать комфортные условия для будущей мамы и избежать вспышек гнева Клемана, который так и не смог принять выбор сына, для Гала сняли отдельную комнату на четвертом этаже в том же доме, где жили Грендели. В сентябре Поль приехал в отпуск. Известие о своем будущем отцовстве он, к облегчению Гала, принял спокойно. Болезни и долгие годы войны научили Поля мыслить одним днем, сделали его фаталистом. Что с ними будет через полгода, год? Кто знает? Слишком много смертей он наблюдал, чтобы сохранить иллюзию свободы воли. Его снова могут послать на фронт. Случайная пуля, пневмония или банальная окопная дизентерия — и все его проблемы канут в вечность. Вместе с ним самим.

На краткое время отстранившись от тягот службы, Поль наслаждался уютом родного дома, заботой матери, вниманием отца и любовью жены. Две недели Поль провел вместе с семьей и вновь возвратился на службу в Лион, оставив жену в Париже. Убегая от одиночества, Гала пыталась завязать отношения с живущими в их квартале русскими, давала уроки французского языка их детям. Вести о перевороте в России, свержении правительства Керенского поначалу обнадежили русское население квартала — может, большевики смогут вывести Россию из кризиса?

Гала посылала письмо за письмом своим родным в тайной надежде, что родители позовут ее домой. Как никогда прежде Гала ждала помощи от матери, ей так необходима ее поддержка, совет, просто близость. Из Москвы — никаких известий. Гала смирилась, она — замужняя женщина, если по-русски — отрезанный ломоть.

Наконец Гала Элюар получила от отца письмо. Сухо, сжато, как в газетной хронике, он оповещал ее, что возвращаться ей не стоит. В Москве беспокойно, нет электричества, проблемы с продовольствием, водоснабжением, прислужгой. И только в конце, коротким всхлипом: «Надеемся, роды у тебя будут легкими. Береги себя».

Гала затаила обиду на родных, но, узнав из газет об аресте и исчезновении царской семьи, была благодарна отцу за его мудрость. В страну, где царит хаос, возвращаться опасно.

* * *

Поля не приехал домой к рождению дочери.

Гала стонала при каждом новых схватках, и Мари-Эжени Грендель, бабушка Поля, ободряюще похлопывала по ее руке. Жанна-Мария суежилась рядом, проверяя, достаточно ли кипяченой воды, пеленок, есть ли под руками нашатырный спирт, вдруг Гала станет плохо.

— Сейчас-сейчас, — приговаривала она, вытирая пот с ее висков. — Еще немного... Будь сильной.

— Не могу, — выдыхала Гала, еле сдерживая себя от крика.

Ей хотелось одного — чтобы все скорее закончилось. Ее ни капли не заботил ребенок, она готова была произвести на свет мертвого младенца, лишь бы избавиться от многочасовой пытки. Ее поддерживала мысль, что ничего вечного в этом мире нет и что все имеет свое окончание, даже нечеловеческие муки. Когда ребенок уже рвался из нее наружу, в бездне боли к ней пришло решение, что никогда больше она не допустит такого издевательства над своим телом, ее не заботит продолжение жизни в своем отпрыске, она хочет жить сама, испытывая удовольствие, а не страдая. Их любовные игры показались ей безрассудством и преступлением перед ней. Отныне с этим покончено навсегда, решила она, со страхом ощущая, как в ней рождается и крепнет новая волна боли. Когда же ее известили, что у нее родилась дочь, она приняла это спокойно, без всплеска эмоций, слез радости или печали. Ей было все равно, главное — все ее муки позади. Она приняла в руки тесно спеленатого

младенца, приложила к груди. Все действия она совершала машинально, как подсказывала ей Жанна-Мария.

— Сесиль? Так назовем малышку? — поинтересовалась Мари-Эжени.

— Антонина, — произнесла Гала несколько раздраженно. Отчего-то ей хотелось перечить. — Мою бабушку так звали, — добавила она, разглядывая младенца. Удивление и щемящая нежность наполняли ее душу тревожными чувствами.

— У нас есть время выбрать имя для девочки. К отпуску Поля назначим крещение, — примирительно сказала Жанна-Мария.

— Поль вернется насовсем? Как скоро? — Гала в надежде вскинула на Жанну-Марию глаза.

— Вернется, — сказала она и улыбнулась. — Ребенок к перемирию.

Первый день они с младенцем проспали, спали и всю ночь напролет. На следующий день она поняла, что покоя ей не будет. Нет, не младенец ей докучал — Сесиль-Антонина была на редкость спокойным ребенком, вокруг суетились родственники Поля. Гала не высказывала недовольства, но ее нервное состояние сказалось, у нее исчезло грудное молоко. Сами того не понимая, мать Поля, его бабушка, многочисленные тетушки и соседки оборвали ту магическую нить, которая связывает мать с ребенком. Гала должна была принять тот факт, что ее дочь не принадлежит ей единолично, ее ребенок прежде всего отпрыск фамилии Гренделей. Гала начала выходить на улицу, чтобы хоть ненадолго побыть в уединении. Она страдала от отсутствия Поля, но еще больше ее мучила необходимость постоянно быть на виду, вести досужие, ничего незначащие разговоры с, может, и добродетельными, но чуждыми ей по духу людьми.

Мать и бабушка Поля смотрели за ребенком, переодевали, кормили, и Гала наслаждалась прогулками, когда ей удавалось выбраться из дома и в одиночку блуждать по окрестностям.

Однажды она вернулась домой с такой прогулки и остановилась в дверях, увидев перед собой Поля — без формы, в домашней одежде, с влажными от недавнего мытья волосами. Они стояли, глядя друг на друга, и она не нашла в себе сил, чтобы устоять перед ним. Она кинулась ему на грудь и разрыдалась. Его руки обняли ее, он склонился над ней, а она смогла только произнести:

— Мой милый... люблю... навсегда.

В это мгновение она поняла, что все клятвы, данные ею себе же самой, когда она рожала дочь, были тщетны, она испытывает такую тягу к этому красивому мужчине, что не в силах устоять

перед своим желанием вновь воссоединиться с ним. Она готова на любые страдания, лишь бы только он любил ее...

После она нежилась в постели, наслаждаясь теплом его тела, вдыхая его запах, пока не раздался пук в дверь. Наскоро надев рубашку и пеньюар, она вышла в коридор, забрала из рук Жанны-Марии закутанного в одеяльце ребенка, принесла его в комнату.

Поль безмолвно смотрел на нее с постели, боясь перевести глаза на ребенка.

— Это твоя дочь. Сесиль? — сказала она и положила младенца на подушку, хранившую отпечаток от ее головы. Поль глядел на ребенка, не имея ни малейшего представления о том, как ему реагировать.

— Ну как, правда хорошенькая? — спросила она, лаская взглядом ребенка, боясь поднять глаза на мужа и увидеть безразличную его гримаску. — Это твоя дочь, — повторила она.

— Ты уверена? — неумело пошутил он.

— Не обижай меня.

— Мне кажется, я в этом преступлении не замешан.

Он знал, что он отец ребенка, но не чувствовал этого. Он не видел жену на поздних сроках беременности и пропустил рождение дочери, а оттого еще не свыкся со своим отцовством.

— Ты точно хочешь назвать ее Сесиль? Может, Виктория? Или еще как-нибудь?

Она скинула с ног тапочки и забралась к нему под одеяло. Их головы лежали на одной подушке, на другой — крепко спящая дочь.

— Сесиль, — произнес Поль, будто пробуя имя на язык, — Сессиль. Нежное имя, спокойное, как сон.

Поль перевел взгляд с дочери на Гала.

— Я подам прошение, чтобы меня перевели ближе к семье.

— Тебя больше не пошлют на фронт? — с тревогой спросила Гала.

— Меня признали негодным. Верхушечный бронхит.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — произнесла она по-русски и уже по-французски пояснила. — У русских есть поговорка, мол, в некоторых обстоятельствах больным быть лучше, чем здоровым. Скоро кончится война, и тогда мы вплотную займемся твоим здоровьем. Ты бросишь курить. отвратительная привычка, и очень вредная. Мы купим домик, ведь так? У нас будет много, очень много красивых вещей. Вокруг нас будут только красивые люди. Ты будешь писать стихи, я — рожать тебе детей...

Поль притянул ее к себе. Она испытывала сейчас такое

удивительное счастье и в то же время удивительную грусть. Счастье — оттого, что она молода и по-прежнему желанна. Грусть — как осознание неизбежности жизненных изменений, которые происходят помимо их воли. Ей так хотелось, чтоб ничто не мешало их взаимному единению. Ни война, ни болезни, ни лишние для них люди. Она ни с кем не хотела его делить.

— Ты веришь, что мы будем счастливы? — спросила она, охваченная внезапно налетевшей тревогой.

— Обязательно будем, — улыбнулся он.

Она старалась внушить себе, что отныне им ничего не грозит. Польше больше никогда ее не покинет. Война закончилась, Польша дома. У них есть дочь. Они вместе — навсегда. Заснула она, однако, с ощущением беспокойства, а проснулась с обостренным сознанием, что над их безоблачным существованием нависла угроза. Их комната, обстановкой которой она с таким тщанием занималась день ото дня, несла иное настроение, чем вечером, когда они ложились в постель. Стены, оклеенные обоями, казались не матово-серыми, но под лучами утреннего солнца, рвущегося из окна, проступали тонкие фиалково-голубые полосы, прерывающиеся там, где висел натюрморт Гриса. Гала смотрела на воробышков, словно сквозь дымку, отчего они казались живыми — нахохлившимися, драчливыми. Скольких радостных минут их жизни станут они свидетелями? Внизу, по тротуару, шурша метлой, прошел дворник, хлопнула входная дверь. Она подумала о кухарке, которая сейчас раскладывает на кухонном столе купленные на рынке продукты, повязывает фартук, чтобы приготовить для них всех завтраки. Омлет с ветчиной для взрослых, овсяную кашу для Сесиль. Дочка осталась на втором этаже в квартире бабушки. Жанна-Мария всегда была рада присутствию рядом внучки.

Раскинув руки, Польша лежал на спине — одеяло валиком собралось у него под горлом, а ноги торчали голые. Она просунула руку под его одеяло, попыталась вызвать в нем страсть.

— Оставь... — Он пробормотал нечто нечленораздельное, отбросил ее руку и откатился на другой конец кровати.

Гала пронзила мысль, что Польша принял ее за другую.

— Польша, Польша... Ты не спишь? — осторожно позвала она его.

Тишина была ей ответом. Не прошло и года, как Польша демобилизовался, а уже плесень скуки начала разъедать их семейную жизнь. Она так стремилась к безмятежности и спокойствию, к размеренности и ритуальности их милой семейной жизни, и что? Ее победа ничуть не отличается от поражения. Бурное море неизвестности, прощаний и разлук оказалось не столь убийственным, как тихая гавань предсказуемости. Променяв неуверенность на покой, они лишились чего-то важного. Так останавливается звучание музыки, как только ослабевают пружина граммофона, и только вновь покрутив ручку, можно возобновить кружение пластинок. Что же ей предпринять, чтобы вернуть страсть в их отношения?

Гала накинула на себя рубашку мужа — хоть посредством нее

быть к нему ближе — и, подсев к окну, взяла в руки номер журнала «Littérature». Она была так счастлива, когда Поль ввел ее в круг своих новых друзей-поэтов: Андре Бретона, Филиппа Супо, Луи Арагона. Три мушкетера и Д'Артаньян — так называл их единение Поль. Но какое место определил он ей? Констанции? Она была бы не против, если только исключить трагическую развязку. Но, похоже, друзьям нравится иной персонаж — если не Миледи, то ее воскрешение в образе Мюзидоры. Все четверо «мушкетеров» были в восторге от фильма Луи Фейяда «Вампиры». Не оглядываясь на приличия, не подбирая выражений, они восхищались пленительным телом актрисы в тонком черном трико. Авантюристка, женщина «вамп»... Гала примерила этот образ на себя. Поль нашел привлекательным ее новое обтягивающее черное платье, укороченные до плеч волосы, ярко-красные губы. Он гордился ее уверенной статной походкой, раскованными жестами, точными и меткими, но с неизгладимым русским акцентом фразами.

Гала сопровождала мужа повсюду: в рестораны и кафе, в кино, в театр. Она была свидетельницей, как впервые на суд друзей выносили свои стихи «мушкетеры», декламировали любимого ими всеми Аполлинера, Лотреамона, Рэмбо, наслаждаясь неожиданными находками, меткими метафорами, звучными певучими рифмами. Гала была счастлива, как никогда, ощущая свою избранность, сопричастность к творцам. Сама она не писала ни стихов, ни прозы. Она знала за собой иные таланты — быть отражением; как для того, чтобы иметь представление, каков ты есть на самом деле, необходимо зеркало, так и каждый творец нуждается в слушателе. Несомненно, она обладала тонким вкусом и чувственностью, она была хорошо образованна и объективна. У нее на все было свое мнение, к которому стоило прислушаться. Поль всегда с готовностью откликнулся на ее помощь. Так почему, стоит ей только сказать свое «послушайте», Андре Бретон кривит свои мясистые губы и крутит своей львиноподобной головой, Филипп Супо раздражается нарочито громким смехом, а хрупкий и впечатлительный Луи Арагон бледнеет и сжимает челюсти до хруста? Может, Тристан Тцара — поэт нового поэтического течения с утверждающим названием «дада», по словам Поля, «гений во плоти», заметит ее? Поддержит, вознесет ее талант «отражений», воздаст должное ее принадлежности к Олимпу поэтов? Может, она станет Музой не только для Поля, но и для всех «дадаистов»? И тогда в их отношения с Полем вновь вернется доверие...

Отложив журнал, она скинула рубашку мужа и нырнула к нему в постель. Уткнувшись в его спину, глубоко втянула воздух,

провела рукой по его плечу. Это у нее стало наваждением, она то и дело искала приметы той жизни мужа, в которую он закрывал ей доступ. Едва ее палец нащупал еле заметную полоску царапины, как Поль тут же перевернулся на спину.

— Гала, какие у тебя испуганные глаза.

Его мягкая, успокаивающая улыбка, обнажившая его ровные, чуть пожелтевшие от табака зубы, заставила ее улыбнуться в ответ.

— Я тебя разбудила?

— Нет, нет. Я не спал. Я любовался тобой.

Она усмехнулась.

— Как ты мог меня видеть, когда лежал ко мне спиной?

— Представь, так бывает. *Если даже не одинок / Если кто-то подходит к окну / И окно это я / Если кто-то подходит / Эти другие глаза не видят меня...*

Она приподнялась на локте. Ему импонировало, когда она вот так, с таким неподдельным восторгом, смотрела на него.

— Скажи, кого ты любишь? — спросила она, не отрывая от него горящего взгляда.

— Я люблю тебя, — сказал он, обняв ее за талию, притянул к себе.

— И только? Только меня одну?

— О нет, конечно, нет, — продолжал он, глядя прямо перед собой. — И еще я люблю солнце на голубом небе, ломтики лимона с крупинками сахара, голубых птичек на картине, что висит у нас на стене, прозрачность стекла, позволяющего защититься от ветра и наслаждаться видом гнущихся под его порывами деревьев. И еще мне нравится, когда ты смеешься, когда твои руки, твои губы мне не разрешают спать. И еще когда ты говоришь, даже когда говорить нечего. И как ты молчишь, когда говорит поэт.

Она села на колени рядом с ним, поймала его взгляд.

— И ты возьмешь меня с собой к своим «мушкетерам», — сказала она настойчиво. — Я хочу познакомиться с Тцара. Помнишь, ты мне рассказывал, что Андре просто без ума от его новых идей, а Филипп, ты же знаешь, он не щедр на комплименты, Филипп тоже подпал под обаяние этого румына. Я тоже хочу с ним познакомиться. — Она увидела тень сомнения в его глазах. Ее обуял гнев. — Я скоро сойду с ума. — Она соскочила с кровати и, как была обнаженной, заметалась по комнате. — Невыносимо. Просто невыносимо. Каждый день одно и то же, одно и то же, одно и то же... Омлет, овсянка. Овсянка, омлет. Жанна-Мария ворчит, Сесиль капризничает, мсье Грендель скрипит зубами и смотрит на меня волком.

— Прекрати истерику, Гала. Дай хоть в выходной отдохнуть. Но Гала уже не могла остановиться.

— Ты хоть ходишь на работу, продаешь эти чертовы участки, а я? Сажу целыми днями, замурованная в четырех стенах. Ау-ау, и никого. Передвигаю мебель с одного угла в другой, вытираю пыль, перебираю корешки книг — и это все мои развлечения. Тебя нет дома, и я не знаю, жива я или нет. Жду тебя часами, мечтаю хоть парой слов перекинуться, а ты — юрк, и за порог, один, без меня, как будто нет у тебя жены.

— У меня есть жена. Это факт, — фыркнул он и, протянув руку к банкетке, что стояла рядом с кроватью, подхватил двумя пальцами ее кружевные панталончики и надел себе на голову. — Ну, как? Мне идет?

— Отдай.

Она сорвала с его головы свои панталончики и, сердито сопя, начала одеваться.

Поль снова лег на спину и закрыл глаза, это ее еще больше обидело.

— Ты все время меня избегаешь. Я чувствую себя обманутой. Я не хочу цепляться за тебя, виснуть на твоей шее. Если я тебе в тягость — так и скажи. Я не знаю, как тебя удержать, у меня есть только одно средство — любить тебя всегда... Но тебя это не прельщает. Ничего не поделаешь...

В ее голосе звучала усталость и примирение. Поль открыл глаза. Гала сидела рядом с кроватью на банкетке. На ней был пеньюар, который ему нравился: шелк струей лился с ее плеч, а темно-зеленый цвет придавал нечто трагическое ее бледному лицу.

— Скажи, тебе лучше без меня? Скажи? Может, у тебя кто-то есть? Кто она?

— У меня нет иной женщины, кроме тебя, — отвернувшись, чтобы не видеть ее скорбного лица, ответил он.

— Странно... И своей единственной женщине ты чуть ли не месяц отказываешь в близости?

Она сидела прямо перед ним, с широко расставленными, согнутыми в коленях голыми ногами, руки — сцеплены в замок, на лице — не укор, но грусть.

— Пойми, без новых ярких впечатлений наша любовь превратится в пепел, как догоревший костер, — продолжала говорить она еле слышно. — Поль, ты знаешь, только ты — вся моя жизнь. Я отринула всех родных, мне кажется, я забываю свой язык. У меня никого нет, кроме тебя.

— Тут нет моей вины. Ты сама выбрала такую судьбу, — слишком грубо оборвал он ее и уже мягче добавил: — К тому же у

тебя есть дочь.

— У нас! У нас с тобой есть наша дочь, — с нажимом произнесла она.

— И чем тебя не устраивает общество Сесиль? — игнорируя ее замечание, холодно произнес он.

— Сесиль — ребенок, я с ней тупею. — Она вновь заметалась по комнате. — Я хочу много чего знать. Я люблю величайшую роскошь. Но не роскошь в вещах, а в уме, чувствах. Я хочу быть с тобой, ведь ты такой умный, много чего знаешь. Не делай меня несчастной, ведь ты можешь сделать меня счастливейшей из женщин. — Она остановилась перед кроватью, где по-прежнему лежал Поль, села перед ним на корточки. — Ты познакомишь меня с Тцара? Ты сам рассказывал, какой он интересный, что у него много оригинальных идей. Не отлучай меня от вашего творческого кружка. Скажи «дада», — произнесла она, заглядывая ему в глаза. — Ну, скажи «да-да», что тебе стоит?

— Дада, — послушно повторил он, будто под воздействием ее гипнотического взгляда.

— Знаешь, что означает по-русски «да-да»?

— И что?

Она тут же оказалась рядом с ним на кровати. Он почувствовал, что настроение у нее изменилось. Она так и лучилась радостью.

— По-русски «да-да» означает двойное согласие.

— Ты меня перехитрила, — рассмеялся он. Немного подумав, он предложил: — Если ты не против, сегодня мы пойдем в театр.

— Ты мой самый лучший, — она звонко чмокнула его в щеку и, сунув ноги в мягкие тапочки, скрылась за ширмой.

— Ты не спросишь, какую пьесу дают?

— Ты наденешь пиджак или фрак? Думаю, лучше тебе надеть твой новый бежевый костюм. Я буду в темном, — не слушая его, оживленно говорила она. — Мне нравится сегодняшняя мода. Поль Пуаре — гений. Уорт выбросил эти ужасные кринолины, Пуаре — ненавистные корсеты. Согласись, гораздо пикантней легкий пояс вокруг бедер, красивый бюстгальтер в тон кожи, юбка, которая распахивается и дает возможность показать ногу в тонком чулочке. И скажи, ведь тебе тоже больше нравится маленький бюст в стиле «а ля Ботильи», чем вываливающиеся из корсета тучные груди?..

Поль потянулся за сигаретами. Гала выглянула из-за ширмы. Сердце ее сжималось от волнения, ей хотелось узнать, о чем он сейчас думает. Она была уверена в его порядочности, Поль не бросал слов на ветер. Но ей было мало, чтобы он просто воспринимал свои мужские обязанности как некий долг, как дань

своей супружеской клятве, произнесенной перед алтарем. Ей хотелось, чтобы он ее любил так же, как она его, и все свои поступки сверял только со своей к ней любовью. Свою собственную любовь она считала чем-то, что исключает всякое сомнение. В его любви она начала сомневаться.

* * *

Под ритуальные аплодисменты занавес опустился. Поль аплодировал без особого энтузиазма, только кистями рук, поглядывая на медленно зажигающуюся люстру под потолком. Занавес поднялся вновь, артисты вежливо поклонились публике, с их лиц не сходили такие же искусственные улыбки, каким было само действие спектакля. Холодно поглядывая на сцену, Поль думал о том, что старая театральная школа не нуждается в реанимации, если даже искрометного Оскара Уайльда эти жалкие фигляры смогли превратить в угрюмого моралиста. Гала, сидевшая рядом с ним, тоже сдержанно аплодировала, но ее глаза сверкали, как случалось в тех случаях, когда она наслаждалась жизнью.

— Пьеса хороша, но актеры вряд ли понимают слова, которые произносят. Или просто у примы сегодня болит живот, — ответила она на его вопросительный взгляд.

Поль прыснул. Умница Гала умеет поднять ему настроение.

В фойе, подавая ей пальто, он заметил молодого человека с сигаретой во рту, который, сжав в кулаке зажигалку, не сводил глаз с его жены. Поль подмигнул ему и растянул губы в улыбке удовлетворенного превосходства. Гала нравилась не только ему, и, может, оттого ее любовь, которая была направлена исключительно на него, представлялась ему особенно цепной. Ему казалось, что только он достоин такой большой любви, и чувствовал себя обязанным отблагодарить ее. Что ж... можно и побаловать такую замечательную женушку.

— Заглянем в «Café des Deux-Magots»? — предложил он, когда они вышли на улицу. Он знал, что она ответит согласием, но все же счел своим долгом сделать жест в ее сторону, якобы, он готов ее уговаривать. — Пойдем, не пожалеешь. «Café des Deux-Magots» считается своего рода воротами в рай литературы. Когда-то сюда заходили Рембо, Верлен, Малларме. Говорят, и Оскар Уайльд там завтракал.

— Ты знаком с автором пьесы, что сейчас нам давали?

— Конечно, дорогая. Его «Дориан Грей» — гениальная книга. В остроумии Оскар может поспорить с Шекспиром и нашим

Мольером. Полагаю, ради него мэтры потеснятся на Олимпе.

— Ты представишь меня знаменитому англичанину? Он же англичанин, я не ошибаюсь?

— Представить?.. — Поль хмыкнул. — О нет, дорогая, только не сегодня. Надеюсь, гораздо, гораздо позже.

— Его нет в Париже?

— Отчего ж?.. Сначала ему предоставили место в Баньо, но там ему не понравилось, пришлось перевезти его в Пер-Лашез.

Гала сверкнула на него глазами.

— Поль, мне известно, что такое Пер-Лашез. Именно на этом кладбище находятся могилы Лафонтена и Оноре де Бальзака, — сказала Гала и покачала головой. Ее злило, когда Поль указывал ей на ее неосведомленность. — Ну и что, если я не читала Оскара Уайльда? Разве это грех? Грех не в незнании, а в нежелании узнать. Впереди у меня, я надеюсь, длинная жизнь. Много чего интересного я еще смогу найти для себя. Может, я живу с ощущением предвкушения открытий и тем счастлива? — И уже мягче добавила: — Я рада, что моим проводником в интеллектуальный мир является столь умный и образованный, а самое главное, добрый человек.

— Ты это обо мне?

— Естественно, о тебе. О ком еще?

В ее глазах он увидел такое обожание, что не мог скрыть самодовольную улыбку.

Они шли по улице мимо многокрасочных афиш театров, ярко освещенных витрин магазинов, синема с мигающими на фасаде лампочками. Только что закончился сеанс, и зрители выходили из зала в прекрасном расположении духа, так что в прохладном, без единого дуновения ветерка, воздухе разливалась праздничная атмосфера.

Они свернули в переулок, Гала заметила вывеску «Café des Deux-Magots». Швейцар вежливо распахнул перед ними дверь. Отказавшись жестом от услуг метрдотеля, Поль провел ее к столикам в глубине зала, где расположилась компания молодых мужчин. Гала внутренне ликовала — вот оно, доказательство его любви. Любя ее, он готов выполнять ее просьбы, ведь для нее нет большего удовольствия, чем участвовать в собрании его друзей-«мушкетеров».

— Мы уже распили три бутылки бордо. Поль, дружище, ты опоздал. — Андре Бретон махнул в приветствии рукой, его глаза сверкали ярким блеском, то ли от возбуждения, то ли от выпитого вина. Самый старший из «мушкетеров», он выделялся среди остальных не только своей буйной шевелюрой, крупными чертами лица, но и особой уверенностью, что прослеживалась во

всем: дорогой одежде, сдержанных жестах, громком голосе. Когда он заметил Гала, он тряхнул своей буйной медной шевелюрой, что, вероятно, означало у него знак внимания.

— Поль, привет! Ты сегодня с женой? — Филипп Супо был одет в мягкую бархатную, цвета влажного песка, куртку. Родом из зажиточной буржуазной семьи, он закончил один из самых престижных столичных лицеев и продолжал обучение на юридическом факультете университета. Эрудированный, с прекрасным чувством юмора, он нравился Гала своими изысканными манерами и особой уверенностью, которую обеспечивает материальный достаток. — О, мадам, вы сегодня, как всегда, элегантны. — Он приподнялся со своего места и, подхватив кисть ее руки, поднес к губам.

В лице Гала не дрогнула ни одна черта. Она отвела взгляд, страхась увидеть в его угольно-черных глазах чувственный призыв. Ей казалось, что из всей троицы «мушкетеров» самый большой интерес к ней испытывает именно этот худой как жердь автор поэтического сборника «Аквариум».

Луи Арагон, который, как предполагала Гала, из-за застенчивости сторонился ее, повернулся к ней своей узкой сутулой спиной, таким образом отсекая от нее мужчину с длинной челкой, перечеркивающей невысокий лоб.

Поль усадил Гала и пристроился рядом. Гала взяла протянутый ей наполовину наполненный бокал и внимательно оглядела зал.

— Ты счастлива? — шепнул он.

— Отчего ты так решил?

— Несомненно, ты самая элегантная женщина в пределах этих стен, и ты должна быть довольна. Теперь все мужчины волей-неволей будут глазеть только на тебя.

— Что ж, я не буду возражать. — Гала улыбнулась.

Подошел официант, Поль сделал заказ и тут же включился в общий разговор за столом. Гала прислушивалась к разговору друзей и ощущала особый подъем. Декорированный в китайском стиле зал, легкое вино, кружащее голову, особая атмосфера возвышенности — совокупность всех этих благ давала ей ощущение счастья, граничащее с эйфорией. С первого же момента, как она оказалась в присутствии нескольких мужчин, которые принадлежали к творческой элите, в ее душе не утихала мелодия, мысленно она все кружила и кружила, повторяя: «Избрана. Особенная. Неповторимая...». Присутствуя при рождении новых идей, чувствуя, что именно в этой атмосфере парижского кафе создается нечто донине неизвестное, она познавала моменты необыкновенного, почти сверхъестественного

счастья. В каком-то ослепительном, концентрированном озарении она узнавала, что жизнь великолепна, что ее существование полностью и безоговорочно оправдано простым фактом присутствия рядом с этой роскошью мыслей, чувств, творческих исканий. Она — МУЗА среди ПОЭТОВ. Ее чувствительность, ее красота, ее элегантность сродни их талантам.

Андре Бретон вел разговор. Какие красноречивые, острые фразы слетали с его полных, ярких губ, какую глубину выражал взгляд его серых глаз, казавшийся загадочнее из-за падающих на лицо волос, оставлявших глаза в тени, отчего они выглядели далекими и тревожными! Его манера говорить, то повышая, то понижая голос, завораживала.

— К сновидению можно относиться только как к окну, и первая наша забота — узнать, куда оно выходит. Запредельное — не что иное, как сверхреальность, выраженная с помощью чуда. Прикоснуться к этому чуду дано не каждому. Только избранные знают туда вход. Хотя поэзия, согласно формуле Лотреамона, должна создаваться всеми. Подлинность художника, который отвергает всяческую карьеру и не думает об успехе, является основанием для подлинной этики творчества и открывает путь разного рода откровениям. Чудо равно слиянию воображаемого и реального в высшей поэзии. Сверхреальность есть некое состояние духа, где жизнь и смерть, реальное и воображаемое, прошлое и будущее, соединимое и несоединимое, высота и бездна перестают восприниматься как абсолютные противоположности. — Он на секунду прервался, и Гала почувствовала на себе его горячий взгляд. Ей казалось, что ее присутствие в их компании дает некий особый чувственный заряд всему разговору, будоражит мужчин, заставляет говорить с особым вдохновением, — Вам понятно, о чем это я, мадам? Что бы вы сказали, если бы вам разрешили осуществить все те смутные мечтания, видения снов, все те слишком смелые ваши фантазии, в которых вы не хотите признаться даже самой себе? Так вот, она бы сказала... — И тут же, без паузы, не дождавшись ее ответа, стал говорить дальше: — Мы сведем искусство к его простейшему выражению — любви...

Он продолжал говорить, зная, что все взоры прикованы к нему, им восхищаются, даже когда не соглашаются.

— Поль? У тебя есть что-то новое для нас? Эй, неужто тебе нечего сказать о любви? Или твое супружество выхолостило всю твою поэзию?

— Отнюдь... Вы хотите знать, что есть любовь? Так слушайте, жалкие холостяки...

Поль встал во весь рост, его чистый лоб был покрыт мелкими

бисеринками пота, глаза застил ауман:

Любовь
Легко, осторожно он ложится на тротуар —
Тротуар срывается с места на огромнейшей
скорости.
Он садится на землю —
Взлетает земля.
Отдохнуть он надеется только на макушках
своих детей,
Он их ждет терпеливо.

И без паузы:

Возлюбленная
Встала она на веках моих,
Косы с моими смешав волосами,
Форму рук моих приняла,
Цвет моих глаз вобрала
И растворилась в моей тени,
Как брошенный в небо камень.

Всегда у нее открыты глаза,
Они не дают мне спать.
Грезит она среди белого дня,
Она заставляет меня смеяться,
Смеяться, и плакать, и говорить,
Хоть нечего мне сказать.

Поль сел на место и, откинувшись на спинку стула, молча стал потягивать вино. На некоторое время воцарилось молчание.

— Может, стихи и неплохи, только все равно слишком много смыслов.

Мужчина, сидевший рядом с Луи Арагоном, встал. Он был невысокого роста, и несмотря на то что был очень худ, одежда была ему явно тесновата, будто одолженная у подростка.

— Кто это? — дотронувшись до локтя Поля, поинтересовалась Гала.

— Тцара. Тристан. Ты же хотела увидеть его, — ответил он.

Гала благодарно сжала руку мужа. Тристан, будто угадав, что все ее внимание приковано к нему, повысил голос.

— Любовь. Слишком много стройных фраз, упорядоченных рифм и много чего ненужного, искусственно организованного. И

все для того, чтобы выразить некие чувства, очень и очень различные, но коим дано одно название — любовь. Но разве нужен какой-то порядок там, где властвует спонтанность чувств? Разве в эротическом влечении есть смысл? Видишь, ощущаешь, атакуешь. И нее. Не более. Наша поэзия — звуки, шум, спонтанность. Можно разорвать газету, обрывки смешать, а затем, вытаскивая по одному, создать новое произведение, и оно будет — истина, а не та ложь, что придумывают ангажированные политиками продажные твари, чтобы загнать нас в окопы. Задачу нашего творчества я вижу в одном — мы должны разрушить все лицемерные рамки буржуазной жизни, той морали, сообразуясь с которой, нас заставляли убивать друг друга. Что для них наш дух? Атавизм. Что для нас их мораль — смердящие отбросы. Что есть для буржуа их пресловутая любовь? Какую они выдвигают формулу? Мужчина и женщина. Женщина и мужчина. Два слагаемых. А почему именно так, а не иначе? Почему, допустим, не одна страстная, полная соков женщина и двое, трое мужчин, в конце концов, пятеро, как сейчас у нас тут, жаждущих женского тела мужчин. Вот у мадам, что сидит чинно-мирно на другом конце стола, вполне буржуазный вид. А кто сможет заглянуть в ее милую головку, когда она спит, и сможет подсмотреть ее видения? О, думаю, много чего интересного можно понаблюдать! Ведь именно в своих снах она по-настоящему свободна. Она отдается, она раскрывает себя, она готова ко всему, подчас не зная, кто ею владеет. Бог? Дьявол? И вряд ли ее муж...

Его слова приводили в возбуждение, вызывали возражения — и тогда Тцара был сама сдержанность. Он слушал молча, пряча лицо в тени, но будто набравшись сил в молчании, вновь представал перед взорами собравшихся яростным и невозмутимым, милым и нежным, спокойным и неистовым. Он бросал слова, будто хворост в огонь, разжигая мысли, вызывая тревогу.

— Что хочет сказать нам, к примеру, природа? Ровным счетом ничего. Дада тоже не хочет сказать ничего. Зоологический сад без посетителей. Логичная гардения. Игрок, который всегда проигрывает. Игрок, который не проигрывает никогда. Искусство превратили в религию, и оно сдохло вместе со всем остальным. Время гениев прошло. Сейчас нам нужны вандалы и осквернители, простодушные разрушители, которые разрушат века барочных изысков. Разрушить храм, чтобы наконец можно было заявить, как важно быть артистом. Дада! Дада! Дада. Разбить, разметать, расчлениить. Скандал очищает воздух.

Распаленный собственной речью, он схватил бокал с намерением бросить его об пол, но Луи, перехватывая его руку,

останавливает его.

— Надо выпить, и в путь, — успокаивающе сказал он. — Вперед к мягким диванам и продажным женщинам. Время ночи станет творчеством. Тристан, я покажу тебе нечто, что тебе понравится. Ну что, Андре, Филипп, Поль — в путь? Мммм... мягкий шелк ляжек и бархат промежности...

Он подмигнул собравшимся, но когда заметил на своем лице гневный взгляд Гала, немного смутился.

— Прошу прощения, мадам. Думаю, ваша память хранит много, о чем мне только предстоит узнать. Молодые люди мечтают, старушки вспоминают.

Гала сделала вид, что не заметила колкости. Она сознавала, что ей хотят отвести место в прошлом, хотят дистанцироваться от псе и в то же время проверяют, сторонница она их идей или чужеродна? Будет ли отстаивать бастионы буржуазной морали? Нет, она не удостоит его ответом, тем более не станет затевать ссоры. Старушка? Это не о ней.

— Приятно было провести время, — сказала она с улыбкой, обращая свой взор к Тристану. — Было очень интересно. Приглашайте, я с удовольствием поучаствую в ваших экспериментах. А сейчас нам пора. Пусть малыши помечтают, взрослые же займутся делом.

Она встала, продолжая смотреть решительно, ничуть не смущаясь, в то время как ее рука как будто жила сама по себе: от маленькой упругой груди она скользнула к талии, по бедру, к сильным стройным ногам, подчеркивая изящную линию всего ее гибкого тела. В тот момент Гала казалась настоящей красавицей. Она держалась, как всегда, прямо, с большим достоинством, и все сидящие за столом мужчины не могли не отметить ее непринужденную грацию и естественную спокойную чувственность, которая столь же редка и загадочна, как черный жемчуг, и поэтому кажется еще более таинственной и непостижимой.

Нечесаная, в платье-тунике, едва закрывающем колени, Гала села в кресло перед распахнутым настежь окном. В зеленом островке деревьев, отделявшем дома друг от друга, густо пахло летом — то был не обычный для городского квартала запах пыли и нагретых солнцем камней, а насыщенный теплый аромат тронутой первыми признаками увядания листвы и цветущих трав. Так же пахло лето ее казанского детства. Она оглянулась на Сесиль, которая увлеченно играла с куклой. Что сохранит ее память об этих беззаботных днях?

— Хочешь погулять? — спросила она дочь и, поднявшись с места, встала перед зеркалом. Проведя рукой по волосам, Гала прикоснулась к нежной коже висков. Она еще молода — никаких примет увядания. От переполнявшего все тело желания ее глаза сияли, губы были яркими и чуть припухли, как от безудержных поцелуев.

Она отвернулась от собственного отражения с сожалением, будто ее обманули.

Поль не ночевал дома. Первый раз в их супружеской жизни. Он вряд ли позволил себе изменить ей так открыто, но то, что он все чаще оставлял ее дома одну, не позволяя участвовать в поэтическом кружке, ее обижало. Тем более что «мушкетеры» вполне лояльно относились к любовнице Андре Бретона Жоржине Дюбрей. То, что она была несомненной красавицей — ничуть Гала не волновало. Она считала Жоржину нарочито броской, слишком похожей на кокетку, чтобы принимать ее во внимание. И, тем не менее, Жоржина пользовалась благосклонностью даже Луи Арагона, который всегда возмущался присутствием женщин на собраниях. Позднее Жоржина показала себя во всей красе, устроив демонстративную сцену ревности своему любовнику: она разорвала в мелкие клочки фотографии и письма, книги с дарственными надписями Аполлинера, исполосовала ножом картины Дерена, Мари Лорансен и Модильяни — начало коллекции Андре. Она уничтожила все вещи, которые он так ценил. Что может быть вульгарней? Гала никогда бы так не поступила.

Новая возлюбленная лидера кружка совсем иная, и ей Гала немного завидовала. Получив прекрасное образование в Перу, Симона Кан, в отличие от нее, закончила курс в Сорбонне. Родом из богатой семьи, она была свободна в своих мыслях и поступках. Гала разделяла взгляды своего мужа, поддерживала его творческие поиски, Симона же была настолько независима, что

открыто объявила влюбленному в нее Андре: «Я не дадаистка». Гала обладала необыкновенной интуицией. Симона руководствовалась точными знаниями, свои поступки соотносила со своим рацио. Симона была центром притяжения, у нее было много друзей как среди мужчин, так и среди женщин. Именно Симона имела смелость, граничащую с наглостью, ввести в избранный круг поэтов свою кузину Дениз Леви. При воспоминании об этой утонченной блондинке с правильными, как на полотнах Боттичелли, чертами у Гала похолодели ладони. С каким удовольствием она бы отхлестала по персиковым щекам эту коварную оболстительницу, симпатию к которой нисколько не скрывал Поль. Как он смел при ней, при своей жене, целовать этой лжемадонне руки: пальчик за пальчиком, к локтю, все выше — к плечу. Когда же та кокетливо отстранилась, Поль во всеуслышание объявил: «Я хотел бы иметь право любить Дениз». И если бы Гала фразой: «Подайте-ка мне салфетку» — не напомнила ему о своем присутствии, он мог бы пойти и дальше. Но, глянув на побледневшее лицо жены, он вежливо закончил: «Я хотел бы любить Дениз, быть, например, ее кузеном, чтобы мне позволили целовать ее в обе щеки».

И все же что-то подсказывало Гала, что причина пренебрежения Поля к ней не в Дениз. А может, и в Дениз, в Симоне, в Жоржине и во множестве других женщин. Любая — только не она, только не его жена, которая так откровенно, так настойчиво, так самозабвенно любит его. Поль — единственный, кто владеет ее сердцем, ее душой, всей ею. Но ничто не развращает более, чем деспотизм единовластия. Может, отдав себя в полное владение, она совершила роковую ошибку? Если ей некуда отступать, если она сожгла за собой все мосты, Поль будет наслаждаться ее беспомощностью, диктовать свои условия брака? Неужто ее такой изысканный, такой умный, порой кажущийся беззащитным муж, как и многие миллионы мужчин, тоже примеривает на себя венец самодержца, тирана, деспота? И разве станет тиран считаться со своими жертвами?.. Она — жертва? Ну, уж нет! Если Поль хочет унижить ее своим пренебрежением, если он ищет удовольствия вне ее объятий, отстраняется от нее, у нее достанет сил найти ему замену. Но что тогда станет с их браком?..

Гала перевела взгляд на дочь. Поставив куклу на голову, Сесиль пыталась натянуть на нее штанишки. Дочка выглядела такой милой и такой сосредоточенной. В сдвинутых бровях и упрямо сжатых губах угадывалось ее сходство с отцом.

— Сесиль, пойдем погуляем? — повторила Гала, присела перед дочерью на корточки и принялась одевать куклу. — Если

хочешь, возьмем Мими с собой. Наденем на нее штанишки, платье, туфельки... Вот правая туфелька, а где же левая? Где вторая туфелька? Ну зачем ты все время раздеваешь куклу! — раздраженно воскликнула она и, отложив куклу, встала на четвереньки и начала шарить руками по полу.

— Нету. Нету туфельки. Она потерялась.

Сесиль стояла рядом с ней. Она держала свою Мими за босую ногу, и похожие на паклю кукольные волосы касались пола.

— Как так потерялась? Само собой ничего не случается, — заметила Гала, продолжая искать потерю иод столом.

— Теряется, — упрямо сказала Сесиль. — У бабушки теряются очки. У папы потерялся карандаш. И носочек... Мам, помнишь, я носочек папин нашла? Носочек потерялся, а я нашла под кроватью. Я думала, это шапочка для Мими, а папа смеялся. Мам, где папа? Мы вместе с папой пойдем гулять? Давайте снова пойдем в зоопарк. Мне очень хочется покататься на лошадке.

Гала поднялась с колен, отряхнула подол и, подняв глаза, заметила, с какой неуверенной улыбкой и настороженным выражением в глазах наблюдала за ней Сесиль.

— Мам, тебе понравился зоопарк? Мне понравился. Папа кормил лошадку травкой. А я боялась. У лошадки большие зубы, очень большие. А папа не боялся. Папа любит лошадку. Мама, где наш папа? Папа нас любит?

Личико Сесиль, напряженное, настороженное, было словно укором ей, которая не смогла удержать Поля дома, заставить полюбить семейную жизнь. Вынести вопрошающий и в то же время доверчивый взгляд дочери Гала уже не смогла. Рыдания подступили к ее горлу, как рвота. Она бросилась на постель. Бросив куклу на пол, Сесиль пристроилась рядом и, размазывая по щекам слезы, начала громко вторить матери.

— Чего ты-то плачешь, дурочка? — приподняв голову, сказала Гала и невольно улыбнулась.

— Туфелька-а-а... Мими-и-и, — трясущимися губами произнесла она.

— Глупышка. — Гала села на постели и, вынув из кармашка фартучка Сесиль носовой платок, вытерла ей лицо, затем сама высморкалась. — Ну и развели мы тут с тобой болото.

— Что такое болото? — Еще влажные глаза дочери загорелись любопытством.

— Болото? Там мокро и живут... Отгадай, кто так говорит: ква-ква.

— Лягушки, — тут же подхватила игру Сесиль. Она обладала завидным качеством — быстро забывала об обидах и огорчениях и всегда готова была улыбнуться. Сесиль соскочила с кровати,

растопырила пальцы на руках и, согнув в коленях ноги, запрыгала по комнате. — Ква-ква, ква-ква, ква-ква. Я лягушка, я лягушка.

— Эй, поди-ка сюда, лягушка-квакушка. — Свесившись с кровати, Гала пощекотала ее под мышками. Сесиль рассмеялась. — Лягушки не смеются, — заметила она ей.

— Смеются, смеются. Лягушки тоже смеются и вскачь убегают домой.

— А дом у них на болоте.

— Ха-ха! Болото — лягушачий дом. Давай дальше! — захлопала в ладоши Сесиль. — Мы тоже, как папа, стихи сочиним, да?

— А птички? — подала она ей реплику, поднялась с постели и распахнула шифоньер.

С тех пор как Поль начал работать в фирме своего отца, у них стало больше денег для обновления ее гардероба, но все же не настолько, чтобы заказывать платья от модных кутюрье. Но она ни единым словом не упрекнула его в этом. Ей доставляло особое удовольствие бродить по магазинам и лавкам, а потом переделывать по своему вкусу готовые платья, чтобы они выглядели на ней с особым шиком. Поль всегда отмечал своим вниманием элегантно одетых женщин. Даже если то были простые прохожие или подруги его друзей. Блондинка Дениз предпочитала одежду в пастельных тонах — белые блузки, костюм с пелериной из твида цвета слоновой кости, желтый, с салатово-бирюзовыми разводами шарфик, — Дениз казалась ей слишком блеклой, до прозрачности безликой, чтобы привлекать внимание мужчин. Но Гала должна была признать, что Дениз выглядела такой незащищенной, такой хрупкой, что, вызывая в ней раздражение, в мужчинах будила иные чувства: желание оградить, поддержать. Или с легкостью сломать эту ломкую до хруста куклоподобную женщину? Неужели мужчина, как и любой самец в природе, стремится завладеть все новой и новой добычей? Из смятенных глубин ее души снова поднялось подозрение, что все мужчины, в том числе и ее муж, участвуют в некой игре; игре, именуемой жизнью, из которой она исключена. Ночью, лежа без сна одна в холодной постели, она прикидывала разные возможности: сбежать домой в Россию, пойти на работу, завести любовника, покончить с собой, — словом, так или иначе доказать, что она — не отражение, не тень и не простое приложение к мужу, что она значима сама по себе.

Гала перебирала вешалки с висящими на них платьями, блузками, юбками, ощущая руками гладь и мягкость материй, а ее мысли метались, кружились, не давали покоя.

Ей надо найти свое место в этой жизни. Поль правильно

сказал, что она должна придумать занятие для себя, столь же важное, занимающее все ее мысли, каким для него была поэзия. Пусть Поль продолжает играть в свои игры, занимаясь «дадаистскими» экспериментами. Если ему так хочется — пусть ищет удовлетворения в чужих постелях, пусть любит кого угодно и где угодно. И пусть убедится, что никого лучше, чем она, ему все равно никогда не найти. Разве кто-то из женщин способен вот так, как она, полностью слиться с любимым, чтоб ни на волосок расстояния, быть переплетенными и душой, и телом, и мечтами, и фантазиями? Разве кто-то из самых прекрасных женщин сможет составить ей конкуренцию в любовной игре — нежной или бурной и страстной, в какой Поль в тот или иной момент нуждался. Только она без лишних слов умеет предугадывать все его желания.

А если она слишком самонадеянна и ошибается? Если Поль пережил, испытал такую же страсть, но только не с ней? Если сумел доставить наслаждение не ей, истекающей соками желания, а другой женщине? Что ж... Она должна решиться...

Теплый ветер дохнул через открытое окно, и у нее на глаза навернулись слезы.

— Мам, мам, птички поют: «фью-фью» или «чик-рик»? — напомнила о себе Сесиль.

— Как тебе нравится, — ответила Гала и сияла с вешала платье цвета морской волны с белым кружевным воротничком.

Она слишком молода и красива, чтобы ею пренебрегал собственный муж. Она нуждается в любви, и она найдет ее, если не в объятиях собственного обожаемого супруга, то...

— Мама, мама, — дергала ее за подол Сесиль. — Посмотри на меня, я — птичка. Чирик-кик-кик. Птички тоже смеются и улетають домой.

— Птичка, да-да, конечно, птичка, — машинально отвечала Гала, поправляя подол своего платья.

— Мам, ты красивая. Мы идем в зоопарк?

— Обязательно пойдем. Обя-за-тельно. А сейчас мы спустимся к бабушке.

— Не хочу к бабушке. Хочу в зоопарк.

Сесиль топнула ногой. Мягкая тапочка не дала нужного ей эффекта, тогда она вдохнула побольше воздуха, скривила губы и готова была уже разрыдаться, как Гала вдруг рассмеялась.

— Ты похожа на резиновую куклу. Мордочку сплющили, получилась Сесиль. Не криви губы, ты же красивая девочка. А красивые девочки все умницы.

Это была ее теория: если часто повторять любой, даже самой маленькой девочке, что она красавица, она и станет красивой.

Родители всегда считали ее хорошенькой и гордились ее яркими с экзотическим разрезом глазами с загнутыми до бровей ресницами и густыми с золотистой искрой волосами. И сейчас, став взрослой, она не сомневалась в своей неотразимости. Или все же она уже не уверена?

Гала взяла дочь за руку.

— Сейчас умоемся, найдем красивую ленточку, завяжем бантики и пойдем...

— В зоопарк! — Детская ладошка выскользнула из ее рук, и Сесиль бегом пустилась по лестнице вниз.

* * *

Мужчины. Они ходят по улицам, в шляпах и простоволосые, с тростью и без. Они улыбаются и хмурят брови, курят трубки и сигареты, едят в кафе и ресторанах. Они обнимают и целуют своих женщин, подают им руку, склоняют головы. Но за улыбками и поцелуями, за видимостью почитания и уважения скрывается одно — желание обладать. Мужчины считаются с женщинами, только когда видят в них предмет своего вожделения. Пока есть хоть малая вероятность заполучить в свою полную власть тело, женщина представляет для них хоть какой-то интерес. Мужчина видит в женщине мерило своей ценности, своего успеха. Крепкие груди, чистая ровная кожа, стройные ноги, густые здоровые волосы — и если твоя женщина, а, следовательно, и ты сам, всем этим владеешь — ты доволен, горд своей добычей, ищешь во взглядах других мужчин-соперников искорку зависти.

Гала тайком наблюдала за мужчинами. Обычно она высматривала их, пока гуляла одна или с дочерью, скучала на лавочке перед детской площадкой или бродила по магазинам. Иногда взгляд ее выхватывал интересные экземпляры, и тогда она не препятствовала, если мужчина вступал с ней в разговор. За непродолжительное время разговора она стремилась как можно больше узнать о незнакомце: насколько он интересный собеседник, обладает ли оригинальным мышлением, и самое главное — чем она сама оказалась привлекательна для него. Каждый раз Гала убеждалась, каждый из них хотел видеть подтверждение своей значимости в ее глазах. Каким бы ни был мужчина: лысым или с густой шевелюрой, старым или молодым, глупым или не очень — каждый ценил ее интерес к нему, ее расположение, ее внимание, ее комплименты. Все, что позволяло возвыситься в своих собственных глазах. Тот факт, что молодая,

обаятельная, со вкусом одетая и обладающая хорошими манерами женщина отметила его в тесной толпе среди многих других, даровало особую привилегию избранного. Мужчины интересовались лишь своими выгодами из создавшегося положения. Они готовы были брать, по им нечего было дать ей. Увы, мало кто мог завладеть ее вниманием надолго, и никто не мог вытеснить образ любимого — все более любимого — Поля.

Но Гала не сдавалась. Она должна была найти ему замену, хотя бы слабую копию, легкую тень, но, несомненно, не шарж и не карикатуру. Ее новый мужчина должен быть хоть в чем-то ровней ее Полю, чтобы она могла к нему питать если не любовь, то хотя бы теплые чувства, испытывать влечение. Ей казалось, что, если хотя бы часть ее души сможет освободиться от ставшей для нее мучительной страсти, она не будет столь ранимой, она сможет без боли следить, как вниманием мужа завладевают другие женщины. Если кто-то, помимо Поля, но хотя бы немного значимый для нее, будет восхищаться ею, она сможет примириться с долгими отлучками мужа, с его увлечениями, его случайными связями. Если Поль будет искать удовольствия в иных постелях, нежели супружеская, то и она должна попытаться найти — она уверена, только на время — ему замену. Страдать, мучиться, рыдать от отчаяния, ну уж нет, это не в ее характере. Умирать без любви, как умерла мать Аси и Марины Цветаевой?.. Нет, она жаждет жизни, она рождена для удовольствий. Она — Гала, женщина-праздник. А иначе для чего Господь даровал ей столь тонкую душу и чувствительное тело? Она будет продолжать свои поиски, пока не найдет исцеления.

Порой в азарте охоты Гала садилась в вагон трамвая и если находила достойный объект для наблюдения, то вслед за ним не раздумывая сходила в неизвестном для нес месте. В результате, бывало, она не сразу находила обратную дорогу домой, опаздывала к обеду или даже к ужину и с чувством превосходства наблюдала признаки неудовольствия на лице Поля.

Гала старалась не смотреть на мужчин слишком пристально — ей не хотелось, чтобы ее принимали за кокетку. И все же иных ее пристальный, слишком внимательный взгляд явно смущал. Один мужчина даже пустился бежать, когда она просто попросила проводить ее до поворота. Другой, затравленно глядя ей в глаза, пролепетал: «Нет, нет, не могу. Со всем к вам уважением. В другой раз. Обязательно. Простите. Простите». Гала только рассмеялась, глядя в его побледневшее растерянное лицо. Третий, почуяв интерес к нему, моментально схватил за руку стоящую рядом с ним дородную тетку и сделал такое движение, будто хотел спрятаться за ее подолом. Этих мужчин, думала Гала,

приводит в ужас малейшее тяготение к особе противоположного пола, для них признаться в собственной сексуальности — все равно что совершить преступление против морали. Их стоит только пожалеть, как убогих, от рождения лишенных обоняния или слуха.

Гала все больше входила в азарт. Она хотела доказать всем, и больше всего самой себе, что женщина имеет такие же права на свободу выражения собственных эмоций, как и мужчина. Допустим, почему бы самой не подойти к тому высокому худощавому мужчине в серой шляпе, который, явно скучая, рассматривал афишную тумбу. Интересно, что он ей скажет, если она предложит ему посидеть с ней в кафе и перекинуться парочкой фраз?

Гала почти вплотную приблизилась к мужчине и тронула его за плечо.

— Извините, пожалуйста. Это может показаться странным, но я хотела бы поговорить с вами. Вы не против, если мы посидим где-нибудь в тени?

Возникла пауза. Мужчина обернулся и в удивлении приподнял шляпу.

— Что? Простите, мы с вами знакомы?

— Елена, — назвалась Гала и протянула к нему руку.

Его короткое рукопожатие она восприняла как сигнал для продолжения.

— Меня зовут Элен. Я журналистка, — отчего-то сказала она и тут же обрадовалась придуманному ей предлогу завести разговор. — Мне бы хотелось узнать ваше мнение о красоте. Что вы считаете красивым, что нет? Что для вас важнее — чистота помыслов или красота тела? Очень хотелось бы услышать мнение столь привлекательного мужчины, — говорила она, наблюдая, как вовремя сказанный комплимент растопил лед настороженности в его глазах. — Называться своим собственным именем не обязательно, вполне достаточно рода деятельности и возраста. Я не сумасшедшая. Просто я пишу для одного женского журнала, что, как вам, возможно, кажется, уже граничит с сумасшествием.

Она призывно улыбнулась. Мужчина смотрел на нее с некоторым недоумением. Чего, в сущности, домогается эта женщина? Чтобы он уделил ей малую толику своего времени, которое ему совершенно некуда девать? Разве он против? Он развеет свою скуку, а она получит доступ к чему-то такому, чем обладает только он. Его предпочли остальным, это ясно, ему дали понять, что он неповторим. Никто лучше Гала не знает, как соблазнительны подобные мысли.

Гала была равнодушна к красивым, но заурядным лицам. Ей

не был интересен мужчина, даже если он обладал безукоризненно-правильными чертами лица, сказочно-белыми зубами и атлетически сложенным телом. Ей не важно было — блондин он или брюнет, прячет ли глаза за стеклами очков или обладает зоркостью ястреба. Гала было интересно иное — то, что скрывается за внешностью. Прежде всего она ценила интеллект, душевную мудрость, такт. По внешнему виду мужчины, что стоял напротив нее, можно было заподозрить, будто в его жизни случилось что-то особенное. Скорее всего, ему лет сорок или больше, и его уже слегка пообломало, обтрепало и хорошенько побило перипетиями судьбы, точно открытое всем ветрам дерево. Небольшой подбородок, зато слишком крупный нос, глаза разного цвета: правый — серо-зеленый, левый — зелено-карий. Асимметрия лица и в то же время уравнивающая ее внутренняя сила заставили Гала взволноваться. Мужчину, наделенного такими чертами, вряд ли можно заподозрить в банальной самовлюбленности. И, судя по тому, с каким достоинством он держался, он ценил в себе иные достоинства, нежели простая красавица.

— Что ж, я с большим удовольствием проведу время со столь очаровательной женщиной, — ответил он и представился: — Бертран.

Гала сидела напротив Бертрана в маленьком ресторанчике и, лениво помешивая ложечкой подтаявшее мороженое, слушала. Он казался ей сгустком мысли, кладезем мудрости и жизненного опыта.

Рассуждая о красоте, Бертран плавно перешел к теме противостояния полов, стал говорить о невозможности понимания между мужчинами и женщинами, о стремлении к достижению гармонии, взаимопроникновению в любовном акте и в то же время скоротечности самой бурной страсти. В своих речах он представал перед ней наблюдателем и фаталистом, изысканным и чутким, спокойным и неистовым. Он бросал на нее заинтересованные взгляды и, обращаясь к ней, улыбался самой восхитительной, самой обольстительной улыбкой.

— Любовь является наглядным опровержением всех утопий о возможности достижения гармонии. Любовь способна вознести к вершинам блаженства и низринуть в бездну страдания. Это чувство — столь же божественное, сколь и сатанинское, и никоим образом не подчиняется понятиям достоинства или справедливости. Кто скажет, кто достоин любви, а кто нет? Где те грузила, те весы, отмеривающие, кому сколько достанется? Любовь как благодать нисходит, но никак не раздается по

заслугам, не продается и, увы, не покупается. Достоин ли я, допустим, вашей любви?..

Гала подняла на него глаза, но тут же спрятала свой взгляд под тенью ресниц. Бертран продолжал говорить.

— Кто определит мои достоинства, за которые я буду награжден неожиданной нежностью, горячим вниманием, энергией, что будет питать все мое существо, когда до меня дотрагивается один-единственный пальчик красивой молодой женщины. И в то же время, как только я понимаю, что я завладел этим пальчиком, и всей рукой, и, в конце концов, всем этим столь вожаделенным мною телом, во мне просыпаются дотоле неизведанные мне темные силы. Мне мало нежности, я хочу страсти. Мне мало просто иметь, я хочу быть уверенным, что являюсь единовластным владельцем этого роскошного тела.

— А как же душа? Этот компонент женской сущности вас не интересует? — заметила она с иронией.

Он удовлетворенно улыбнулся, как будто ожидал именно этой реплики.

— Душа женщины — это ее любовь, способность отдаваться мужчине. Если женщина создана для любви — она обольстительна, мудра, она питает мужчину, вдохновляет. Развлекает, в конце концов. Не забывайте, по библейскому мифу, Ева создана из ребра Адама, чтобы ему не было так одиноко. Право первенства Бог отдал мужчине. Женщина не равна мужчине, и она не может проявить свою женскую сущность без мужчины.

Не поднимая глаз, Гала изобразила на лице ироничную усмешку как знак несогласия, но Бертран как будто не заметил:

— Вот, например, вы, Элен. Вы — необыкновенная. От вас как будто исходит электрический разряд. Я говорю вам такие вещи, о которых и не думал. Нет, конечно, эти мысли приходили ко мне, и не раз, но где, с кем, когда я смог бы поделиться своими размышлениями? В ваших глазах я вижу участие и понимание. Глупо произносить речи, если не слышат, говорить перед теми, кто глух. Вы же, Элен, — сама отзывчивость. Ваш взгляд обжигает. Я почувствовал ваше присутствие, еще не видя вас. Я никогда не встречал подобной женщины. Вы замужем?

Этот вопрос, столь уместный в самом начале знакомства, сейчас отчего-то рассердил ее.

— Вас интересует, девственна ли я? Или хотите удостовериться, что ваши дальнейшие действия не заставят вас повести меня под алтарь? Или, будь я замужем, вы опасаетесь гнева моего рогоносного мужа?

— Ну что вы, что вы...

— Скажите прямо: вам хочется пригласить меня в ближайшую гостиницу и стянуть с меня платье, — с вызовом сказала она.

— Зачем так грубо, — стараясь скрыть смущение, возмутился он. — Поверьте, по отношению к вам у меня чистые намерения. Вы же хотели узнать мое мнение... Вы же сами сказали, что пишете для журнала, кстати, какого?..

— Вы упустили свой шанс. — Она рассмеялась, глядя в его растерянное лицо.

— Так вы не журналистка? Нет? О... В вас столько смелости. Откуда? Откройте секрет.

Гала опустила глаза. На столе — вазочка с белой лужицей от растаявшего мороженого, чашка с кофе, тарелка с бисквитами. Когда ее увлекал разговор, она совершенно не чувствовала вкуса еды.

Она протянула руку к пирожному — в руке нет дрожи. Бертран ее волновал, но, сделай он сам нескромное предложение, она все равно ответила бы отказом. Гала мысленно прокрутила действия невоплощенного сценария: увлекательный разговор, суетливые поиски гостиницы, скованные движения, смущение при раздевании и... Она изучающе посмотрела на своего собеседника, угадывая во всем его облике вежливую отстраненность.

— Секрет мой прост, я знаю, что жизнь — не безразмерная. Наши с вами часы уже заведены. Когда они остановятся, нам не дано знать, — сказала она, заметив вновь вспыхнувший блеск в его глазах. — Нам известно, что впереди нас ожидает темнота неизвестности, конец всякого движения, и от этого знания мне хочется каждый день, каждый час, каждую минуту — жить по максимуму. Для меня жить — значит познавать, чувствовать, реагировать. Мне хочется, чтобы каждое мгновение моей жизни имело какой-то смысл. Вам, наверное, приходилось готовиться к долгому путешествию?

— Ну да... А при чем тут это?

— Так вот, вам нужно взять в дорогу очень много вещей. Вы кидаете в чемодан свои пиджаки, куртки, брюки, рубашки, книги, блокноты, запонки. Вещей становится все больше и больше, они громоздятся кучей, вы закрываете крышку, а язычок замка никак не дотягивается до выемки. Тогда вы всем своим телом налегаете на крышку — и ваши усилия увенчиваются успехом. Так и у меня. Мне хочется в каждый день моего существования, как в ваш чемодан, столько всего накидать, чтоб с трудом закрывалась крышка. Я очень, очень жадная до знаний, впечатлений, до всякого рода новизны. Узнавать, двигаться, постигать — значит жить. Все остальное — сродни смерти.

Гала внимательно изучала лицо собеседника: понял он ее или нет?

— Мы еще сможем встретиться? — спросил он.

Она глядела в его разноцветные глаза и ощущала в своей душе тихую радость.

— Я не знаю, — ответила она, не желая отказывать и не решаясь на согласие.

— И все же... Подумайте.

Он заказал еще кофе. Разговор дальше не складывался. Они вышли на улицу. Гала подала руку на прощание. Он медленно, глядя ей в глаза, поднес ее руку к своим ярким губам. Что-то вульгарное почудилось ей в этом его жесте. Как будто он уже подступался к ней. Она представила себе их обнаженные тела на кровати в гостиничном номере — и снова сказала самой себе: «Нет, это невозможно». Заниматься любовью без любви — так пошло, низко. И все же ей было радостно от мысли, что этот неглупый мужчина желает ее.

— Прощайте.

Она махнула ему на прощанье рукой, взошла на подножку трамвая, и ее унесло от него, как будто ничего и не было. У нее не осталось ни единого свидетельства, что она некоторое время принадлежала чужому мужчине. Принадлежала?.. Если мужчина определяет принадлежность женщины — в обладании ее телом, то для женщины подчас важнее иное — увидеть в глазах собеседника искру воодушевления, осознать свой талант воспламенять, напитывать желанием. Если бы она согласилась лечь с Бертраном в постель — их встреча превратилась бы в банальный физиологический акт, о котором, скорее всего, они оба вспоминали бы с сожалением, а может, и с брезгливостью. Как после изысканного ужина с выдержанным многолетним вином напоследок напиток водкой, заменив приятное послевкусие похмельем.

Она сошла с трамвая. Рядом с остановкой — цветочный лоток, на прилавке — свежие с влажными лепестками тюльпаны и нарциссы. Гала выбрала ярко-красные цветы. Дома она поставит их в белую фарфоровую вазу. Цветы — как напоминание о Бертрane. Она будет помнить о нем, пока цветы не зачахнут.

— Ты оставил на ней свои глаза.

— Что?

— Ты каждую женщину провожаешь взглядом.

— Я отмечаю только хороших. Но, несомненно, самая милая — это ты.

— И еще два-три десятка? Ты не находишь, что ведешь себя отвратительно? Отвратительно, — повторила Гала. Последнее ее слово повисло в воздухе без ответа. Она смотрела на удаляющуюся фигуру стройной высокой женщины в короткой, чуть ниже колен, юбке и чувствовала, как глухое раздражение, что тихо гнезилось у нее где-то в районе груди, подступает к горлу, рвется наружу. Она не могла больше сдерживаться. Она продолжала, и в ее голосе слышались явные истерические нотки. — В каждом месте, где мы бываем: в кафе, в трамвае, просто когда гуляем, ты не можешь не вертеть головой по сторонам. Ты отмечаешь каждую молодую девку, которая попадает под прицел твоего похотливого взгляда. Не можешь равнодушно пропустить ни одной юбки. Тебе мало меня одной?!

— Послушай, останови весь этот бред. — Поль попытался урезонить жену. — Я не могу жить с закрытыми глазами. Я смотрю на все, что попадает мне на глаза. На дерево, на афишу цирка, хотя цирк, как ты знаешь, я терпеть не могу, на полицейского на углу, на дома, деревья, цветы...

Он задержал взгляд на худенькой, легко одетой молодой женщине в голубой шляпке, которая улыбнулась ему поверх белых головок нарциссов, возвышавшихся над стеклянной банкой на цветочном лотке.

— Вот-вот. Одни глаза для полицейского и совершенно иные для молоденькой девчонки, что продает букетики.

— Я хочу купить тебе нарциссов, — примирительно сказал он. — Ты любишь цветы, я заметил. Тюльпаны очень быстро завяли, а ты все не решалась их выбросить. Я не спрашиваю, откуда они у тебя появились.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты не спросил, кто мне подарил цветы? Может, у меня есть любовник?

— Ты серьезно?

— А тебя это волнует? Похоже, тебе все равно.

Гала прибавила шаг, глядя прямо перед собой. Лицо ее превратилось в бесстрастную маску. Так бывало всегда, когда у

нее портилось настроение. А день обещал быть таким приятным...

Накануне Поль предложил пойти на открытие выставки в зале книжного магазина «Sans Pareil» Рене Илсума. Свои работы представлял Франсис Пикабия. И тот факт, что Поль пригласил ее на открытие выставки любимого художника «дадаистов», ее обрадовал: может, «мушкетеры» готовы признать ее своей? Гала достаточно была наслышана о Пикабия, скандальном художнике, обожавшем гонять на гоночных машинах, заводить споры о магической природе искусства и эпатировать публику. Предваряя посещение выставки. Поль рассказал ей о художественной манере Франсиса, исключившего из своей палитры нежные оттенки. «Для него живопись вторична по отношению к поэзии, — говорил он ей увлеченно, — Пикабия — мощный художник. Очень-очень странный и самобытный. Хотелось бы узнать, что ты скажешь о его работах. Если тебе что-нибудь приглянется, может быть, мы приобретем одну-две картины».

С выставки они ушли с пустыми руками. Ей не понравилась нарочито размашистая манера Пикабия писать яркими мазками, которые выглядели как лохмотья или рваные ленты на грязном серо-коричневом фоне. Экспозиция выставки из семи картин и пятнадцати рисунков выглядела убого. Тем более что Гала было с чем сравнивать. Они с Полем стали завсегдатаями вернисажей и были желанными гостями в мастерских художников. Особенно сблизился Поль с Амеде Озанфаном — одним из основателей нового направления — «пуризма». Его живописная манера — простота форм, чистота цвета — пришлась по душе Полю, выбравшему для своей поэзии лаконичность фраз. Не раз Гала была свидетельницей многочасовых бесед Поля и Амеде. В свою очередь Озанфан познакомил их с Андре Дереном, у которого они приобрели работу, написанную пастелью, для своего нового дома. Поль обещал Гала при первой же возможности переехать в более просторное помещение, а при благоприятных обстоятельствах — купить дом. Мысль о том, что она будет хозяйкой своего собственного дома, как ничто другое, побуждала ее к приобретению все новых и новых художественных полотен. Для пополнения их будущей коллекции она и направилась в книжный магазин Рене Илсума. Обзор выставки занял у нее не больше четверти часа, еще минут десять она разговаривала с Рене, но ей пришлось битых два часа слоняться из угла в угол, дожидаясь, пока Поль не поприветствует всех своих приятелей, которые по-прежнему не считались с ней. Но когда Поль все же сжалился над ней и они уже направлялись к выходу, его остановила неизвестная ей женщина с копной пышных золотистых волос и до прозрачности голубыми глазами. Поль даже не удосужился их

представить друг другу, отвел незнакомку в дальний угол и еще почти полчаса они перешептывались, якобы обсуждая «Берегись живописи» — бездарный рисуночек на клочке бумаги. Гала сняла с полки первую попавшуюся книгу и попыталась углубиться в чтение, но у нее только разболелась голова и вновь обострился ринит, которым она маялась чуть ли не весь март.

Гала вынула носовой платок.

— Я абсолютно счастлив с тобой, не сомневайся, — терпеливо сказал Поль. — Мне завидуют все мужчины Парижа в возрасте от семи лет до семидесяти.

— Все? Ах, оставь... Арагон аж позеленел от зависти. Вы вместе с Луи шляетесь по кокоткам? — Гала высморкалась и с раздражением кинула в сумочку свой насквозь промокший носовой платок.

— Ты обещала не вспоминать, Гала. То была моя ошибка, признаю, — поджал губы Поль.

Он уже сотню раз пожалел о том, что рассказал Гала о своем довольно веселом походе в бордель. Луи знал почти всех девочек по именам и с таким воодушевлением рассказывал об их достоинствах, что Поль не смог отказаться от его предложения посетить веселое заведение. Симоне в черных кружевных чулочках с розовыми, какие соски, подвязках, оказалась той еще шалуньей. Хотя в бордель Поль больше ни ногой — слишком большая опасность принести заразу в супружескую постель.

Поль искоса посмотрел на жену. И все же Гала должна смириться с мыслью, что он нуждается в подобного рода эротических эскападах. Скрывать что-то от нее все равно не имеет никакого смысла, она моментально чувствовала малейшие перемены не только в его образе жизни — в мыслях. Впрочем, за эту особую ее чуткость он, может быть, ее и ценил?

— Только мертвые не ошибаются, — с легкой иронией произнес он. — А я еще вполне молод и, может быть, даже глуп. Так что моя глупая шалость не должна тебя задевать.

— Милая? Шалость? Грязь и мерзость! Не понимаю, как такой умный мужчина может снизойти до шлюхи. Ты и дешевая кокотка. Бр-р-р... Все мыло изведешь, пока отмоешься.

— Господи, Гала! Оставим этот дурацкий разговор. — Поль остановился. — Слушай, давай заглянем в кафе, — предложил он примирительно.

— Жанна-Мария ждет нас к ужину. — Гала хотелось перечить.

— Послушай, дорогая, возьми себя в руки, — сказал Поль после короткой паузы. — У меня выдался свободный день, мы славно провели время в «Sans Pareil». Похоже, Рене Илсум тебя

заинтересовал. По крайней мере ты попыталась с ним пококотничать. Не думай, что я не заметил.

Лицо Гала чуть расслабилось, глаза потеплели.

— Тебе показалось, Поль. Если честно, выставка мне совсем не понравилась. Хотя Рене, как мне кажется, обладает хорошим вкусом. И не хам, как твой Луи. Мы говорили с Рене о том, кто из художников мог бы стать иллюстратором для нового твоего сборника.

— Ты предлагаешь взять в иллюстраторы Пикабия?

— Нет, только не этот сумасшедший, — слишком резко ответила она. Но увидев, как сдвинулись в недовольстве брови Поля, уже мягче добавила: — Пикабия не сможет встать в ряд с Лота. Согласись, иллюстрации Андре неплохо смотрелись в твоём сборнике «Животные и их люди». Очень многим понравилось.

— Может, и так. Но к новому сборнику мне хочется найти нового художника. Как ты на это смотришь?

— Наверное, ты прав. Новизна всегда будоражит, — сказала она, и ему почудилась издевка в её голосе. На что это она намекает? Неужели она догадалась об их с Мириам отношениях? Хотя один половой акт с золотоволосой суфражисткой разве можно назвать отношениями?.. Так, неудавшийся эксперимент. Мириам, на его взгляд, была совершенно фригидной. Он и забыл о её существовании, как только закрыл за собой дверь её дешевой меблированной комнатки на окраине Парижа. Может, именно потому, что Мириам для него была проходной фигурой, Гала ни о чем раньше не догадывалась? Надо же было девчонке заявиться на вернисаж именно в то время, когда там были они!

— Гала, тебе совершенно не о чем волноваться, — вполне искренне заметил он и попытался сменить тему разговора. — Апрель — замечательный месяц. В Москве, наверное, тоже уже нет снега? Ты недавно получила письмо от подруги, так?

— Я не хочу об этом говорить. В Москве сейчас мокро и лужи. Ася несчастлива.

— Зато у нас с тобой все хорошо. — Он подставил ей локоть, чтобы она взяла его под руку.

— Все хорошо, особенно если взять во внимание, что ты глаз не спускал с белоглазой. — Они шли вдоль по улице бок о бок, но упорно глядя только себе под ноги. — Я не думаю, что вы столько времени обсуждали какой-то рисуночек Пикабия, — продолжала Гала ворчливо, — и вряд ли твоя знакомая, судя по ее манерам, готовится принять постриг. Необычайно вульгарная особа, хотя, соглашусь, прехорошенькая. — Сделав рывок вперед, Гала встала прямо перед мужем и продолжала говорить, глядя прямо ему в глаза. — Ну что тебя во мне не устраивает, а? Тебе перестали

нравиться брюнетки? Или моя кожа для тебя недостаточно белая?

— Гала, ты хочешь поссориться?

Его лицо побледнело, ноздри дрожали. Еще немного — он не выдержит, и они действительно поссорятся. Нет, ссора ей ни к чему. Она подавила в себе гнев.

— Прости, — сказала она примирительно. — Мне как-то нехорошо. Наверное, просто насморк замучил. И у меня болят ноги. Я столько кружила от стены к стене, что наверняка отмахала с милю, не меньше.

Голос у нее был такой несчастный, что Поль тут же проникся к ней жалостью.

— Зря я взял тебя с собой на вернисаж.

— Нет-нет, мне было очень интересно, очень, — поспешила успокоить его она. Дай только повод, и Поль будет еще чаще оставлять ее дома одну. — У меня всегда поднимается настроение, когда мы с тобой вот так проводим время.

Они вновь взялись за руки и молча пошли мимо крытого рынка, старика-чистильщика обуви, шляпной лавки.

— Мне нужно купить шляпу с широкими полями, — Гала прервала затянувшуюся паузу. — Давай отправимся на Лазурный берег. Мне просто необходимо погреться на горячем песке. Ты тоже, я думаю, не прочь полюбоваться на полуобнаженных женщин?

— Гала, в апреле пляжный сезон еще не открыт.

— Скажи, ты разлюбил меня?

Поль снова остановился. Гала выглядела не то испуганной, не то обиженной.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — сказал Поль довольно серьезно. — Не сомневайся, я тебя люблю. Ты моя жена. Все женщины в сравнении с тобой — моль. Блеклая, незаметная, пыльная моль.

«Моль, которая оставляет бреши в нашей супружеской жизни», — подумала она, но вслух ничего не сказала. Поль продолжал:

— И мы купим тебе шляпу. Хочешь?

— Хочу, — ответила она и тут же, сложив ладошки лодочкой, поднесла к лицу, чихнула.

Поль подал ей свой носовой платок.

— Может, с покупками повременим? А сейчас зайдем куда-нибудь неподалеку, выпьем. Что-нибудь согревающее тебе явно не помешает.

Кивнув, она шмыгнула носом и сунула в сумочку носовой платок.

— Ужас, как мне надоел мой мокрый нос. Пожалуй, я бы не

отказалась от вина или коньяка.

— Хорошая мысль. И настроение поднимется.

Они перешли улицу. Поль расстегнул пиджак и, задумчиво разглядывая свои покрывшиеся пылью замшевые туфли, распахнул перед Гала дверь. Они вошли в кафе и сели у окна, из которого была видна часть улицы и перекресток. Подошел гарсон с лихо подкрученными вверх, как будто наклеенными усами.

— Коньяк — заказал Поль. — Два коньяка и пармезан.

Официант принес бокалы и сыр, и они пили коньяк, сидя в полумрачном зале.

Поль выпил половину, закурил.

— Я люблю женщин, — признал он. — Хорошо это или нет? Давай не будем ставить оценки, как в школьной тетрадке. Любить — это естественно. Ты, как никто другой, понимаешь это. Ты сама говорила: без любви нет смысла для существования. Любовь нельзя закрыть в супружеской спальне, запечатать печатью мещанского брака. Любить — это... — Он развел руками. — Любить — значит жить, наслаждаться. Если я прохожу по улице и не смотрю по сторонам, не замечаю красивых женщин, я лгу себе, пытаюсь бросить в тюремный карцер свою мужскую природу. Для меня «люблю» — равнозначно «существую».

— Но ты смотришь на всех этих женщин, как будто хочешь ими обладать, — Гала играла бокалом и не поднимала глаз. — Каждую оцениваешь по своей шкале ценностей, достойна она тебя или нет.

— В определенном смысле это правда. — Поль говорил тихо, обращаясь не к жене, а как будто пробовал найти ответ на давно мучивший его вопрос. — Для меня нет ада страшнее, чем одиночество. Я мертв, если не вижу, не ощущаю каждое мгновение подтверждение своего существования. Я всего лишь зияющая пустота, загадочное ничто, если никого нет рядом. Я становлюсь самим собою, узнаю, каков я есть, только когда есть отклик. Как в танце...

— Или в постели?

— Еще коньяк, — крикнул Поль. — Гарсон, еще два коньяка.

— Поль, скажи, зачем тебе другие женщины? — спросила Гала. — Зачем они тебе нужны, если есть я?

— Разве ты не поняла? Я мужчина, к тому же — парижанин. Больше всего я люблю Париж за его особый дух творчества и любви.

— Мне это понятно. Я тоже люблю Париж. И я могу согласиться, что парижанки — нечто другое, нежели, допустим, немки или москвички. Не скажу, что француженки красивей, чем русские женщины, может, даже наоборот. Мне кажется, никого

нет красивей, чем мои соплеменницы. Разве я не права?

— Я знаком только с одной русской, — улыбнулся Поль. — Она великолепна.

Гарсон поставил на стол два бокала и кивнул, как будто соглашаясь с его словами.

— Все хорошо? — осведомился он.

— Все прекрасно, — ответил Поль.

— Соглашусь, парижанки знают толк в туалетах. Платья, шляпки, перчатки — в этом, наверное, им нет равных — продолжила разговор Гала.

— Дело не в платьях. И не в шляпках. Все гораздо сложнее, а может, и проще. Нет ничего постоянного, все меняется, возникает, уходит. Ты же умная, ты понимаешь, — глядя ей в глаза, говорил он. — Вот послушай... Хочешь, я прочту тебе кое-что из нового. Может, еще немного незаконченное?.. А впрочем, не надо.

— Нет, я хочу послушать.

— Что ж...

Некоторое время Поль помолчал, затем, вскинув высоко голову, начал:

Твои оранжевые волосы в пустоте вселенной,
В пустоте цепенеющих стекол молчания
И темноты, где мои голые руки твоё отражение ищут.

Сердце твоё химерической формы,
И любовь твоё схожа с моим ушедшим желанием.
О душистые вздохи, мечты и взгляды.

Но со мной ты была не всегда. Моя память
Хранит удрученно картину твоего появления
И ухода. Время, точно любовь, обойтись не умеет
без слов.

Она молча смотрела куда-то в глубь бокала, и у него возникло такое чувство, будто он выплескивал слова куда-то в пропасть, в пустоту.

— Наверное, ты прав, — сказала она лишенным эмоций голосом.

— Что скажешь?

Она вздохнула.

— Моя любовь схожа с твоим ушедшим желанием.

— Пусть будет по-твоему, — жестко ответил Поль. Его раздражало, когда из стихотворения выхватывали какие-то

отдельные строки и тем самым лишали его какого бы то ни было смысла.

Гала допила коньяк, отвернувшись вытерла салфеткой нос.

— Получается, ты меня не любишь? Не хочешь?

— Если тебе так нравится, — сказал он упрямо.

— Да, мне не нравится, когда ты спишь с другими женщинами. Я ненавижу, когда ты оставляешь меня одну в то время, когда где-то весело проводишь время. Я ужасно злюсь, что кому-то ты читаешь свои новые стихи, но это не я. Девчонке, которая ничего не смыслит ни в поэзии, ни в жизни, ни в любви. За что ты так со мной? Я о тебе забочусь, я всю себя отдаю тебе, — в голосе Гала слышалась мольба. — Разве я не хорошая жена, разве тебе плохо со мной? Я делаю для тебя все. Я люблю тебя больше жизни.

— Я знаю, — Поль накрыл ее руку своей.

— Если ты хочешь избавиться от меня...

— Тс-с-с...

— Скажи правду, — она убрала руку.

— Хорошо, я скажу — Поль щелкнул пальцем по краю бокала. — Я не могу не быть свободным. Во всем. В своих мыслях, поступках. Каждый день я должен ходить на работу и ненавижу себя за это. Целый день я корплю над бумагами и презираю себя за то, что так бездарно трачу свою жизнь. Тот, кто не раз умирал, как никто другой, знает цену каждого дня, каждой минуты, отпущенной нам для настоящей жизни, а не для того, чтобы продавать, продавать, продавать... Какая мука изменять самому себе. Если Господь подарил мне дар творения, значит, соглашаясь терять время на сиюминутные дела, не связанные с творчеством, я предаю его, предаю свое предназначение. Ты меня понимаешь?

В ее взгляде было столько боли, что Поль почувствовал укор совести.

— Прости.

— Давай все бросим и уедем куда-нибудь, где мы будем одни. В какую-нибудь теплую, лучше жаркую страну, где не нужно отдавать дань моде. Где нет ничего лишнего, все просто и доступно. Допустим... куда-нибудь в Индокитай... Ты будешь писать стихи, я жарить на углях рыбу. Мы будем счастливы простой бесхитростной жизнью. Будем заниматься любовью на горячем песке под пальмами...

— Я счастлив, что моя жена именно ты.

Он пододвинул к ней стул, положил руку на плечо, склонившись, поцеловал в шею и прошептал прямо ей в ухо:

— Я хочу тебя, как никогда. Здесь за углом есть гостиница. Пойдем, а?

Она начала плакать, тихонько, уткнувшись в салфетку, чтобы никто не заметил.

— Придет день, и ты от меня уйдешь.

Поль молчал. Он перебирал пальцами ее волосы, в прядях которых отражался свет.

— Ты меня бросишь? — повторила Гала. — Отвечай. Не молчи. Скажи: я тебя никогда не оставляю.

— Возможно, — Поль отодвинулся. — Откуда мне знать?

— Скажи, — настаивала Гала. — Скажи, что ты будешь со мной всегда.

— Я буду с тобой всегда, — повторил Поль бесцветным голосом.

Гала вскочила с места и бросилась к дамской комнате.

Поль вздохнул и жестом подозвал к себе гарсона, попросил счет. Вскоре появилась Гала. Нос ее покраснел, а ее длинные ресницы казались особенно яркими на ее бледном лице. Она села за столик и вдруг внезапно улыбнулась.

— Прости, — сказала она. — У меня жуткий характер.

— Ужасный, — хохотнул он. — Особенно, когда насморк или критические дни. А уж если совпадет, туши свет и беги подальше.

— Тебе бы так, — она щелкнула его по носу. — Вот родишься в следующей жизни женщиной...

— Звучит как приговор.

— Вот-вот. По крайней мере пообещай мне...

— Все, что угодно. Выдвигай требования.

— У меня целый список.

— Первое. — Поль подмигнул ей. — Купить тебе шляпу с широкими полями, чтобы никто не видел твоего красного носа.

Она замахнулась на него. Он втянул голову в плечи, будто ожидая удара. Гала рассмеялась.

— Второе, — продолжил он, улыбнувшись. — Дюжину носовых платков и шелковые чулочки.

— Не откажусь. А теперь серьезно, Поль.

— Я всегда серьезен. Давай купим тебе чулки с красными и черными кружевами и подвязками.

— Поль, я серьезно.

— Ну? — Поль махнул рукой официанту.

— Пообещай мне никогда не обманывать меня.

— Клянусь, — с готовностью откликнулся он, приложив ладонь к сердцу.

— Поль, не дурачься. Если ты разлюбишь меня — скажи.

К ним подошел гарсон.

— Еще коньяк? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Пожалуйста, какао со сливками, — сказала она.

— А мне коньяк, — добавил Поль.

— Два коньяка и какао, — уточнила Гала.

— Хорошо, мадам, — официант засеменил к стойке.

Гала внимательно смотрела на мужа.

— Давай заглянем в мастерскую к Лорансен. Мне нравится Мари. Может, приобретем у нее «Женщину с голубкой»? — предложила она.

— Или все же пойдем в магазин и купим тебе шляпу? Обещаю тебе, летом мы поедem к морю и, если захочешь, съездим еще куда-нибудь. Ты слышала от Андре о Максе Эрнсте? Он живет в Германии, и у него нет разрешения на въезд во Францию. Мне кажется, он вполне безумен, чтоб тебе понравиться.

— Или тебе? Ты с кем угодно готов проводить время, только не со мной. Тебе со мной скучно? Скажи...

— Пей свое какао.

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

Фотография на плотном картоне. Компания друзей расположилась прямо на паркете. Поль и Гала Элюары. Макс и Луиз Эрнсты. Между двумя супружескими парами — малыш-карапуз Ульрих, такой же русоголовый и светлоглазый, как и его родители. Поль и Гала в начале октября 1921 года неделю гостили у четы Эрнстов в Кельне.

Макс был сыном учителя католического вероисповедания и до встречи с Луиз получил крещение нигилизмом в окопах Первой мировой. Когда он женился на иудейке Луиз, ни религия, ни разница в материальном положении для них не имели значения. Когда-то оба они учились в Боннском университете. Он изучал философию, она — историю искусств. Они посещали занятия по рисованию, были всецело поглощены культом точной линии и экспрессии красок. Для них обоих авторитетом служило одно — искусство. Все остальное казалось им слишком низменным, ничтожным, чтобы не только говорить, но даже думать об этом. Луиз видела в искусстве основу всей человеческой культуры, фундамент цивилизации. Для Макса рисунок было скорее игрой, провокацией, экспериментом и... затяжной войной со своими страхами. Когда они впервые увидели друг друга обнаженными, у обоих возникло такое чувство, точно каждый нашел в другом нечто совершенно неизвестное, загадочное, а потому немного опасное. В их браке сохранилась некая отстраненность, в которой было больше скрытой настороженности, чем взаимного счастья обладания. Каждый признавал непохожесть другого. С тех пор как Макс взял в свою руку ее карандаш и уверенным жестом закончил ее рисунок, Луиз признала его превосходство как творца. Она же была специалистом в области теории искусства и практики обыденной жизни. Именно Луиз взяла на себя обязанности по содержанию их семьи. Значительные средства от ее отца-фабриканта и зарплата за работу в Wallraf-Richartz Museum давали возможность ее мужу проводить свои творческие эксперименты.

Макс эпатировал немецкую публику своими «полотнами»: «Улитка легкоплавкой комнаты», «Объем мужчины, рассчитанный аксессуарами женщины», «Маленькая слезливая фистула, говорящая „тик-так“»... В названиях своих работ он манипулировал словами так же, как с помощью вырезок из книг создавал свои коллажи — никакой связи между собой, случайно совмещенные друг с другом, они приобретали какой-то новый, а

потому особо ценный смысл. Поступки художника-экспериментатора были сродни его творчеству, их цель — вывести за рамки обыденности, напугать, оскорбить, осмеять. Макс грозил бюргерам, пришедшим в пивную Винтера пропустить кружечку-другую, разрубить их тела на кусочки висящим у входа топором. В подвале пивной он предлагал взору публики некий «натюрморт», состоящий из аквариума, где плавали жирные пятна краски, женские волосы, деревянная рука, а на дне — «мертвый» будильник. Он или безумец, или бунтарь, заключила добропорядочная публика. Максу пришлось провести несколько дней в полицейском участке за подстрекательство к бунту. Если из двух зол выбирать меньшее, то все же лучше прослыть революционером, чем сумасшедшим. Коллажи и инсталляции Макса были настолько непривычны, что некоторые считали их новым словом в искусстве, другие — оскорблением хорошего вкуса. Споры перерастали в ссоры. Ссоры заканчивались драками и попытками уничтожить его работы. Скандалы стали визитной карточкой Эрнста. Что может быть экстравагантней?

Французские «дадаисты» пригласили Макса в Париж, но, лишенный разрешения на выезд из страны, он вынужден был оставаться в Германии. И все же Бретон и Арагон устроили его выставку в «Sans Parcil», которая, как и в Кельне, началась со скандала, а закончилась полным провалом. Искусствоведы и критики в один голос отказали Максу Эрнсту в звании художника. Для них он — шут, обманщик, скандалист и профан. Зато поэты-«дадаисты» ничуть не были разочарованы и жаждали лично познакомиться с гением. Тцара со своей подругой Майей первыми посетили немецкого художника, затем Андре Бретон с молодой супругой провели свой медовый месяц в Тироле, где в это время жила супружеская пара Эрнстов.

И вот, наконец, Элюары добрались до Кельна, куда с наступлением осени перебралась супружеская чета немецких художников.

* * *

Луиз постучала кулачком по розовой с разноцветными разводами, напоминающими паутину гигантского паука, двери. Они немного подождали, затем послышались легкие шаги босых ног. Дверь распахнулась, и они успели увидеть только спину Макса, помчавшегося от них в глубь мастерской. Полы его рубашки развевались, а он крикнул через плечо:

— Давайте, заходите. Я сейчас буду с вами. Славненькое

выдалось утречко. Я собой доволен. — Голос его был бодрым, и непонятно было, он только что встал или совсем не ложился спать. — Будете кофе? Я прямо здесь варю. Луиз не любит кофе.

Он держал кофейник в левой руке, а правой ловко расставлял чашки на низеньком столике. Высокого роста, мускулистый, в расстегнутой полотняной рубашке и закатанных до колен штанах, он походил на физкультурника: от него так и веяло здоровьем и бодрым расположением духа.

Разлив по чашкам кофе, он подмигнул и сделал широкий жест, приглашая присесть на тахту, рядом с которой находился низенький столик. Пока его правая пятерня взбивала волосы, левая уже тянулась к животу. Закончив чесать живот, он тут же распахнул штору на окне, впустив в мастерскую больше света. Создавалось впечатление, что в этом человеке сконцентрировалась масса энергии и он готов был расплескивать ее повсюду.

Луиз сидела поодаль в кресле и со снисходительным видом глядела на мужа. Рядом с ней на старом вытертом коврике пристроился малыш и сосредоточенно вытряхивал игрушки из матерчатого мешочка. Макс, выпив свой кофе, подскочил к нему и потрепал по макушке.

— У меня идея! — воскликнул он. — Пусть наш малыш будет Джимми.

— Зачем? — спросила Луиз. — Чем тебя не устраивает Ульрих? Или тебе мало Минимакса? Ты ведь так его недавно переименовал?

— Сегодня новый день, наш Ульрих станет Джимми, ну и пусть остается Минимаксом одновременно. А тебе больше подошло бы имя Роза. — Он ущипнул ее за полную щеку. — Шикарная роза. Благоуханная роза. — Он попытался ее поцеловать, но она отстранилась.

— Роза с шипами. Решено! Твое имя Роза. Только так и не иначе.

— Макс, не дури, — сказала Луиз-Роза со вздохом. — И когда ты повзрослеешь?..

— Луиз — ты была вчера. Не хочу тебя называть так сегодня. Итак, слышите, Поль, Гала. Отныне мою жену зовите Розой. Всем понятно?

— Отчего ж нет? — сказал Поль. — Моя жена по паспорту — Елена, а все ее зовут Гала. Она у меня праздничная женщина. Так, моя дорогая? Мое украшение.

— Дашь поносить?

— Для друга ничего не жалко, — со смехом произнес Поль и, обхватив жену за плечи, притянул к себе. — Как спалось? —

спросил он, играя прядью ее волос.

— Я рано встал. Не люблю много спать. — Макс опустился рядом с Гала. — Отлично выглядишь, — сказал он несколько удивленно. — Как много женщин не выдерживают испытания близким расстоянием. А ты — наоборот. Я хочу украсть у тебя жену, — сказал он, оборачиваясь к Полю.

— Зачем?

— Нарисую. Но сначала мне хочется сделать твой портрет. — Он произнес это так, будто уже готов был сорваться с места и начать натягивать холст и готовить краски.

— Что ж... Может быть, и нарисуешь нас с Гала, когда сам будешь в Париже. Хочу пригласить тебя, Макс, к нам в гости. Как только у меня будет возможность купить дом, я сразу жду тебя... — он бросил взгляд в сторону жены Макса и тут же поправился: — Я жду тебя, твоего Джимми и Розу к нам в гости.

— Вы хотите купить дом? — подала реплику переименованная мужем из Луиз Роза. — Дом требует много средств на содержание. Вот дом моих родителей...

— Я хочу дом в два этажа, — вступила в разговор Гала. — Не обязательно в самом центре Парижа, можно на окраине. Но обязательно, чтоб был свой сад. Много-много деревьев и цветов. Море цветов. Приезжайте к нам, Роза, обязательно. — Сесиль займет Джимми, и мы прекрасно проведем время. Ну, что скажете на это, Роза, Макс?

— Всенепременно! — Макс ударил ладонями по своим коленям и поднялся.

— Вы говорите так, будто это дело завтрашнего дня, — скептически заметила Роза, помогая сыну нанизывать кольца пирамидки на деревянный штырь.

— Мы начали приобретать картины для своего нового дома, — заметила Гала.

— Макс, ты обещал нам кое-что из своего для нашей коллекции, — подхватил Поль и направился в глубь мастерской. Макс стоял напротив мольберта и задумчиво поглаживал свой небритый подбородок. Поль встал рядом, глядя на картину. На фоне грозового неба с летящими, нет, не серыми птицами, — зелеными рыбами, прямо на зрителя выдвигалось фантастическое создание с головой быка и хоботом в форме печной трубы.

— Н-да... Здорово. Какой придурок сказал, что ты не умеешь рисовать?! Убью гада!

Его глаза вспыхнули, и от избытка чувств он обнял художника.

С первого момента, как только они с Максом обменялись рукопожатиями, Поля не оставляло чувство счастья. Ему было

интересно в нем все: его живописные работы, его коллажи, его размышления, поиски, сомнения. Он испытывал к нему нечто похожее на любовь, находя удовольствие наблюдать за движениями, жестами этого здорового мускулистого мужского тела, следить за развитием его мысли, поражаться смелости художественных поисков. Макс отвечал ему взаимностью, радуясь, как ребенок, возможности говорить с человеком, равным ему по масштабам, но не тождественным в мироощущениях. Между ними возникла особая связь близких людей. Каждый восхищался талантом другого.

— Гала, Гала, иди сюда, — позвал он жену. — Мы с тобой такого еще не видели. — И, обращаясь к Макс, спросил: — Как называется картина?

— Чудо-слон, — сказала Гала. Она остановилась рядом с мужем и с интересом разглядывала живописное полотно.

— Селен, селебес, — бубнил про себя ребенок, раскладывая перед собой кольца вновь разобранный пирамидки.

— Слон Селебес, — воскликнул Макс и, подбежав к сыну, подхватил его и высоко подбросил над головой. — Селебес. Бесселен.

Мальчик от неожиданности расплакался.

— Угомонись! — Роза выхватила из его рук плачущего сына и, прижав к себе, отошла с ним к окну. Мальчик тут же стих.

Гала приблизилась к ним.

— Ты скучаешь по дочке? — спросила ее Роза, заметив, что Гала смотрит на ее сына с нежностью.

— Скучаю?.. — Гала вздохнула. — Сесиль с Жанной-Марией хорошо, они большие друзья. Я хотела бы взять ее собой, но накануне отъезда чувствовала я себя жутко разбитой, насморк замучил, постоянные головокружения. Да и Поль был против. Он не любит сидеть на одном месте, ему все время нужно куда-то бежать, что-то делать.

— Твой муж да, он очень общительный, — подтвердила Роза и, улыбаясь, протянула Гала сына. — Хочешь поддержать?

Джимми тут же обхватил мать за шею и спрятал свою голову за ее плечом.

— Ах, сынок, ну что ты стесняешься? Тетя хорошая, иди к ней.

Гала погладила Джимми по голове.

— Поль очень изменился, — продолжила она начатый разговор. — Когда мы познакомились с ним в санатории, он был одинок, а сейчас я постоянно борюсь за его внимание с многочисленными его друзьями и приятелями. Чуть ли не каждый день после работы он бежит из дому. Раньше хоть брал

меня с собой, а теперь все чаще оставляет дома.

— А я привыкла. После рождения сына мне все безумства с топорами, эпатажем, с порнографическими открытками и прочим кажутся таким ребячеством, — сказала Роза.

Ей казалось, что Максу нравилось изображать таинственность. Было похоже, что он никак не хочет расставаться с детством и постоянно придумывает себе игры с ребусами, загадками, кладами и таймами. Он все время находился в движении, заполняя каждую минуту своего существования, и только его жена знала, что таким образом он борется с собственными демонами. Мысли о грехах и неизбежности держать за них ответ, с такой последовательностью внушаемые отцом-католиком, лишили его радостей детства. Страх наказания преследовал Макса во сне, кидая в кошмары, возбуждая в нем лихорадку и бред. Его жена понимала, что, провоцируя в себе все новые и новые всплески неповиновения, он как будто вступал в противоречие с догмами, внушенными родителем, утверждал свое превосходство перед строгим школьным учителем. Воспитанной в атмосфере любви Луиз-Розе подчас казалось, что Макс радуется такой борьбе, как доказательству глубокой пропасти между долгом и свободой. Но разве может быть свободен человек, создавший семью?

— Иногда я прямо Макса ненавижу за все его выкрутасы, — продолжила Роза спокойным тоном. — Я ему не раз уже намекала, что пора вылезать из коротких штанишек и почувствовать себя наконец взрослым. Ножницы, клей, все эти нелепые картинки — это занятие не для семейного человека. Этим на хлеб не заработаешь. Нужно подумать и о будущем. Ребенок — это такая ответственность. — Она опустила сына на пол.

— Я так рада нашему знакомству, Роза! — воскликнула Гала и приобняла ее за плечи. — С того времени, как я в Париже, у меня не было подруг. Мы обязательно купим у Макса картину. Обязательно.

— Да-да, хорошо, как нельзя кстати. За лето мы сильно поиздержались, — ответила Роза и, взяв сына за руку, повела за собой.

Гала встала спиной к окну, оперлась о подоконник и, скрестив под грудью руки, устремила взгляд в глубь комнаты, где Макс, обняв Поля за плечи, с заговорщицким видом что-то ему рассказывал. Почувствовав на себе ее взгляд, он улыбнулся и продолжал с воодушевлением говорить. Гала почувствовала ревность, ей казалось, что нечто очень важное ускользает от нее.

Она отошла от окна и приблизилась к тахте, где

расположились мужчины.

— Пикабия считает возможным соединить в одной работе чучело обезьяны и имена великих живописцев: Рембрандта, Ренуара, Сезанна. Его мысль мне понятна: эти художники слишком рабски воспринимают натуру. Мы не обезьяны, чтобы слепо копировать повадки других людей, — говорил с воодушевлением Макс, и Гала заметила, что над его верхней губой от возбуждения выступили капельки пота.

— А что ты скажешь по поводу работ Баадера? Что, по-твоему, значит монтаж мужского портрета с изображением торса Венеры Милосской? — спросил его Поль.

— Не важно, что он хотел сказать, у него так получилось — и все. Художник создает, зритель воспринимает. Или ты иначе считаешь, Поль?

— Творить — значит быть приближенным к Богу.

Гала сказала это небрежно, но ее реплика будто сбила мужской разговор с ритма, и на минуту воцарилось молчание. Только было слышно, как Джимми что-то бубнит себе под нос. Ничуть не чувствуя себя неловко, раскинув руки, Гала потянулась и упала спиной на тахту.

— Нда... — Макс склонил голову к плечу и стал похож на зрителя, рассматривающего экспонат.

— И все же дадаист понимает, что прошлое нельзя просто так игнорировать, — продолжил разговор Поль. Его взгляд по-прежнему был сосредоточен на Максе, в то время как его рука опустилась на ее лодыжку. — Важно вступить в полемику с прошлым, указать классикам их место в современной культуре. Мы должны жестко сформулировать свою позицию и порвать с традициями.

— Для «дада» важен принцип встречи двух несводимых реальностей в среде, им одинаково чуждой. Надо выбросить все умствования и поддаться спонтанности. Это мне близко. Я вот беру книжку с иллюстрациями, допустим, восемнадцатого века, потрошу ее. Вырезаю также рисунки из атласа по анатомии. Добавляю еще кое-что...

— Например, порнографическую открытку, — фыркнул Поль.

— Почему бы и нет?... И Рембрант, и кокотка в равной степени присутствуют в нашей жизни.

— Тцара подчеркивал: «Контраст связывает нас с прошлым».

— Отторгнуть прошлое и сделать все заново. Отпустить на волю тех демонов, которых мы сами в себе взрастили. Хватит казаться пай-мальчиками, в то время как в каждом из нас сидит эдакий маркиз де Сад.

— Маркиз де Сад? О... Какие нехорошие мальчики. — Гала

перевернулась на живот и, согнув ноги в коленях, потеряла одну ступню о другую.

— Хорошим девочкам нельзя читать такие нехорошие книжки, — снисходительно заметил Макс. — Проказник, почему не следишь, какие книжки читает твоя милая женушка? — Погрозил он Полю пальцем.

— «Жюстина». Почему бы нет?.. Ты же сам сказал, нужно показать выход демонам, что так уютно устроились в наших душах. А русская душа, я вам скажу, это нечто...

— Догадываюсь, ты везунчик, дружище.

На погрустневшем лице Поля появилось терпеливое выражение.

— Может быть, может быть. Но иногда мне кажется, с русской женщиной может справиться только батальон таких, как я, — сказал он.

— Ты недооцениваешь себя, мой милый, — сказала Гала и поднялась. — Не пора ли нам прогуляться? Пообедаем где-нибудь в кафе, погуляем, а?

— Здравое предложение можно услышать только из уст женщины, — подала голос Роза. — Мальчики, заканчивайте свои разговоры и собирайтесь на прогулку. Нам всем нужно освежить головы.

— А не отправиться ли нам на пикничок? — предложил Макс.

— С малышом? — напомнила Роза.

— Почему бы нет? Одень только потеплее. Возьмем с собой плед и прочее. Будет хорошо.

— Давай оставим пикники для лета.

— А мы можем устроить пикник прямо здесь, в мастерской, — предложила Гала и села прямо на паркет.

— Глупости, — фыркнула Роза.

— Откроем настежь окна. Немного воображения, бутылка-другая вина — чем плохо? Мы в Клаваделе вообще лега гуляли. Правда, Поль?

— Идея неплохая, — отозвался он, глядя в окно. — Тем более, кажется, снова дождь накрапывает.

Мужчины набрали в гастрономе колбасы, хлеба, овощей. Все это было нарезано на куски, разложено по большим блюдам. Целый день они ели все это, запивая вином и перемежая разговорами. Потом Роза принесла блестящий от влаги зеленый виноград. Макс отщипнул ягоду и положил в рот Полю, который в то время с закрытыми глазами лежал на боку.

— Спасибо, Гала, — сказал он рассеянно.

Все рассмеялись.

Они начали скармливать виноградины друг другу —

получилась игра. С закрытыми глазами Макс не мог отличить, когда его губ касались пальцы жены, а когда — пальцы Поля или Гала. Дождевые капли стучали по стеклам, а они занялись игрой в слова и ассоциации.

— Отношения между мужчиной и женщиной, — начала Гала.

— Между подковой и кончиком пальца, — продолжил Поль.

— Между терновником и фактами мимики, — включился Макс.

— Между птичкой и звездочкой чеснока, — подхватила Роза.

— Между смехом вздох и синевой под глазами.

— Между железнодорожными рельсами и голубем рыжим.

— Между сонной артерией и спектральным анализом соли.

— Между моим одиночеством и тобой...

Джимми заснул. Прикончив все вино, они устроились все вчетвером на тахте для общей медитации и один за другим заснули. Когда они снова собрались под абажуром горящей лампы, их лица несли ощущение умиротворенности, как будто общий сон, как ничто другое, их сблизил. Плечи Розы окутывала шаль, а Гала без всякого стеснения расстегнула кофточку так, что при движении были видны ее груди. Роза позавидовала ее смелости и тому, что у нее такая маленькая, крепкая грудь. Сама Роза стеснялась своей большой, с крупными венами, распухшей от молока груди. Ее не оставляла мысль, что она кажется слишком тяжелой по сравнению с легкой женой Поля, слишком взрослой в кружке друзей-единомышленников, не желающих расставаться с детством. По ту сторону стола сидел вдруг показавшийся ей чужим Макс, такой сонный и растерянный, а рядом — более нежный, более хрупкий мужчина, блаженно счастливый, как, впрочем, и все они.

Роза переводила взгляд от одного лица к другому, и неотвязная мысль билась у нее в мозгу: такого больше не повторится. Она сказала:

— Мне бы хотелось навсегда оставить в памяти этот день.

— А давайте сделаем фотографию, — предложил Макс. — Меня очень даже впечатлило то, что ты мне раньше показывал.

Он подмигнул Полю и как-то смущенно хмыкнул.

Поль с недавних пор увлекся фотографией, сделав своей любимой моделью свою жену. Он фотографировал ее в шелковом платье до полу, в манто и шляпке, в купальнике и широкополой шляпе. Но он буквально входил в азарт, когда она соглашалась позировать ему обнаженной. Первое время под гипнозом объектива она чувствовала себя скованной, напряженной, но Поля возбуждала их новая игра, где третьим выступала фотокамера.

Сеанс за сеансом — и Гала тоже вошла во вкус. Монохромные карточки как будто делали ее выше, утонченней. Их супружеская жизнь заиграла новыми гранями. Поль стал больше времени проводить с женой, через линзу объектива ее тело казалось ему магически интригующим, влекущим. В те часы, когда он не снимал, он все еще чувствовал ее притяжение, он стремился к ней. Он хотел найти в ней нечто новое, какую-то им ранее не подмеченную черту, поймать некий ракурс, способный передать эротизм ее тела. Поль находил особое удовольствие видеть ее образ на бумаге, наблюдать, как его друзья, кому он показывал ее снимки, молча или шумно восхищались ее смелостью, ее утонченностью, ее женской красотой. Они смотрели на ее маленькие твердые груди с вишенками сосков, на плавные линии ее рук и ног, на крутизну ее бедер, и он чувствовал, что они ему втайне завидуют. Для нее не было запретов, она — сама женская сущность, притягательная плоть. И эта женщина всегда доступна ему, и взгляду его фотокамеры, и его желанию — доступна только для него и никого другого. И сам факт, что его Гала возбуждала томление других мужчин, сделал для Поля особенно пикантными их супружеские отношения. Как бывало в детстве, обладание резиновым мячиком или велосипедом делало его ценным товарищем по играм, так и сейчас, обладая этой женщиной, подчиненной его воле, он чувствовал свое превосходство перед остальными. Он готов был включить в их игру и третьего, чтобы запечатлеть на снимках, как хороша Гала во время занятий любовью, и ждал, когда жена даст на это согласие. А пока он предпринимал эксперименты с автоматическим спуском фотокамеры.

— Давайте сфотографируемся все вместе, — предложила Роза. — Мы хорошо выспались. И Минимакс не капризничает.

Вся компания расположилась прямо на полу. Веселые, загорелые лица, раскованные позы, ни следа недоверия или напряжения. Ничто еще не предвещает той драмы, что расколется эти две супружеские пары, разведет навсегда этих спянных счастливой любовью людей.

— Я открыл еще бутылку. Будешь?

Не дождавшись ответа, Луи Арагон налил вино в оба бокала.

— Говоришь, славно провел время в Кельне?

Поль отхлебнул вино. Они сидели у Луи. Его комната была расположена на четвертом этаже и занимала две комнаты. После работы, не заходя домой, Поль отправился к приятелю. Он испытывал потребность выговориться. В разговоре подчас он находил ответы на терзавшие его вопросы. Луи должен понять его. подсказать, разрешить его сомнения.

Поль взял бокал в руки, поднялся с кресла. Из приоткрытого окна были слышны звуки улицы. Наступали те минуты, когда вечер уступает место ночи.

— Макс мне как брат. Нет, он мне больше, чем брат. Он мне как брат-близнец. Мы с ним — сросшиеся пуповиной близнецы. Что ты скажешь про наш сборник? Именно наш, не мой. Я не оговорился, я чувствую, у «Повторений» — два автора. И снова неверно! Автор один.

— Сиамский близнец? — хохотнул Луи.

— Пусть так. Мне кажется, в «Повторениях» стихи и рисунки — едины. Я жалею, что мы не подписались как-нибудь «Поль-Макс» или «Элюрст». Для нового сборника мы обязательно что-нибудь придумаем. Ты знаешь, сейчас мы готовим новый сборник. Макс очень, очень талантлив. На этот раз он выступит не только как иллюстратор, но и как поэт. Макс — это чудо, он французский язык чувствует подчас лучше француза.

— Макс в Париже?

— Мы пишем друг другу. Кто-то из нас начинает первую строку, другой, бывало, правит, потом продолжает. Это не как у Луи Бретона с Супо в «Магнетических полях», но тоже должно выйти гениально. Вот послушай. Поль вынул из кармана сложенный вчетверо лист.

— *Над кокетством круглых столиков гусиные лапки сокращают крики призыва женщин в белом...*

— Тебя все еще тревожат женщины? — Луи хохотнул.

— Любовь к женщинам, желание и прочее, что связано с плотью, так ничтожно, если брать в сравнении с единением мужского духа. Нам с Максом даже общие сны снятся. Так мы с ним сроднились.

— Вы спали вместе? Или вчетвером? Или менялись парами? — продолжал ерничать Луи.

Поль вдруг разозлился.

— Дурак ты, Луи, у тебя только похоть на уме, — сказал он, и голос его дрогнул. — Нас с Максом объединяют высокие чувства.

— Может, я и дурак, в чем, в общем-то, очень даже сомневаюсь, но если ты способен хоть немного пораскинуть мозгами, ты вспомнишь, что уважаемый доктор Фрейд считает по этому поводу. Подавление сексуальности ведет к неврозам. Не в этом ли причина твоего депрессивного состояния?

— Оставь, Луи.

Поль почувствовал глубокую усталость. К тому же выпитое вино начало давать о себе знать. Он вновь уселся в кресло, вытянул ноги.

— Послушай, Поль, можешь считать меня каким угодно дураком, но помни, что я тот дурак, которому не наплевать на тебя. — В голосе Луи с каждой фразой появлялись новые интонации. — Так что лучше послушай друга. Я не хочу выяснять, что там происходит в твоей семье, но хочешь верь, хочешь нет — твоя жизнь волнует меня. Такие, как ты, — единичные экземпляры. Мне не хочется, чтобы тебя затопили твои же собственные комплексы.

— Пошел ты к черту. — Поль рассмеялся, и ему самому его смех показался натужным и неискренним. Он злился на Луи, что тот не хочет его понять.

— Поль, прими мой совет. Будь откровенен с самим собой. Если ты ищешь новые ощущения, это нормально. Остановиться для поэта — равнозначно смерти. Ты знаешь, из какого сора рождаются стихи. Что касается Эрнста...

— Давай не будем больше говорить о Максе.

— Что, если я тебе скажу, что понимаю, почему ты так относишься к этому немцу? Поверь, я понимаю. Сколько бы я ни валялся в грязи, я по-прежнему остался романтиком. Я считаю, чувства нам не подвластны. И если...

— Оставь! — Поль даже хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

Луи только покрутил головой.

Поль налил себе еще вина. Через некоторое время он уже не чувствовал ни гнева, ни раздражения.

— Я открою тебе один секрет, — сказал он. — Я не знаю, что происходит со мной. Я все время думаю о Максе, даже когда я один на один с собой, мне кажется, я постоянно с ним разговариваю. Мне хочется знать, что он думает по тому или иному поводу, мне хотелось бы увидеть, как он реагирует. Мы часто пишем друг другу. Вот затеяли совместный сборник стихов. Я все время чувствую его рядом с собой. Он как будто живет во мне.

— Твоя жена знает об этом? Ты с ней делился своим открытием?

— Мы были несказанно счастливы, когда гостили у Эрнстов в Кельне. Нам было здорово всем четверым, когда мы встретились на Пасху в Имсте. Макс обладает каким-то чудовищным обаянием. Он как будто электризует воздух вокруг себя. Гала с ним бесконечно кокетничает, а меня это возбуждает. Я знаю, Луи, как ты относишься к супружеству...

— Наверное, я тебя удивлю, Поль, но вот к какому выводу я пришел. Супружество — неизбежное зло. Вот живут двое, спят в одной кровати. Никакой новизны, никаких неожиданностей. Становится скучно. И тогда ты вылезает из супружеского ложа и идешь на поиски приключений. Небольшие интрижки будоражат кровь. И опять вроде брак становится терпимей. А если совсем никуда — так можно сразу бритвой по горлу. Для супружества полезны приключения. Как вы там в Имсте, развлеклись?

— В Имсте как будто что-то с нами случилось. Гала была бесподобна. Я сам себя не узнавал. Мы занимались любовью, как будто готовились к Олимпийским играм.

— Ну, Поль, за это стоит выпить, — сказал Луи и вновь наполнил бокалы.

Поль осторожно хлебнул вина. Впервые за многие дни он почувствовал, что меланхолия наконец оставляет его.

— Расскажи мне о Максе подробнее, дружище. Ты его ценишь как художника, или тебя привлекает нечто иное?

— Боюсь, я не смогу ничего толком сказать. То, что Макс талантлив — несомненно. В нем есть искра Божья. И он не конформист. Если ему что-то неинтересно, не сдвинется с места. А иногда он творит такое... Он бывает слишком страшен в своих фантазиях. Я боюсь за него.

— Или за себя?

Некоторое время они сидели в темной комнате, потягивая вино.

— А как твоя жена? У тебя с ней сейчас все в порядке? — нарушил молчание Луи.

— Вполне, — ответил Поль.

Он не осмелился сказать правду. С тех пор как они вернулись в Париж, он стал испытывать сложности в супружеских отношениях. Он не хотел Гала и всячески избегал близости. В последнее время их как будто разнесло в разные стороны. Если его радовал солнечный день, она лежала на кровати без движения, отвернувшись к стене. Если у него было спокойно на душе, то у Гала было наоборот, и ее нервное состояние действовало на него угнетающе. Он еще больше отдалялся от нее.

Но как бы она ни действовала ему на нервы, как ни была неприятна своей экзальтацией или мрачностью, даже нежностью и любовью, он осознал, что виноват перед ней. Он не готов был на полный разрыв, но должен был подвести ее к мысли о раздельной спальне, а затем и раздельном проживании. Он не хотел, чтобы она страдала, чтобы догадалась, как изменилось его отношение к ней. К тому же он был не уверен, что желание близости навсегда покинуло его. В их супружестве было уже не раз, что он остывал к ней, но затем что-то менялось в их отношениях, и он вновь стремился к близости. В прошлом он получал удовольствие от ее смелых ласк, удивлялся мгновенно вспыхивающей страсти — только задень, только протяни руку, теперь же ее притязания он расценивал как посягательство на его свободу. Он хотел передышки. Ему необходимо было разобраться в самом себе. Неужели и их постигла участь любого другого супружества: все начинается с того, что жизнь приобретает особый аромат, а заканчивается отвращением из-за предсказуемости и отсутствия интриги. Его жена перестала его будоражить своей тайной, Гала уже не сулила праздника, а предсказывала унылые супружеские будни. Его жена заставила его принять, что женщина обладает желанием, может быть, даже большим, чем мужчина. Поль привык, что она готова поддержать его во всех его экспериментах, без слов, каким-то особым чутьем угадывала то, в чем он нуждался. При его некоторой скованности перед новизной он думал о том, сможет ли он и в дальнейшем заниматься любовью с кем-то еще, кроме нее. Поль пугала мысль, что отныне он привязан к одной женщине. Ему приходило в голову, что он с облегчением бы воспринял, если его жена завела бы роман на стороне. Он не раз замечал, как начинали блестеть ее глаза, как вся она будто наполняется особым свечением, стоит ей оказаться в компании, где присутствует незнакомец. Поль не прочь был бы на время ее отпустить, пусть она заведет себе тривиальную интрижку, будоражащую кровь, как порнографический рисунок: кратковременный всплеск желания без подстежки серьезных чувств. Или самому вновь попробовать всколыхнуть свои чувства, банальным образом посетив кокетку?

— Луи, не желаешь немного встряхнуться? — осторожно начал он. — Может, познакомишь меня с какой-нибудь заводной девчонкой?

— А что ты скажешь жене?

— Неважно. Что-нибудь придумаю, — отрезал он.

Как только Луи представил ему Амели, Поль понял, что вся эта затея была ошибкой. Малышка, лет восемнадцати, была

хороша: крепко сбита, с милой мордашкой и темными кудряшками на аккуратной головке. Но, безусловно, Амели не принадлежала к женщинам его типа, ее глаза, казалось, были стеклянными, как у сделанной по заказу дорогой, но все же куклы.

Они сидели втроем в комнате, освещенной одиночной лампой под абажуром. Луи открыл бутылку шампанского, купленную по дороге, и они глядели, как крупинки пузырьков поднимались со дна. Амели чувствовала себя неловко, ее круглые глаза выражали растерянность. Перебросившись парой фраз с Полем, она отвернулась к Луи и стала рассказывать ему об общих знакомых, которых Поль не знал: Жюль, мол, попался на растрате, а Моника забеременела, Филипп женился на дочке владельца бакалейной лавки, а Виолетта бросила Жака и сбежала с цирковым артистом, по тот оказался кокаинистом и без лекарства в порыве буйства чуть ее не убил, и так далее. Поль слушал, с интересом наблюдая реакцию Луи, а тот делал вид, что всецело заинтересован разговором. Он качал головой и вздыхал, слыша о неприятностях, в какие попали люди, и перемежал это скабрёзными шуточками и комплиментами Амели.

— Ты прелесть, — говорил он и поглядывал на Поля.

— Обожаю этого парнишку, — отвечала она и, следуя его взгляду, поворачивалась к Полю.

— Мы давние друзья, да, малышка?

Амели хихикнула. Луи достал часы.

— Мне надо бежать, — сказал он и подал знак Полю. — Малышка, пока! Будь хорошей девочкой.

Амели послала ему воздушный поцелуй. В коридоре Луи задержался.

— Поль, — сказал он, теребя пуговицу на его пиджаке. — Амели славная и по-своему очень порядочная женщина. Только все зависит у нее от настроения. Может, с первого раза она будет немного холодновата, а может, и нет. Но не волнуйся — все что попросишь, выполнит без жеманства. — И приблизив губы к самому его уху, стал пояснять, что он подразумевал под словом «все». Поль чувствовал некую неловкость, сродни брезгливости, и в то же время замечал, что слова Луи его волнуют.

В комнате Амели встретила его звонким голоском:

— Луи — душка. Я его обожаю. Вы такой же хороший?

— Не знаю, как и сказать...

— Когда на меня нападает хандра, Луи всегда такой внимательный. Он добрый и хороший. Не знаю, как я бы выкручивалась без него.

— И часто у вас бывает плохое настроение?

— Бывает. С тех пор как меня бросил мой приятель, а Кити вышла замуж, я осталась совсем одна. Кити была хороша в моем белом платье. Я и платье себе сшила для свадьбы, а вот вышло так, что не я пошла в нем под венец. Женщина не может жить без мужчины. Разве я не права?

«Зря я не ушел с Луи. Здесь можно умереть от скуки», — подумал Поль.

— Мне кажется, я вас где-то видел, — сказал он, тут же поняв, что это правда. — Мы где-то еще встречались? Или вы актриса?

— Можно и так сказать. Я работаю в цирке, выступаю в кордебалете. У меня хорошие данные для танцовщицы, и я бы могла сделать карьеру, но, сами знаете, нужна поддержка. И к тому же я собиралась замуж, — зажуужала она.

Она действительно была похожа на многих танцовщиц кордебалета. Крепкое тело, профессиональная улыбка, милое, но незапоминающееся лицо. Возможно, он действительно ее видел, когда они втроем с Гала и Сесиль смотрели цирковое представление.

Амели была молода и наивна и ждала, когда он сделает первый шаг. Он протянул руку, обнял ее за талию и потянул к себе. С застенчивым видом она села к нему на колени. Поцеловав ее, он понял, что все будет не так просто, как обещалось, губы у нее были сухими, а тело напряженным — он видел, что она немного волнуется, так же, как и он.

— Давай еще что-нибудь выпьем. — предложил он.

Кивнув, Амели вышла. Поль прошелся по комнате с дешевой стандартной мебелью, с кроватью за ширмой в японском стиле, зеленым диваном и деревянными стульями, с фотографиями в рамках на кружевной салфетке, покрывающей комод. Он глянул в зеркало большого, во весь рост, трюмо и остался доволен своим отражением. Двадцать семь лет для мужчины — не возраст, чтобы страшиться старости. Но что станет с простушкой Амели, если она еще лет десять будет продолжать торговать своим телом?

Она вернулась с початой бутылкой виски и, разлив его по бокалам, вихляя бедрами, подошла к дивану.

За стенкой раздался странный звук, будто собака тявкнула.

— Ты раздевайся, я сейчас.

Она скрылась за дверью. Продолжая держать в руках бокал, Поль отчего-то последовал за ней. Амели склонилась над кроватью.

— Выпила и спи себе, — шептала она, натягивая одеяло, так что был виден только затылок с редкими седыми волосами.

— Кто это? — еле слышно прошептал он.

В досаде она махнула рукой, и ему стало неловко, будто он случайно заглянул в чужое окно и увидел то, что не предназначалось для его глаз.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросил он, когда Амели вернулась в гостиную.

— Забудь, — отмахнулась она и, зайдя за ширму, начала раздеваться.

Он достал бумажник и положил несколько купюр на комод. Ему захотелось поскорее уйти, оставив позади этот дом с чужой для него жизнью, но когда она вышла к нему уже с оголенной грудью с торчащими от прохлады сосками, он понял, что упустил момент. Она с выражением чуть ли не паники на лице попросила его приблизиться, и вид ее гармоничного женского тела и ее торопливые горячие поцелуи поманили его обещанием скорого освобождения.

Они упали на кровать. Амели была в исступлении или, по крайней мере, делала вид, что вне себя от восторга.

— Ты великолепен, — шептала она, — да-да, так хорошо, так просто чудесно, и еще, мне нравится. — Она продолжала в том же духе, пытаясь с помощью слов и прерывистого шумного дыхания приободрить его. Он же чувствовал себя таким одиноким, таким отчужденным: заменив желание техникой, он все же достиг того, к чему стремился. Чувствуя пот, проступивший на спине, влагу на глазах, он был почти счастлив и кончил со всхлипом.

— Милашка Поль, — вздохнув, сказала она и удовлетворенно потянулась. Она прильнула к нему и, уткнувшись носом в его руку, засопела. Когда же он пошевелился, она тут же открыла глаза и бодро спросила:

— Ты скоро меня снова навестишь? Когда?

— Не знаю. Скоро, — сказал он, думая при этом, что вряд ли когда-либо ему захочется оказаться в этой комнате с дешевой мебелью и старухой за стенкой.

Вернувшись домой, он окатил себя водой и в постели так крепко прижался к Гала, что она тут же проснулась. Она выдохнула:

— Будь со мной...

И тогда Поль взял ее, то ли причитая, то ли уговаривая сам себя:

— Я люблю, я люблю, я люблю тебя.

С Гала он не чувствовал своего одиночества и своей отдаленности. Ее тело давало ему уверенность в безопасности, служило пещерой, где он мог спрятаться от самого себя. Наслаждение, какое он чувствовал, обладая кокоткой, нельзя было сравнить с наслаждением, которое он получал от жены, и в

то же время все было точно так же: он прижимался и отдалялся, он стонал, он покрывался потом. И его пронзила мысль, что он хотел бы узнать, чувствует ли разницу Гала между тем, как обладает ею он, ее муж, или кто-либо другой. Ему хотелось знать, что почувствует она, когда не его руки будут касаться ее тела, хотел бы видеть ее лицо во время близости с другим мужчиной, чтобы уловить разницу. Он желал получить доказательства своего безраздельного господства над ней и в то же время стремился дать ей волю, чтобы освободиться самому.

* * *

— Как ты смотришь на то, чтобы в выходной пойти в цирк?

Поль, уже полностью одетый, с повязанным галстуком, присел рядом с женой на постель. Она, теплая ото сна, с растрепанными волосами, протянула руку и накинула на себя халат.

— Ну, что сказать Сесиль? Она все уши мне прожужжала, как хочет увидеть обезьянок в юбочках.

— Вся в отца. Он тоже обожает обезьян в юбках с голыми ляжками. Еще лучше без всяких юбок.

Он вздохнул и, протянув к ней руку, обнял за плечи.

— Не говори глупости.

— Ты вчера поздно пришел, — сказала она поднимаясь. Она подошла к зеркалу и, глядя в глаза собственному отражению, отчетливо произнесла: — Ты был с женщиной.

Ее глаза смотрели по-прежнему строго, лицо казалось особенно бледным в окружении вихря темных волос.

— Ты был с женщиной, — повторила она. Выражение ее лица ничуть не изменилось. Оно было по-прежнему спокойным и холодным. — Кто она? Небось, какая-нибудь дешевая кокотка, протеже Луи?

Гала отвернулась от собственного отражения и, сделав несколько шагов, села в кресло, расположенное напротив их супружеского ложа. Его молчаливая растерянность только подтверждала правоту ее предположения.

— Зачем тебе все это надо? — Лицо ее передернуло судорогой. — Я тебя люблю, и ты меня любишь. Так зачем?.. — Она поднялась, быстрым шагом пересекла комнату и остановилась спиной к окну. Лицо ее было в тени, а вокруг головы, подсвеченные солнечным светом, нимбом сверкали волосы. — Вчера мне стало невыносимо, и я пошла в ресторан, — продолжала она. — Представляешь? Пошла одна, как будто у

меня нет мужа. — Он молчал, и это ее еще больше разозлило. — Я сейчас скажу тебе кое-что, чего ты не знаешь о своей жене, — говорила она, все больше распаляясь. — Представляешь, меня приняли за шлюху. За дорогую шлюху. Мне предложили деньги, только чтобы я согласилась отправиться в Баден-Баден. И кто? Добропорядочный солидный мужчина с кольцом на пальце, вероятно, давно и счастливо женатый. Знаешь, я готова была согласиться, — выкрикнула она, — раз мной пренебрегает мой собственный муж, так пусть этот буржуа попользуется. Так что не думай, что я уже ни на что не гожусь. Если ты хочешь развлекаться — давай, я не буду устраивать тебе сцен. Но знай, я тоже живая и кое-что чувствую.

Улыбаться в такой момент было нелепостью, но Поль ничего не мог с собой поделать.

— Бедная моя женушка.

— Ненавижу тебя, — выкрикнула она и отвернулась от него к окну.

Поль пытался найти слова, которые могли бы каким-то образом успокоить ее. Врать не было смысла, он уже давно это понял. И вдруг он рассмеялся. Все, что вчера произошло с ним и с ней, показалось ему настолько нелепым, что он не мог сдерживать смех. Он снимает коготку, в то время как его жена ищет приключений на стороне. И в то же время сквозняком у него мелькнула мысль: не следовало ли ей согласиться? Было что-то возбуждающе-волнующее в том, чтобы отправить Гала в загул.

Он поднялся, в два шага преодолев разделяющее их расстояние, дотронулся до ее волос. Она тряхнула головой, будто сгоняя муху. Он легонько погладил ее по спине.

— Уйди, — сказала она. Ее голос прозвучал мягко. — Оставь меня в покое.

— Я уйду. Только все же я хотел бы услышать...

Уже более смело его рука от спины двинулась к ее шее, несколько дольше задержавшись между лопаток. Она поежилась.

— Милая, я знаю, что я был не прав. Но ты должна знать, что я дорожу тобой. Мне невыносима мысль, что я причинил тебе страдания. Но ты пойми, я способен на ошибку, как, впрочем, и ты, и все мы. Мы живем, а значит, ошибаемся. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы ты всегда была счастлива. И разве вчера тебе было плохо? Согласись, разве не было некой интриги, когда я взял тебя во сне?..

— Я ни с кем не хочу тебя делить.

Она повернулась к нему. Он обнял ее. Глаза ее наполнились слезами, и они побежали по ее щекам и стали капать прямо на лацкан его пиджака.

— Глупышка моя, моя девочка, моя красавица. Да разве кто-то может претендовать на меня? Ты — единственная, я люблю только тебя. А все остальное так, пустое. Даже если кто-то привлекает мое внимание, ты же знаешь, я тут же забываю обо всех, как только отворачиваюсь. Ты же со мной всегда. Твой запах, твои ресницы, твоя кожа, губы, ты вся — навсегда. Даже когда тебя нет рядом со мной, ты во мне. Мы так сроднились, что нас уже нельзя разделить, — говорил он, и она верила ему, как верил он сам.

Он уже забыл имя вчерашней кокотки, ее лицо, обстановку ее квартиры. Он помнил, что они занимались любовью на ее кровати, но о цвете ее глаз ничего не мог сказать. Удивительное дело, он мог вспомнить способ, каким она удовлетворила его (она довела его до кульминации с помощью губ), помнил слова, какие она произнесла во время соития, помнил даже седой затылок старухи за стеной, но совершенно не мог воскресить полностью облик вчерашней любовницы.

Из всех его любовных историй его память хранила лишь какие-то штрихи, яркие детали: неожиданные места, где случалась мимолетная связь, скабрёзности, мелкие извращения, с которыми он постепенно свыкался и принимал их как особые пикантные приправы к сексуальным играм. Все остальное его память педантично уничтожала.

Когда при встрече в Лионе его фронтовая подруга Жюли напоминала ему об их близости, рассказывая о том, как он подарил ей букетик ромашек, о том, как укрывал ее полрой своей шинели, пока они бежали к укрытию во время дождя, о том, как целовал ее озябшие руки, он отводил глаза, чтобы она не угадала его удивление; она переживала прекрасные минуты, а он был далек от ее чувствований.

И так было со всеми его любовницами. Похоже, Гала всецело завладела его памятью, и уже ни одна женщина не могла претендовать на нечто большее, чем легкий, растворяющийся во времени след. Его связь с Гала была настолько крепкой, что ничто не могло их разлучить. И это как раз вызывало в нем внутренний протест.

— Так что сказать Сесиль? Обещать ей цирк? — спросил он, оборачиваясь на пороге.

Гала лишь махнула рукой.

— Так я предупрежу бабушку, что в выходной мы втроем идем на цирковое представление? Пойду, обрадую Сесиль.

Он улыбнулся и закрыл за собой дверь. Все же интересно, узнает ли он в толпе кордебалета свою знакомую? И как ее имя?.. Адель? Мелисса? Амели? Вдруг ему захочется послать ей цветы?

Этот уголок на многолюдном курорте Имста был мало кому известен — к нему вела узкая, еле заметная тропинка с многими развилками, зигзагами и поворотами. Милая полянка, окруженная со всех сторон деревьями и кустарником, была расположена достаточно далеко от любимых мест прогулок отдыхающих, предпочитающих отдаляться от мест проживания на расстояние не далее чем милю, чтоб при малейшем подозрении на голод или жажду иметь возможность осесть в кафе и, глядя в распахнутое окно, наслаждаться прелестями природы, пережевывая отбивную с кровью и запивая ее пивом.

Гала и Макс отправились на прогулку раньше Поля. Он задержался для выполнения формальностей: получить денежный перевод и подписать открытку для Жанны-Марии и Сесиль, к тому же он должен был навестить Розу. Ночью Джимми не давал ей спать. После купания в озере у него поднялась температура. Джимми хныкал и жаловался на боль в горле, и Роза заснула только под утро.

На этот раз в Имсте они расположились большой компанией. Поль и Гала сняли для себя небольшой домик, остальная «банда» — Макс с Розой и Джимми, Тристан Тцара и Ханс Арп с подругами — в отеле «Gasthof Post». Для такого сборища был повод. В июле издательством «Six», владелицей которого была жена Филиппа Супо, был издан сборник «Несчастья Бессмертных», авторами которого были Поль и Макс. Сборник стал своего рода символом единения «дада».

Совместный отдых на озере должен был их еще больше сблизить. Солнце сияло, вино и беседа лились рекой. Всей большой компанией они гуляли по берегу озера или собирались на террасе отеля. Но постепенно компания стала разваливаться, уж слишком они все были разными. Ханс мог часами слоняться по окрестностям, находя удовольствие в уединении, Тристан же расцветал лишь тогда, когда блистал в обществе. Макс мог часами говорить, Роза — сутками молчать. Макс выступал горячо, убедительно, ярко и только смеялся над едкими замечаниями Мэтью Хозевсона, журналиста из Америки, что недавно присоединился к интернациональному дадаистскому кружку. Тристан, наоборот, совершенно не терпел никаких возражений. Он сплетал из слов паутину и опутывал, обволакивал всех, кто его слушал, но одна только реплика Макса или Поля, чей-нибудь нетерпеливый жест могли вывести его из себя. Тристан мог прийти в ярость от малейшей критики, бывало, стоило кому-либо

просто повернуться к нему спиной, он вскакивал со своего места и тут же, перепрыгивая через ступеньки, поднимался на крыльцо и скрывался за дверями отеля. Иногда все же случались неплохие вечера, когда вся компания устраивалась в креслах на террасе. Беседа превращалась в своего рода шахматную партию, где каждая цитата, суждение, каждый мыслительный ход были неразрывно сцеплены не только с предыдущей фразой, с которой они, несомненно, были связаны, но и с каким-либо суждением, высказанным или опубликованным ранее. Женщины присутствовали при подобных беседах только в качестве слушательниц, горящими взглядами приободряя выступающих, поддерживая своими возгласами: как умно, несомненно, талантливо. Право критиковать, да и то мягко, пошутить, поправить неточность, чуть-чуть погладить против шерсти имели только мужчины. Гала давно приняла эти правила и позволяла себе высказывать свое мнение только один на один с мужем. И тогда Поль всякий раз поражался ее цепкому и точному уму, способному выявить нелепости и парадоксы, слабости характеров.

Коллективная идиллия продолжалась недолго. Вообще, коллектив как единый организм может функционировать, когда существует определенная иерархия, структурная организация соподчиненности. Там, где каждый подчинялся своим собственным правилам, где никто не готов был признать абсолютизм другого, распад был неизбежен. К тому же у каждого был свой внутренний «хронометр». Арп и Макс вставали ни свет ни заря, а Майя Крузец и София Тойбер предпочитали спать долго и появлялись на публике в лучшем случае ко второму завтраку. Роза следовала распорядку дня согласно режиму малыша Минимакса. Вообще женщины с удовольствием нежились в своих шезлонгах на берегу озера, и их мало прельщали многочасовые пешие прогулки по окрестностям. Зато Макс, Поль и Гала обожали дальние походы и пикники на открытом воздухе.

* * *

На обычном месте Макса и Гала не было видно. Поль быстро стал подниматься по тропинке. Он чувствовал, как колотится его сердце, он задыхался, и это казалось таким чудесным — будто вернулись те времена, когда они с Гала узнавали друг друга в Клаваделе. С тех пор как они приехали в Имст, он чувствовал радостное оживление и в то же время легкую, посасывающую где-то в районе солнечного сплетения тревогу, предшествующую

радостному открытию. Он даже бросил курить, этим волевым актом ему хотелось отметить начало новой жизни.

Он выскочил на открытую площадку, заслонив ладонью глаза от солнца, огляделся: только кроны деревьев да шапки кустарника. Когда Макс окликнул его, звук прилетел к нему вместе с шелестом листвы:

— Поль, братишка. Эй, Поль, мы здесь.

Повернувшись на голос, он обнаружил Макса на одной из полян, чуть справа от того места, где они обычно устраивались. Гала шла ему навстречу, в светлой до полу широкой юбке и вязаной ярко-голубой кофте, глядя вниз, чтобы не споткнуться о камень или корень дерева. Темноволосая, стройная, освещенная солнцем, она казалась сейчас волшебным существом, наядой этих лесов.

— Привет! Ты что нам принес? — Она слегка запыхалась, возбужденный голос ее звенел, глаза ярко сверкали. — Мы ждем тебя здесь, уже начали скучать. Ты один? Роза осталась дома?

— Джимми капризничает.

— Ну и ладно. Что там в корзинке?

— Сыр, вино, стаканы. Мне пришлось заскочить в местный магазин. У нас вина осталась только бутылка. Я еще прикупил с дюжину, три бутылки у меня с собой, а еще я взял колбасы, хлеба, овощей. Я думаю, мы прямо здесь и пообедаем. Ты в кофточке? Не замерзла в тени?

— Давай сядем на солнышке.

Он поцеловал ее в шею. От ее запаха у него на лице вспыхнула улыбка.

— Эй, Поль?! Быстрее сюда. Я голоден, как стая волков, — кричал Макс и махал руками.

Гала пошла вперед, Поль с корзиной для пикника шел следом.

Они расположились на клетчатом, коричневом с желтым, одеяле в ажурной тени молодой липы. Макс был без рубашки, с оголенным торсом, Поль посчитал удобным для себя остаться в вязаном бумажном блейзере.

Они перекусили, выпили две бутылки вина и теперь, лежа на нагретом солнцем одеяле, наслаждались тишиной и негой, воцарившихся в их душах.

От солнца под опущенными веками Гала плыли красные круги. Голый торс Макса нагрелся и блестел капельками пота. Поль оставался в блейзере, но закатал рукава. Они не разговаривали и при этом не чувствовали неловкости, наоборот, ощущение покоя наполняло их, словно они были погружены в общий сон.

Поль повернулся на бок и оперся о локоть.

— А ведь стоит жить даже ради вот этого, — сказал он. — Стоит того, чтобы претерпевать многие гнусности, мучиться и ненавидеть, если знаешь — будет минута, когда все окупится. Вот та минута откровения. Я поймал себя на мысли... нет, это не мысль — ощущение и в то же время уверенность, вот те самые мгновения, когда я абсолютным образом счастлив. И мне кажется, что счастье мое переполняет меня. — Голос его звучал все громче и громче.

Гала сделала попытку открыть глаза, но отяжелевшие веки не подчинились ей, и она только улыбнулась и, вытянув руку, дотронулась до него. Он снова перевернулся на спину и, закрыв глаза, раскинул руки. Гала протянула свою руку, сжала пальцы его левой руки, Макс, как будто угадав ее движение, придвинулся ближе и протянул свою руку Полю. Сцепив руки, они лежали на спине, подставив проскальзывающим сквозь листву солнечным лучам свои лица.

Гала ощутила, как внутри нее возникает желание. Счастливое, прекрасное желание почувствовать близость родного человека. Ей стало мало просто быть рядом с Полем, чувствовать его руку, ей хотелось проявить к нему нежность, чтобы насладиться его нежностью. Она отняла свою руку. Поль не пошевелился. Она приподнялась. Поль остался недвижим и по-прежнему сжимал пальцы Макса.

Макс приоткрыл один глаз, облизнулся.

— Эй, парнишки! — сказала она. — Как насчет вина? У нас осталась еще одна бутылка. — Она села, закинув руки за голову, потянулась. Это кошачье движение вызвало улыбку на его влажных губах.

Макс тут же вскочил, пододвинул корзину, достал бутылку.

— Наверное, совсем теплое? — еле слышно лениво произнес Поль.

— Лесной температуры.

Макс приложил бутылку к его щеке, Поль улыбнулся, но не открыл глаз.

— Будешь? — спросил Макс его, как будто не сомневался в согласии Гала.

— Я вот о чем думал, — сказал Поль и одним рывком сел на колени. — Как кружится голова... — сказал он, приложив ладони к вискам.

— Сейчас-сейчас, — Макс оказался у него за спиной, начал массировать его затылок. — Ну, как? Лучше?

— Угу. Я блаженствую.

Большие руки Макса спустились ниже, стали мять его

блейзер на плечах.

— Погоди.

Поль скинул блейзер и, улегшись на живот, подставил его рукам голый торс. Макс сел на его ягодицы и с серьезным выражением лица, будто заправский массажист, своими большими ладонями стал поглаживать его спину.

— Я хочу выпить, — сказала Гала.

— Угу, — пробубнил Поль, не отрывая лица от своих сложенных друг на друга ладоней. Макс продолжал массировать его спину. Сосредоточенность друг на друге отделила их, словно они были на сцене, а она глядела на них из партера.

Она поднялась.

— Пи-пи, детка? — Чуть сощурившись, Макс смотрел на нее снизу вверх и улыбался во весь рот. — Возвращайся, мы без тебя будем скучать.

— Скучать? — Она вытянула руку с выставленным вперед указательным пальцем. — Прополоть грядки. Отделить зерна от плевел. Познать истину. И открыть бутылку, — серьезно сказала она, но в ее глазах играли чертенята.

Она вернулась, и они снова пили вино, дурачась, прямо друг у друга изо рта. Вино пролилось на обнаженный живот Поля, и Макс слизнул.

— А теперь я.

Гала задрала кофточку, и Поль капнул ей прямо в пупок. Затем они, пихая друг друга, затеяли шутивную свару за право попробовать вино, сдобренное запахом ее кожи.

Гала была весела, как никогда. Ей нравилось быть центром внимания. В ее посветлевших глазах горел огонек, влажные губы улыбались, а кожа сияла, как будто подсвеченная изнутри. Поль и Макс осыпали ее комплиментами, а она со смехом отвечала им.

— У меня возникла идея, — вдруг воскликнул Макс. — Мне хочется сделать скульптуру из шоколада. В качестве модели я возьму Гала. Как только скульптура будет закончена, мы соберем всю нашу банду, и каждому достанется по кусочку. Как ты на это смотришь, Гала?

Она улыбнулась и покачала головой. Макс сиял, как мальчишка, задумавший шалость.

— Чур, мои будут грудки, — сказал Поль и обнял ее. — И еще губки. И щечки. И шейка, — приговаривал он и целовал, целовал, целовал. А она все смеялась и смеялась.

— А мне достался вот этот шикарный окорочок. — Макс сделал вид, что хочет укунить ее за ногу. Она оттолкнула его, он упал на спину и задргал ногами и руками, как жук, который пытается перевернуться. Поль подал ему руку, и Макс,

ухватившись, потянул его за собой. Поль свалился прямо на него. Макс тут же сделал резкое движение, и Поль оказался под ним.

— Ах, ты так отвечаешь на заботу... Ты жизнью поплатишься, коварный! — Поль попытался вывернуться из-под него, но Макс еще крепче прижал его лопатки к земле. — Гала, SOS, спасай своего единственного мужа! — закричал Поль. — Меня хотят обратить в рабство.

— Иду на помощь.

Зайдя за спину Макса, Гала ухватила за его плечи, пытаясь опрокинуть его. Но тот, обернувшись, схватил ее за талию и повалил.

И вот они все втроем лежали на земле и хохотали.

Первой встала Гала. Макс смотрел на нее снизу вверх и качал головой.

— Хороша! Очень, очень хороша!

Поль подкатился к нему и с видом простака стал рассматривать ее.

— Ты находишь? — спросил он таким серьезным тоном, что они оба тут же рассмеялись.

— Несомненно. Грандиозная женщина. Я бы такую... — Макс не договорил.

Они посмотрели друг другу в лицо, и оба одновременно отвели глаза, испугавшись возможности проникнуть в мысли друг друга.

— Эй, мальчишки, как вы насчет того, чтоб перекусить? У нас остался холодный цыпленок и сыр.

— Мне не хочется. А ты как, Макс?

— А я снова голоден, — ответил он, тут же вскочил с места и уже открывал корзину. — Поль, давай сюда. Есть еще помидоры и вина на донышке.

Все снова уселись на одеяле.

— Здорово у нас тут, правда? — сказал Макс, с благодушным видом оглядываясь вокруг. — О таком времяпрепровождении я и не мечтал. Солнце не жарит, цыпленок, воздух хоть ложкой черпай. Что еще для счастья надо?

— Ты про меня не забыл? — с ехидцей напомнил Поль.

— Ты и Гала — так естественно. Как странно, если хорошо — кажется, что так и должно быть, и не замечаешь самого нужного. — Он сидел на коленях, в правой руке он держал помидор, левой потянулся к накрытой салфеткой тарелке. На секунду его рука застыла. Он пошевелил пальцами и только потом взял хлеб. — Вот рука, — продолжил он. — Она у меня есть, и я о ней совершенно не думаю. А если б мне ее оторвало... А если бы две...

— Пришлось бы рисовать ногами, — вставил Поль.

— Да хоть причинным местом, — тут же отозвался Макс и надкусил помидор так, что сок брызнул прямо ему в лицо. Он вытерся салфеткой и продолжил, как ни в чем не бывало. — Кстати, интересная идея. А, Поль, как ты думаешь? Стоит ли мое мужское достоинство использовать не по прямому назначению?

— Может, все же чем-нибудь менее ценным рисковать? Кисть можно новую купить, а вот твоего мальчика... Думаю, даже Джоконда не стоит таких рисков, — ответил Поль, лениво покусывая травинку.

— Интересно, а будут ли почитать Леонардо лет через сто? — задумчиво произнесла Гала. Она лежала на спине, наблюдая за плывущими в небе облаками. — Думаю, что и Леонардо да Винчи, и Рафаэль, и Достоевский останутся, как точка отсчета, как некая мера. Нужно же иметь постоянную величину, как, допустим, теорема Пифагора, закон Ньютона...

Она перевернулась на живот и, приподнявшись на руках, взяла кусочек сыра. Макс отщипнул от жареной курицы и поднес кусок к носу.

— Цыпленок не сдох? — Недолго думая, он кинул кусок белого мяса в рот и задвигал челюстями. — Нормально, ешьте, — сказал он, отламывая себе бедрышко с румяной корочкой. — Вот что я думаю, — продолжал он, жуя. — Рафаэля и Пифагора, мне кажется, тоже со временем задвинут на задворки. Двадцатый век с его мировой бойней показал, что ничего в этом мире нет ценного, кроме личной свободы. Коллектив, семья, нация — палачи. Ради чертовой национальной идеи нас с Полем загнали в окопы. Гала, ты знаешь, что в семнадцатом году и я, и Поль встретились на реке Сом? Мы были на разных берегах и друг друга чуть не перестреляли.

— Не говори так! — возмутился Поль и отбросил травинку в сторону.

— Молчу...

— Нет, ты скажи, что для тебя свобода? — вступила Гала после непродолжительной паузы. Она уже сидела, поджав под себя ноги, и пристально смотрела прямо Максу в лицо. — Мы не можем быть абсолютно свободными, ведь любовь, согласись, сама по себе уже и есть добровольное закрепощение. Я люблю, значит, я уже отдала себя во власть человека, который мне дорог, как никто и ничто другое.

— Разве мы не свободны вести себя по отношению друг к другу как угодно? Любовь — не кандалы и не цепи. Вот, допустим, мы живем на необитаемом острове. И как будто нам

долго предстоит жить на этом острове. Потому что на самом деле любой художник, если он творит, он Робинзон, он добровольно отделяет себя от остального мира. Отделенность — обязательное условие для творчества. Я буду поступать согласно моему желанию. А желание — не подчиняется воле. Единственное, что меня беспокоит — если исчезает это самое желание. Если я устал... Или у меня плохое настроение... Или у меня болит живот... Или если мне кто-то делает добро и ничего не просит взамен.

— Я ничего не прошу у тебя, — сказал Поль и положил ему руку на плечо. — Поверь, если я что-то хочу тебе дать, так потому, что мне самому этого хочется. — Он протянул ему стакан, на дне которого плескалось вино. Продолжая глядеть в его глаза, Макс взял из его руки стакан, одним глотком осушил. — Мне приятно видеть, с каким удовольствием ты пьешь, ешь, говоришь. Мне приятно, когда я тебе доставляю удовольствие. Подчеркну, мне, мне самому радостно видеть, когда радуешься ты. Может, для меня видеть твоё счастье — равнозначно тому, чтобы самому быть счастливым. Мне хочется делать для тебя разные вещи...

— Винцо-то было так себе, — Макс хохотнул. Ему было не по себе от яркого пронзительного взгляда Поля.

— Мы купим другую бутылку. Ты сам выберешь вино себе по вкусу, — сказал он так, будто за простой фразой стояло что-то более значительное.

— Рислинг надо пить очень холодным. Просто бутылка нагрелась, — подала голос Гала. — Макс, доешь сыр? А то он уже оплавился на солнце.

— К черту дрянную еду. — Поль схватил тарелку и швырнул ее в кусты. — Макс достоин самого лучшего.

— Я бы и от просто хорошего не отказался. Кстати, который час?

— Вечность, — сказала Гала и, согнув в коленях ноги, легла на одеяло.

— Уже четверть седьмого, — поглядев на часы, сказал Поль. — Давайте собираться домой. Роза, наверное, заждалась тебя, Макс.

— Никуда я не пойду. — Положив голову на живот Гала, Макс растянулся на одеяле. — Мне так хорошо, как, наверное, никогда не было. — Поль, ты знаешь, что твоя жена — самая лучшая в мире женщина? — сказал он, приподняв голову.

— Когда ты успел это узнать? — рассмеялся Поль и примостился рядом.

Втроем они шли под сенью мощных деревьев, наслаждаясь шелестом листвы, пением птиц и разговором. Когда лесная дорожка становилась особенно узкой, Поль пропускал вперед Макса и Гала, болтавших и шедших бок о бок. Макс и Гала двигались то быстро, и Поль едва поспевал за ними, то замедляли шаг, подчиняясь какому-то внутреннему ритму. Гала шла легко, грациозно двигая бедрами, Макс — чуть скованно, вероятно, ему приходилось подстраиваться под ритм ее шагов. Его плечи были опущены, голова чуть склонена, и светлые волосы его блестели, когда солнечные лучи падали на них в просвете между деревьями. Они остановились около осины. Опершись о ствол дерева, Гала согнула правую ногу, сняла туфельку и потрясла перед собой. Когда она снова надевала туфельку, она пошатнулась. Макс придержал ее за плечи, и этот доверительный жест взволновал Поля.

Когда они шли по территории, где располагалась гостиница, на них обращали внимание, но они шли спокойно, только Гала держалась особенно прямо, а ее бедра, может быть, чуть больше покачивались. Гала казалась счастливой, ее рука доверчиво обнимала талию Макса, и, казалось, ей нет дела до любопытных взглядов зевак. Новая волна нежности нахлынула на Поля. Прогретый за день воздух, запах листвы и начинающих увядать трав, некоторая усталость в членах от долгой прогулки наполняли его тихой радостью.

Они зашли в кафе, мимоходом поприветствовав Тристана и Мэтью, сели за отдельный столик. Не успел гарсон подойти к ним, как прямо перед ними очутилась Роза. Ее лицо полыхало, губы дрожали.

— А, привет, дорогая, — спокойно сказал Макс, как будто не замечая ее волнения. — Присядешь?

Он похлопал ладонью по сиденью стоящего рядом пустого стула.

— Я насиделась, пока тебя ждала, — сквозь зубы процедила Роза.

— Присаживайся или уходи, — невозмутимо сказал Макс и обернулся к Полю. — Ты не против жареной картошки?

— А к картошке что? — поддержал его Поль.

— Я не против судака в сметане, — наматывая на пальчик локон, протянула Гала.

— Она не против... — Роза упала на сиденье стула. Ее ноздри дрожали от еле сдерживаемого гнева. — Она не против судака в сметане. Она не против сожрать собственного мужа и закусить

чужим.

— Роза, опомнись. Что ты такое говоришь? Успокойся. — Гала протянула к ней руку и только коснулась ее ладони, как Роза тут же вскочила с места.

— Не смей дотрагиваться до меня, дрянь. Мне не нужен твой муж. И ты оставь моего в покое. Слышишь?! Оставь в покое мою семью. Мерзкое создание. Ты — русская шлюха.

Замахнувшись, она ударила ее.

Гала вскрикнула. Ее щека горела, из разбитой губы потекла кровь. Она даже не пыталась ее стереть и сидела неподвижно, бледная и растерянная.

Макс вышел из-за стола.

— Мне стыдно за тебя. — Он схватил жену за руку и дернул так, что та еле удержалась на ногах. — Пошли.

Роза вывернулась и, опершись о столешницу, приблизила свое лицо вплотную к Гала.

— Дрянь. Ненавижу. Ведьма.

Она было попыталась плюнуть ей в лицо, но Гала оттолкнула ее и бросилась бежать. После некоторого колебания Поль поспешил вслед за ней. Макс вскоре опередил его. Они догнали ее на берегу реки. Макс обхватил ее плечи, она вырвалась. Поль схватил ее за руку, она оттолкнула и его. Вся напряженная словно пружина, она стояла недвижно с лихорадочно горящими глазами, дрожащими запекшимися в крови губами, с бисеринками пота на лбу. Поль почувствовал к ней такую жалость, что готов был прослезиться.

— Гала, иди ко мне. — Он простер к ней руки. Она упала в его объятия.

Макс стоял поодаль. Взгляд его застыл. Он, как и Гала, был чрезвычайно бледен. Будто почувствовав его тяжелый взгляд, Гала обернулась. В ее глазах он угадал призыв. Он подошел к ней сзади, поцеловал ее в висок, чувствуя губами влагу ее кожи.

— Пойдемте домой, — сказал он.

Взявшись за руки, они пошли по дороге, не обращая внимания на косые взгляды и, как ни парадоксально, чувствовали себя счастливыми.

* * *

Макс перебрался в домик, который снимали Элюары, и большую часть времени они проводили вдвоем. Как определить то ощущение, что они испытывали? Радость узнавания. Эйфория открытий. Ощущение полной, неограниченной свободы. И

единение. Они действительно чувствовали себя единым организмом, функционирующим по своим собственным законам. Иногда они присоединялись к общему сборищу, изредка Макс посещал Розу с сыном. И все же они предпочитали свое гармоничное трио. Казалось, они говорили на своем непонятном для остальных языке, у них была своя территория, куда не было доступа для остальных, свой остров. Поль нашел в Максе друга, брата, продолжение своего собственного «я». Макс, такой оживленный, такой открытый, такой непосредственный, как будто сломал последние замки, открыл шлюзы, и, увлеченные потоком его бурной энергии, Элюары наслаждались новым витком их такой непредсказуемой любви. Присутствие Макса как будто давало им новые силы. Гала была центром притяжения двух мужчин, питала их творческой энергией. Ведь желание — это то, что необходимо постоянно кидать в топку творчества. Желание кипело, будоражило, давало ощущение полета. Оно обвивало их тройственный союз, подобно тугим нитям, оно увлекало их в свои лабиринты. Желание щекотало, дразнило, предвещало неизведанные ощущения. Касаясь друг друга, они чувствовали, как тела их наэлектризованы. Подпитанные этой энергией, они так и лучились счастьем.

Интрига их отношений вносила сумятицу в умы их товарищей. Эти люди, проповедовавшие низвержение всех буржуазных традиций, испытывали нечто похожее на ревность, глядя, с какой доверительной предупредительностью Макс и Поль относятся друг к другу, как они не скрывают своих теплых чувств к Гала. Поль — по праву мужа, Макс?.. Какова была роль Макса в этом триединстве? Гала тоже хотела бы знать сюжет пьесы, которую на ее глазах сочиняют эти взбалмошные мальчишки. И какая роль отведена в этой пьесе ей?

Элюары встретили Макса на вокзале. Гала смотрела в его светлые глаза, испытывая смутную тревогу. Его взгляд был ярок, ни следа тревоги, вины; он оставил жену с сыном в Кельне и с паспортом Поля пересек границу. Гала не знала, был ли он предупрежден, что они живут не в центре Парижа. После отдыха в Имсте они переехали в деревеньку Сен-Брис-су-Форе, в одноэтажный домик, который снял для них отец Поля. После появления внуки и вступления сына в семейный бизнес Клеман Грендель сменил гнев на милость и признал существование Гала. Нельзя сказать, что он воспылал к ней любовью, но начал относиться к ней терпимее.

— Не было сложностей? — спросил Поль, обнимая Макса за плечи.

— Никаких. Я скучал. — Макс протянул руки Гала, и та с видимой радостью пожала их, но по ее мерцающим глазам можно было догадаться, что она испытывала грусть и стеснение, похожее на стыд. Ее одолевали сомнения. Она слишком нервно воспринимала мысль о том, что Макс войдет в их дом. Чего опасаться? Ведь они так славно жили втроем в Имсте? Макс привыкнет к их семейному быту, непрочному, шаткому мирку, в котором обитают они с Полем и Сесиль. Эта жизнь не будет для Макса в тягость. Вон как он радуется встрече, думала Гала, глядя, как мужчины оживленно беседуют и похлопывают друг друга по плечу.

Они вошли в комнату, приготовленную для Макса, которая находилась сразу за их супружеской спальней и окнами выходила на опушку леса.

— Славно тут, — сказал Макс и раскинул руки в стороны. Было непонятно, доволен ли он или иронизирует. Комната была небольшой, и при его высоком росте потолок казался слишком низким.

— Я присматриваю другой дом, гораздо больший. Тебе нужна мастерская, — сказал Поль извиняющимся тоном.

— Пойдем на воздух, — сказала Гала мягко. — Здесь неплохо, Макс, тебе должно понравиться. Оглядишься немного и поймешь, что здесь действительно неплохо.

Она отметила, что, пока они добирались до места, Макс испытывал некоторое беспокойство.

Они пошли гулять, и он, не умолкая, задавал вопросы, с вниманием оглядываясь вокруг. Они добрались до кафе, где в

тишине почти пустого зала пообедали. Вернувшись, Гала вошла в дом, мужчины остались снаружи. Через открытое окно она слышала, как они то говорят, то умолкают. Потом хлопнула входная дверь. Она ждала, что они присоединятся к ней, но они прошли мимо. Послышался шум воды в ванной, громкий смех, сменившийся какой-то возней и плеском. Когда Поль вошел в комнату, она почувствовала, как он взволнован.

— Вы что, вместе принимали ванну? — спросила она, глядя на его влажные волосы.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Конечно, нет. Ванна слишком мала для нас обоих. И откуда у тебя эти мысли?

— Однако вы были вместе. Я слышала, как льется вода.

Он продолжал смотреть на нее. На его лице застыло выражение упрямства.

— Что с того? Макс мылся, я принес ему полотенце. Кстати, надо купить для него пижаму. Ему пришлось надеть мой новый халат. И вообще, надо сделать так, чтоб он чувствовал себя здесь уютно. Ты постарайся уж, ладно? Он так несчастен... Я очень прошу тебя, Гала, будь умницей. Ведь ты можешь.

— Я понимаю. Макс такой ранимый, как ребенок.

— Макс не ребенок. Он мужчина.

— И что ты хочешь от меня? — Она смешалась. — Поль, я боюсь, — вдруг сказала она, дрожа всем телом.

Он наклонился над ней, поцеловал прямо в губы.

— Ты моя девочка, моя умница, совсем замерзла. Давай-ка пойдем приляжем, я тебя согрею, — сказал он и, взяв ее, как ребенка, за руку, повел за собой.

* * *

Яблоко на дереве. Рука тянется его сорвать. Пальцы окунаются в нечто теплое... Нет, то не яблоко, то сердце на ветке: трепещущее, гулкое, пульсирующее... Он чувствует присутствие кого-то рядом. Женщина. Кто она? Он не видит ее лица, но знает, она улыбается, смеется и вдруг взмывает вверх. Он ощущает, как край ее широкого, легкого подола касается его лица. Он устремляется вслед за ней, догоняет, касается ее влажной, прохладной щеки. Но почему она плачет? И почему он снова ощущает тяжесть в своих ногах? Он смотрит вниз. Его ноги опутаны лианами, на лианах — цветы, на цветах искрится иней. Он чувствует холод. Ее руки обвивают его, стягивают, заковывают. Женщина дышит на него холодом. Он знает: если он

произнесет ее имя — больше ничего не будет... Никогда... Нет!!!

Как гулко стучит его сердце. Он спал. Как часто, провалившись в пограничную зону сна, он встречался со своими страхами, ужасом перед бездной смерти. Подчас он кричал и своим криком будил Гала. Она прижималась к нему, и они застывали, будто спаянные одними страхами, ждали, когда желание толкнет их друг к другу. В любовном экстазе они оба пытались забыться, как будто воссоединяясь, они могли отгадать загадку бессмертия.

Гала склонилась над ним, он уже чувствовал запах ее духов, смешанный с запахом кожи, как вдруг она вздрогнула и отодвинулась.

— Ты слышишь? — прошептала она.

— Что?

— Макс. Он не спит.

— Что с того? Ты знаешь, у него такое бывает.

— Нет, сейчас не так. Он как будто рядом, — шептала она еле слышно, и Поль ощущал, как напряжено все ее тело.

— Не глупи. Иди сюда. — Он схватил ее за лодыжку потянул на себя.

— Оставь. Я не могу.

— Хочешь, я схожу к нему, попрошу... Нелепость какая. Иди ко мне. Я тебя хочу.

— Нет-нет. Я не могу. Все же сходи к нему, посмотри, что с ним.

Поль поднялся. Бесшумно скользнул в коридор, толкнул дверь, вошел. Лунная дорожка освещала комнату слабым, фосфоресцирующим светом. Макс лежал с открытыми глазами, зубами сжав край одеяла. Его щеки блестели от слез. Поль присел к нему на постель. Макс не повернул к нему головы, не дрогнул, не позвал. Поль погладил его по щеке, чувствуя влагу на своей ладони.

Прямо поверх одеяла он лег рядом с ним. Макс закрыл глаза.

— Ступай к Гала, — сказал он еле слышно.

— Ты как?

— Все хорошо.

— Я с тобой. — Наклонившись к его лицу, Поль прижал губы к его трепещущему веку. Макс выпростал руки из-под одеяла, прижался к нему и почти сразу легко оттолкнул.

— Ступай. Займитесь любовью.

— А ты?

Он увидел на его лице слабую улыбку.

Поль вышел.

— Он спит, — сказал он и присел на край кровати. Гала

положила голову ему на колени... Все время, пока она его ласкала, он снова и снова представлял себе поблескивающие, прозрачно-светлые душераздирающе одинокие глаза, горячее, прерывистое дыхание. Ему казалось, что это не его дыхание, это дышит его другая часть, скрепленный с ним воедино его брат-близнец, его половинка... Это не у него катятся из глаз слезы, это плачут они оба... Это не он входит в лоно своей жены, они вместе познают ее...

Утомленная Гала заснула. Сон бежал от него. Поль встал, надел пижаму и, открыв фрамугу, закурил. Он ощущал в своей душе не тихую благодарную радость, но тяжесть печали. Он чувствовал себя уничтоженным, разбитым и усталым настолько, что дрожала каждая жилочка, был напряжен каждый нерв.

Он обернулся. Вжавшись в постель, Гала была недвижима, не было слышно ее дыхания. Он почувствовал раздражение. Напитавшись его силой, вытянув из него всю страсть, она не даровала ему покой, но затянула его в темную ночь тоски и опустошения. Был ли он счастлив с ней? Сейчас он уже сомневался, что она вообще может ему что-то дать. Разве ей есть чем с ним поделиться? Женщины — это бездонный водоворот, крадущий мужчин у самих себя. Они питаются их энергией, вторгаясь в их мечты, они лишают их полета. Семья — тюрьма для духа. Супружеская постель — могила.

Поль вновь и вновь возвращался к мысли, что, женившись на русской, он совершил непоправимую ошибку. Война и страх гибели привели его к алтарю, рождение дочери навсегда опутало его обязательствами. Поль завидовал легкости Макса, с какой тот оставил жену и сына. «Художник не признает рабства, даже семейного», — как-то сказал Макс, тут же обмолвившись, что Гала — не буржуазная супруга, как его Луиз-Роза, она — Муза, праздник для души и тела. Но знал бы Макс, как Гала требовательна в своей любви! Отдаваясь, она ищет полной взаимной отдачи. Поль все чаще приходил к заключению, что отношения, в которых нет ни следа обязательств, где ни один из партнеров не посягает на свободу другого, где есть место для смелых эротических экспериментов за рамками традиционной семьи, только такие отношения могут принести удовлетворение.

Он потушил сигарету, открыл дверь и вышел. Недолго поколебавшись, откинул одеяло и лег рядом с Максом. Его мерное дыхание успокоило его, и он окунулся в сон.

— Мне снился чудесный сон. Сон, пробуждающий желание. Сновидение было настолько ярким, что желание не оставляет меня и наяву.

Поль стоял на пороге столовой. Все еще в пижаме, тапочках на босу ногу, с взлохмаченной от сна головой.

Гала отложила книгу.

— Будешь кофе? — спросила она, пододвигая к себе кофейник. — Кофе горячий.

— Макс где?

— Утренним поездом отправился в Париж. То ли Луи, то ли Андре, или кто-то другой сегодня должны ему позировать. Он задумал картину всей нашей компании. Я там тоже буду.

— Обнаженной?

Поль сел за стол.

— «Завтрак на траве» уже никого не шокирует. Надо бы предложить Максиму вас всех раздеть, а меня одну оставить в платье.

— Замечательная идея, — хохотнул он и, пододвинув к себе кофейную пару, начал крутить чашку на блюдце. — Ты хочешь узнать, что мне снилось? — спросил он, не отрывая взгляда от фарфоровой чашки.

— Так налить тебе кофе?

Поль кивнул. Сделав глоток, он отставил чашку и закурил.

— Я тебе расскажу, что мне снилось, а ты потом скажешь, что ты обо всем этом думаешь. — Его блестящий лихорадочный взгляд насторожил ее.

— Я внимательно слушаю.

— Сон немного странный. Но ты знаешь, мы не властны над нашими видениями.

— Поль, не тяни, — сказала она, пододвигая к себе книгу.

— Так вот. Я спал... Во сне я видел себя спящим и в то же время знал, что это сон. — Он улыбнулся. Улыбка его была чуть натянутой, неестественной. В глазах как будто мелькнула тревога. — Я лежал на кровати рядом с женщиной, личность которого не мог с уверенностью определить, знал только, что мужчина покорный и молчаливый.

— Мечтатель. — Гала покачала головой и вздохнула.

Она догадывалась, о чем будет говорить муж. Что ж... она снова ответит ему, что не принимает его провокаций. Макс для нее все равно что ребенок. Большой, взбалмошный, избалованный, очень милый, но не более. Играть с ребенком можно только лишь в безобидные игры. Спиритические сеансы, совместный сон, даже поцелуи, объятия, флирт... Дальше — запретная зона. Она чувствовала, если перейти грань,

отделяющую смелые фантазии от реальности, они разрушат все, что с таким трудом создавалось, их хрупкий, шаткий супружеский союз может быть разрушен. Поль постоянно убеждал ее, что любовь и физическая близость — не идентичны. Она отказывалась это понимать. Постоянно окруженная мужчинами, интересными, творческими, волнующими, она осознала свою уникальность, была признательна всем, кто восхищался ею, кто видел в ней объект своих желаний. Но ни один из них не мог ей внушить того глубокого чувства, какое она питала к мужу. Никого из них она не видела равным ему. Гала стала предполагать, что подчас Поль тяготится ее привязанностью. Он пенял ей, что она слишком серьезно относится к супружеской верности, что не хочет понять интриги бездумной, спонтанной, без обязательств, физической любви.

— Так ты готова выслушать? — Он прямо посмотрел в ее глаза. Неужели самая смелая, самая открытая, самая умная женщина, какой он считал свою жену, не захочет его понять?

— Мне интересно. — Гала ответила ему немного искусственной ободрающей улыбкой. — Я вся — внимание.

Поль снова закурил. Взволнован, определила Гала.

— Итак, мне снится, что мы лежим вдвоем. Я лежу спиной к нему. А ты, во сне я понимал, что это именно ты, и никак не другая женщина, ты приходишь и ложишься рядом со мной. Ты влюбленно, нежно целуешь меня в губы, я же ласкаю под платьем твои текущие и такие живые груди. И потихоньку твоя рука поверх меня ищет того, другого, и ложится на его мужскую плоть. Я вижу это по твоим глазам, которые постепенно воспаляются все больше и больше. Твой поцелуй становится все более горячим, более влажным, зрачки расширяются. Жизнь другого вливается в тебя...

Он потушил сигарету и порывисто встал.

— Иди ко мне...

Он повлек ее за собой. Одним движением распахнув дверь комнаты, где поселился Макс, он опрокинул ее на его кровать. Она смотрела на него снизу вверх, ее глаза жгли, будто она хотела прочесть, что он хочет от нее. Она заметила на спинке стула шарф Макса. Подтянув под себя ноги, она села на кровати, ухватила его за край. Черный, в желтых разводах, шарф змеей сполз к ней в руки и уютно устроился на ее коленях.

Поль связал ей запястья.

— Тебе не больно? — спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

Он привязал ее руки к спинке кровати.

— Ты же не можешь вырваться? — спросил он.

— Нет, я не хочу, — ответила она.

Он поднял подол ее домашнего платья, на ней не было трусиков. Она молча продолжала смотреть на него, пока он сбрасывал с себя одежду. Он упал на колени подле кровати и стал целовать ее бедра, живот, лодыжки... Когда она почувствовала, как его пальцы впиваются ногтями в ее бедра, она попыталась отстраниться, он прикрикнул на нее. Она принялась извиваться, чувствуя, как шелк врезается в ее запястья. Она не свободна, подчинена, у нее нет возможности сбежать.

— Поль, — сказала она, — развяжи. Мне не нравится.

— Замолчи! — Он замахнулся на нее. Она видела его горящие, налитые кровью глаза и не могла оторвать взгляда. Вместо того чтоб ударить, он поцеловал ее.

— Ты моя?

— Твоя, — выдохнула она.

И снова его голова оказалась между ее ног, и она ничего не видела за пеной своего закинутого ей до плеч подола. Он схватил ее за бедра и притянул еще ближе. И целовал, и терзал ее руками, и снова целовал. Она металась под его ласками, она кричала от страсти, пронзительного до боли удовольствия.

— Что ты чувствуешь? — спросил он, переводя дыхание.

— Не знаю... Таких слов нет у меня.

— Ты хочешь меня? Скажи! Скажи: «Возьми меня!». «Возьми меня... Макс».

— Я вся твоя.

Холодок скользнул между ними. Она почувствовала, что он отстраняется от нее. И вот его нет рядом. Поль сделал шаг в сторону двери.

— Нет, нет, не оставляй меня, — застонала она.

— Я жду.

— Возьми меня... Макс... — с трудом протолкнула она слова. Казалось, ее сердце остановилось. Он снова был над ней. Она обмякла под ним с распахнутыми настежь глазами и сжатым в тонкую полоску ртом.

* * *

Корабль ищет укрытия от штормов в тихой гавани, но как только трюмы вновь полны, а буря стихает — снова отправляется в путь. Так и человек, стремясь спастись от невзгод, находит пристанище в тишине семейного покоя. Но вскоре повседневную жизнь оплетают тенета скуки, тишина страшит глухотой; простые, обыденные ритуалы мучают своей предсказуемостью,

сводят с ума своим карусельным кружением, повторяясь изо дня в день, из года в год. Для любви череда похожих один на другой дней — большее испытание, чем страдания разлуки.

Все чаще Поль приходил домой раздраженным, с пустым, будто обиженным взглядом. Гала делала все возможное, чтобы флюгер его настроения менялся от апатии к интересу, от меланхолии к возбуждению. Она развлекала его, как могла. Своим вниманием, тактом, своей искренней заинтересованностью в его новых идеях она поддерживала в нем желание творить. А как Гала слушала его! Он не мог не оценить по достоинству, с каким вниманием она вслушивалась в его слова. Ее глаза говорили, что она понимает скрытый смысл его слов, мелодию его речи. Но казалось, ее внимание, ее неизменная готовность к любви все больше раздражали Поля. Он избегал ее общества, предпочитая все свое свободное время проводить с друзьями и, как она догадывалась, с другими женщинами. Поль больше не скрывал от нее, что он не может сохранять моногамные отношения.

Я мечтаю обо всех красотках,
Что гуляют летними ночами
Под присмотром
Медленной луны.

Поль убеждал ее, что все его похождения ничем не угрожают ей. Она ему по-прежнему дорога и ценима им, как никакая другая, но те, другие, питают его новыми эмоциями, необходимыми ему как допинг, как бодрящее лекарство. Познавая иные тела, он как будто проживает многие жизни. Умирая (ведь оргазм есть маленькая смерть) в чужих постелях, он возвращается к ней, чтобы возродиться. И если она готова его понять и принять в его полигамном естестве — это и будет абсолютным слиянием, полным проникновением. Это и есть истинная любовь.

Гала почувствовала себя в ловушке. Принять его многочисленные связи — страдать. Продолжать бороться — бессмысленно. Уйти — умереть.

Ей вдруг пришло в голову, что существует способ вернуть мужа. Если он считает Макса продолжением своего ego, она наконец решится и станет его любовницей. Гала чувствовала, что это не та дорога, по которой ей хотелось бы идти, но иных путей она не видела.

Она поставила вазу со свежесрезанными цветами на стол и остановилась. Рука ее сама собой потянулась к листу бумаги, лежавшему в круге света, отбрасываемом торшером. Причудливые узоры, переплетаясь, образовывали фантастический пейзаж.

— Н-да... что-то новое. Немного страшно, как во сне, но что-то в этом есть.

— Мне показалось интересным перенести на бумагу структуру дерева. Я начал тереть грифелем, придумывать, что можно было бы увидеть в проступивших линиях. Ты понимаешь, мне бы хотелось вытащить в наш реалистичный мир нечто сокрытое от нашего сознания, но более живое, чем, может быть, мы сами.

— Поль это видел? — спросила она и застыла в ожидании ответа. Мужа не было дома несколько дней. Больше месяца он избегал близости с нею.

— Поди сюда, детка, я скучал, — сказал Макс. Его длинные тонкие пальцы перебирали цветы, а глаза были устремлены на нее. — Хочешь, я нарисую тебя? Может, через мой рисунок ты узнаешь себя по-другому.

— Ты и из меня хочешь вытащить нечто сокрытое? Вывернуть мои кишки наружу? — зло пошутила она, отбрасывая от себя листок с рисунком.

Он отошел в глубь комнаты. Послышался звук стекла о стекло.

— Хочешь выпить?

Она взяла из его рук бокал, присела в кресло. Макс ходил по комнате и все говорил, говорил, когда он видел, что ее бокал становился пуст, он подходил к ней, подливал вино, касался ее лица, оголенных по локоть рук, дотрагивался до волос. Гала чувствовала, как по ее телу разливается слабость, и она с трудом разбирала его слова.

Он открыл вторую бутылку. Снова наполнил ее бокал. Она выпила, а потом молча, с какой-то странной безучастностью, будто была совершенно одна, медленно, делая небольшую паузу на каждой пуговичке, стала расстегивать блузку. Распахнув полы, она устремила на Макса долгий, подернутый пеленой взгляд. Этот взгляд привел его в замешательство. В нем не было ни доли кокетства, ни веселой игривости, ни нежности или лукавства. Он не имел ничего общего со всеми теми взглядами и движениями, которые он принимал ранее от Гала. В нем он увидел такой силы призыв, что растерялся, и его вмиг похолодевшие губы перестали подчиняться ему.

Не отрывая от него своего необычного и такого волнующего

взгляда, Гала медленно поднялась с кресла. Сделав шаг, она переступила через упавшую к ее ногам юбку, сбросила кофточку и осталась в одних тонких чулках. Ее левое бедро окружала телесного цвета подвязка. Правый чулок поддерживала ярко-красная, с черными кружевными оборками, «сувенир», захваченный Полем из одного вояжа к любовнице. Может, в другое время ему бы показалось все это забавным, но в напряженной, будто наэлектризованной тишине Макс не испытывал ничего, кроме нарастающего возбуждения.

— Иди за мной, — сказала Гала таким тоном, что не подчиниться он не мог.

Они вышли из дома. Ночь была теплой. Ни звука. Только умиротворяющий стрекот сверчков. Она остановилась. Ее глаза как будто вобрали в себя всю темноту ночи, кожа лучилась лунным светом.

Он разнял пуговицы на брюках и, отбросив в сторону рубашку, встал перед ней. На мгновение ее охватил испуг — если она повернет назад, все останется по-прежнему — но вот он встал перед ней на колени... Она почувствовала его дыхание у себя между ног, его руки на своих лодыжках. Пути назад у нее нет.

Его руки поползли вверх по ее ногам, к пояснице, потянули за собой. Ветерок, поднимавшийся и снова умиравший в листве окружавших их деревьев, был совсем легок. Она подняла голову вверх и посмотрела на небо. Луна казалась серебряным сердцем, пульсировавшим над нею. Она думала об этом, когда падала к его ногам, и тут же забыла, когда он начал ее целовать. Его поцелуи были такими горячими, страстными, что не оставляли ей путей к отступлению, она поняла, насколько они оба изголодались. Она чувствовала его горячие губы, его сильные руки повсюду на своем теле, как будто у него был не один рот — сотни, не две руки — тысячи. У нее кружилась голова, и она уже не испытывала ничего, ни страха перед будущим, ни отчаяния, что толкнуло ее на этот последний шаг.

Его сильные руки дирижировали ее движениями. Она встала на четвереньки. Его первое движение было таким мощным, что она вскрикнула. Блаженство, укачавшее ее, было прервано. Она подалась вперед, попыталась выскользнуть, но он так глубоко проник в нее, что ей не оставалось ничего иного, как подчиниться его силе. Он на секунду отпустил ее и снова притянул, чтобы войти в нее глубже. Она держалась за траву и только чуть поворачивала голову, глядя и не видя ничего вокруг себя. Она чувствовала, как его пальцы впиваются в ее ягодицы, движутся ниже, к бедрам. Оглушенный своим желанием, он царапал ее кожу, рычал, как зверь, он готов был вцепиться зубами в эту

прохладную, налитую лунным светом плоть. Она стонала, металась, вскрикивала, и он продолжал ее терзать, пока она не обмякла под ним.

Он было отпустил ее, как она прошептала:

— Эжен, продолжай.

Его будто ударили. Она назвала его давним именем своего мужа. Так с кем она занимается любовью? С ним или с фантомом?

— Гала... — выдохнул он и разжал руки.

— Продолжай! — закричала она.

Отчаяние в ее голосе ужаснуло его, и он вышел из нее. Пошатываясь, она встала. Подняв ногу, стянула подвязку с правой ноги, выбросила куда-то в темноту. Ее голос прозвучал глухо и твердо:

— Макс, пойдем в дом. Я постелила чистые простыни.

Она решила умереть. Всю свою жизнь бежавшая мысли о смерти, жадно проживающая каждый день, еще молодая, с красивым гибким телом, ясным умом, пылающим в своей жажде открытий, она приехала сюда, в Кадакес, в последней надежде — в самой последней — возродить угасшую любовь или найти смерть.

Она чувствовала безмерную усталость. От себя, от опостылевшей рутины жизни, суеты и тщетности всех ее усилий. Она знала — только любовь искупает грех существования. Без страсти, без нежности, без взаимного проникновения, сплетения, врастания друг в друга жизнь ей казалась гулко-пустой, безмерно унылой и тягостной. Она, созданная для праздника любви, потеряла свой дар. Истонченная постоянными разрывами, испещренная множеством ран от обид, любовь покинула ее.

Ее возлюбленный, ее муж, ее единственная страсть, ее Поль, налитанный не знающей границ, до самоотречения безмерной ее любовью, вырос как личность, как поэт, как творец, во многих своих поступках оставаясь избалованным мальчишкой, капризным и непредсказуемым в своих противоречивых желаниях.

Он хотел, чтобы она была совершенством. Чтобы все вокруг видели — он владеет этой совершеннейшей женщиной: чувственной, влекущей, оглушающе-эротичной. Он готов был отдать ее тело на дегустацию тем, кого считал себе равным. Он наблюдал, как разворачивается нарочито-показной роман его жены и друга: ревновал, мучился, испытывал боль. И упивался своими страданиями. Он надолго исчезал из дома и по прошествии какого-то времени вновь возвращался. И снова Гала находила в его взгляде призыв, она любима, она — самое ценное, что у него есть. У нее возникала иллюзия, что страсть вновь захлестывает их с еще большей силой. Но он снова исчезал, и когда возвращался, она угадывала в нем следы присутствия других женщин.

После того как он толкнул ее в объятия Макса, Поль не считал необходимым скрывать от нее свои похождения. Он рассказывал ей о своих связях, чем и как одна женщина отличается от другой, когда и каким способом он овладевал ими.

Слушать его речи было все равно что ступать босыми ногами по остро наточенным лезвиям ножей. Он украшал свои рассказы мастерскими изображениями, меткими фразами, абсурдными комментариями. Рассказывая жене о своих странных

похождениях, он как будто освобождался от своих страхов, очищался от мерзостей, помутивших на время его разум. В какие-то моменты Гала чувствовала бесконечную жалость к этому мальчишке, запутавшемуся в своих заблуждениях. Ей было противно и больно, и бесконечно его жаль. Она прижимала его к себе и гладила его такую не по-мужски нежную кожу, а он рыдал, спрашивая ее, простит ли она когда-нибудь его, сможет ли понять. Она омывала его тело, поливая из кувшина теплую воду на его согнутые плечи, растирала мочалкой его безволосую грудь, а он, как молитву, твердил: «Я чист перед тобой помыслами. Ты моя единственная, бесценная. Я люблю только тебя, и всегда любил только тебя. Не могу любить никого другого. Без любви никогда ничего нет, все потеряно, потеряно, потеряно, гнусно, полно всяких осложнений, пошлых и недостойных мучений. Жизни нет, есть только любовь». И она снова целовала его, все больше воспламеняясь от своих собственных поцелуев. И он овладевал ею, пораженный своим вновь вспыхнувшим желанием, застигнутый врасплох внезапностью накатившей страсти.

На какое-то время в их дуэте снова воцарялось согласие. Поль был спокоен и даже весел. Он нанизывал метафоры, творил поэтические строки, складывал мозаику прекрасных образов, удачных рифм и аллитераций. Он творил. Он был щедр. Он был нежным и обходительным. А она все больше тревожилась, слушая его, приглядываясь, погружаясь в его жизнь, она искала признаки начала распада их такого шаткого союза. Она хотела бы ошибаться в своих выводах, но холод отчуждения проявлялся в его вдруг остывшем взгляде, едком замечании, все более частом стремлении дистанцироваться от нее. Он уходил спать от нее в другую комнату. Однажды, возбужденный разговором о своем только что подписанном в печать новом сборнике, он увлек ее за собой, оставив Макса, который продолжал жить в их доме, наедине с грязной посудой.

Они лежали обнаженные в постели. Поль был разгорячен вином и своим собственным многословием. Он расточал ей комплименты, читал ей свои новые стихи, ласкал ее.

Разрезом глаз своих мне сердце обручила.
Круг танца, нежности горнило.
Мне кажется, что я не жил ни дня,
Когда твои глаза не видели меня.

Не позволяй мне быть тобой забытым,
Не позволяй мне раствориться в мире.
Мне страшно стать лишь этими стихами,

Он повторял ей без усталости: «Знаешь, я люблю тебя. Ужасно люблю. Нет никого, кроме тебя. Обожаю тебя. Мое прелестное создание. Моя единственная. Только ты одна волнуешь меня. Ты одна, кого я люблю всем своим существом». Ее тело требовало того, что обещали его речи, но член его был вял. Она попыталась помочь ему, но он вдруг впал в безудержный смех, а затем разразился рыданиями. Ему скоро тридцать, а он — старик, ничего не хочет, не может. Ему кажется, что все лучшее у него позади, он исписался, его душа больше не родит лучших стихов...

И вскоре Поль исчез. Уехал. Куда? Никто не знал. Может, он решил совершить акт творческого самоубийства? Его неожиданный отъезд друга-«дадаисты» посчитали символичным. Их кумир Артюр Рембо после выпуска сборников «Озарения» и «Сквозь ад» тоже без объяснений «ушел в никуда», таким образом окончательно порвав с творчеством. А может быть, Поль захотел узнать, каков он есть сам по себе без влияния извне? Отделить себя от будничной жизни: от продажи земельных участков и творческих дискуссий, от кабаков и кокоток, от творческой вольницы и обязательств перед семьей. Выставить полотно из рамы. Вынуть себя из привычного окружения.

Или его вынудила оставить Париж его русская ведьма, загадочная и тревожащая жена, его «женщина-праздник», которая предпочла своему мужу-поэту любовника-художника? Эта коварно-чувственная колдунья — палац, уничтоживший поэта.

Обвинить покинутую женщину — нет ничего проще. Гала не может защититься, у нее нет права голоса. Все презрение — ей. Без денег, с проклятиями Клемана Гренделя, с ненавистью Андре Бретона, Луи Арагона, Тристана Тцара, с ребячливой отстраненностью Макса Эрнста, она оказалась безоружной перед своим одиночеством.

Любила ли она Макса? Она уверена — нет, никогда. Это Поль испытывал к Максусу чувство восхищения, граничащего с обожанием. Он находил с этим странным мужчиной-ребенком полное взаимопонимание, слияние поэтических порывов. Именно Поль стремился к полному переплетению через общее творчество, совместный быт, полигамию. Его сексуальность, сначала робкая и чуть ли не чопорная, разбуженная вырвавшимся на волю воображением, требовала все новых и новых стимулов. Именно Поль настаивал на их тройственной семье. Гала была для этих двух таких неординарных мужчин только посредником в их тесном союзе. Что может быть большей жертвой, чем отдать свою

любимую другому мужчине? Жертва или полное доверие? Или боязнь самому дойти до края?.. Может, посредством общей женщины Поль и Макс любили друг друга, а она была столь слаба, что уступала их желаниям и требованиям своей собственной плоти зрелой тридцатилетней женщины?

Как бы то ни было, любовь втроем измучила ее до крайности. Она — женщина ОДНОГО мужчины. Пусть и отчаявшегося, разочарованного, опустошенного.

У отчаянья крыльев нет,
И у любви их нет,
Нет лица,
Они молчаливы,
Я не двигаюсь,
Я на тих не гляжу,
Не говорю им ни слова,
И все-таки я живой, потому что моя любовь
и отчаянье живы.

Эти строки из нового сборника «Умирать от того, что не умираешь» подсказали Гала: жди и будь готова протянуть руку помощи, чтобы в который раз спасти мужа от его же собственных страхов.

И на этот раз она не ошиблась. Поль в Индокитае. Островитянки со своими безыскусными ласками не смогли вдохнуть в него новые силы. Он зовет свою жену, он ждет от нее новых жертв. И вот после четырех месяцев разлуки Гала, Макс и Поль воссоединились. Но тут же, в Сайгоне, их трио распалось. Макс удалился в одиночестве, и Гала с Полем возвратились в Париж вдвоем.

На корабле, возвращающем их из Индокитая, у нее возникла иллюзия, что Поль готов принять их дуэт как высшее откровение. Они снова были вместе. После слез и рыданий к нему вернулось его мужское желание. Он снова стал радоваться ее поцелуям, ласкать ее тело. Они как будто вновь один через другого открывали самих себя.

В Париж Гала вернулась иной женщиной: сильной, до отчаяния смелой. Она приняла решение. Если Поль не откажется от своих эротических эскапад на стороне, она пойдет на поиски того, для кого станет неповторимой. Ей опостылело быть одной из многих. Пусть Поль считает ее лучшей, она может быть только ЕДИНСТВЕННОЙ. Ее терпение иссякло, у нее нет сил иметь дело с вечным подростком, переживающим один за другим кризисы взросления. Ей нужен взрослый мужчина. Мужчина не ищущий —

знающий, что она одна такая, она незаменима, несравнима, она — все, что ему нужно. Она не могла больше допустить, чтобы вновь начался тот цикл, который они прошли со многими потерями. И если Поль снова пойдет по тому же кругу, она найдет силы вырваться и изменить траекторию своей жизни.

По возвращению в Париж Поль вернулся в клетку своих постоянных связей. Элюар стал завсегдатаем кафе «Сирано» на площади Бланш, где собирались приверженцы нового течения — сюрреализма, восстановил отношения с Максом. Гала лишила Эрнста своей любви, но Поль не может отказаться от мечтаний воссоединиться с братом по духу. В сборнике «Вместо молчания» Элюар и Макс снова вместе.

Элюар:

Подрумянивать дьяволицу
Она бледнела
Она жила чтоб забыться

На площади заблудиться в тумане
Лицо ее манит все обволакивая вокруг

Заставить смеяться некую
Что если она из камня?
Будет обвал.

И иллюстрации — быстрые рисунки Эрнста — портреты Гала, вереница лиц: без тени умиления, без какого-либо намека на нежность. Не дружелюбие и очарование — но только пронзительная злость. Макс отвергнут и мстит?

Пусть его. Макс Эрнст? А что это такой? Ах да, она была знакома с этим подростком, играющим ножницами, клеем, красками.

Для Поля важен его творческий кружок. Его по-прежнему влекут иные женские тела. Гала освобождает себя от обязательств перед мужем.

Она уезжала из дома и снова возвращалась. В ее жизни было немного мужчин и еще меньше — в ее постели, ровно столько, чтобы не страдало ее тело и успокоились нервы. Как правило, это были не те мужчины, которые могли глубоко тронуть ее сердце, но все же и не такие, чтобы потом презирать себя за эти связи. Она переходила от одного мужчины к другому, меняя партнеров, как в танце. В который раз, как когда-то в Клаваделе, когда она

танцевала с незнакомцем в таверне, она наблюдала одно и то же. Только что они были вместе, жар мужского желания еще бродил в клеточках ее тела, как вот уже он смотрел на нее без любования и трепета, глаза становились тусклыми, во всем облике — не сожаление или печаль утраты, но холодная отстраненность. Еще недавно они были единым целым, порой, сейчас же между ними пролегла пропасть отчуждения.

Чтобы окунуться в по-настоящему теплые любовные объятия — она предприняла поездку в Россию. Ей так хотелось увидеть отца, спросить: как ей быть? Никогда она никому и ничего не расскажет о той поездке. Она не застала никого, кого знала прежде. Все и всё в советской России стало ей чуждым, казалось нелепым в своей ажиотажной веселости и ужасающей бедности. Отец замкнулся в важности своей новой должности. Мать... Они давно стали друг другу чужими. Зато Поль все звал и звал ее обратно в Париж, обещая, дразня своей непреходящей любовью. Он писал ей, что порвал с Максом.

«Макса я больше не увижу. НИКОГДА».

«Моя обожаемая, моя красавица, я скучаю без тебя до смерти. Все пусто, остается лишь целовать твою одежду. Как не хватает мне твоего тела, твоих глаз, твоих губ, вообще твоего присутствия. Ты — единственная, я люблю тебя испокон веков. Все печали, которые выпали мне, не имеют значения. Моя любовь, наша любовь сжигает их... К твоему возвращению я хочу приготовить сказочные наряды... Я достану для тебя все, что можно достать, все самое лучшее. Не отсутствуй, по возможности, слишком долго. Возвращайся поскорее. Без тебя я теперь ничто. Все другие желания я осуществляю во сне. А желание, влекущее меня к тебе, — наяву...»

Она с радостью кинулась в иллюзию счастливого воссоединения, зная, чувствуя, что уже не сможет вернуть себе былую любовь. Слишком много боли было в прошлом... Не желая мстить, она все же идет теми же путями, по которым блуждал Поль. Может, таким образом она сможет вернуться к нему? Вдруг, узнав множество мужчин, как когда-то Поль множество женщин, она сможет снова полюбить мужа, как любила когда-то? Может, уравнив неверности, она вернет веру в их скрепленное венцом супружество?

Но о каком благополучии может идти речь, если Поля не оставляют мечты о множественных вариациях в их союзе! Он

обожают сексуальные эксперименты и игры с несколькими персонажами. Оставив Гайяра наедине со своей женой в номере отеля, он возвратился к любовнице. У Гала начался недолгий и довольно унылый роман с еще одним поэтом.

Вскоре Поль написал ей:

«Мы будем жить любовью, только любовью... Прилагаю стихотворение... Можешь показать Гайяру, его это интересует. Я одурел от возбуждения, от мечтаний о тебе:

НАГАЯ

Глаза губы

И колена раскрыты.

Получил телеграмму Гайяра. Пускай даст тебе рисунок, фотографии и рукопись — для меня. Пойми и дай ему понять, что я хотел бы, чтобы иногда мы обладали тобой вместе, как было условлено».

От перестановки мест слагаемых сумма не меняется? Нет, у любви иные законы, нежели в арифметике.

* * *

Гала стала испытывать неприязнь к Полю. Чем больше он говорил ей о любви, тем больше это ее раздражало. Весной он сообщил ей, что собирается принять приглашение Макса провести вчетвером с ней и Марией-Бертой лето в Аркашоне. Она возненавидела его за одну только мысль, что примет участие в этом квартете. Тогда Поль предлагает провести с ней некоторое время в Кадакесе, что ж... Гористая местность ей по нраву.

Был август 1929 года, жаркое ясное солнце Каталонии приветствовало их. Дорога — неровная, петляющая, как козья тропа, карабкалась вверх, то открывая вид на оливковую рощу, то прижимаясь к скале, давала возможность заглянуть в пропасть обрыва. Через открытые окна машины доносилась изысканная смесь запахов от жара прогретой земли и высушенных на солнце трав.

— Ты меня любишь? — вдруг спросил Поль.

Ей бы ответить: «Нет, утке нет. Поздно спрашивать о любви. Я хочу умереть». Но она ответила, как он и ожидал:

— Да, Поль. Я люблю тебя.

— Ты веришь, что мы сможем вновь стать счастливыми?

Она кивнула и отвела взгляд. Выжженный солнцем пейзаж наводил на нее еще большую тоску.

— Да не хмурься ты так, Гала. Будет весело. Собралась

интересная компания: Магриты, Гоэманс, Бунюэль. Да и сам Дали — преинтереснейший типаж. Уверяю тебя, мы хорошо проведем время. Тем более сухой воздух и морские купания очень полезны и для нас с тобой, и для Сесиль.

— Я что-то сказала против? Райский семейный отдых — я об этом и не мечтала, — ответила она, и Поль успокоился, несмотря на тон, которым она произнесла эти слова. Ей хотелось настроить себя на необходимость смирения, а он в очередной раз показал, какую трудную задачу она взяла на себя.

Позже, когда они устроились в деревенской гостинице «Мирамар» и она, скинув с отяжелевших от долгой дороги ног туфли, босиком подошла к окну, чтобы насладиться пейзажем, Поль вновь задал тот же вопрос:

— Гала, моя Галочка, ты меня любишь?

И тут она осознала, что ей не по силам будет продолжать играть страстную влюбленность. И одновременно к ней пришла уверенность, что в этих суровых местах, где царствует испепеляющее солнце, ей проще будет уйти. Уйти навсегда. Не броситься со скалы, как Гайяр, самоубийство — тягчайший из грехов, а оступиться и, не удержав равновесие, разбиться о скалы. Она представила себе высокую каменистую стену утеса, поросшую кустарником и жесткой травой, на вершине которого можно было бы гулять. Надо устроить так, чтобы Сесиль с Полем уехали, а она с кем-нибудь поднялась наверх. И там... Нужно сделать так, чтобы она погибла. Как это произойдет, она не могла представить в деталях, но уже видела своим мысленным взором, как ее тело летит вниз, а упав, разбивается, разлетается на куски; претерпев короткую боль, она навсегда избавится от нескончаемой душевной муки.

Страх вдруг сковал все ее члены, и она еле сдержала себя, чтобы не закричать. И тут же, приложив руки к бешено стучащему сердцу, стала успокаивать себя: нет, не сейчас, не сегодня, когда-нибудь... Но раз она решила покончить со всем на свете, она сможет без ропота принимать многословие мужа, его назойливые приставания. Если ее конец предreshен и это лишь вопрос времени, то она оставит о себе лишь приятные воспоминания. На время она станет той Гала, какой он хочет ее видеть.

Когда ночью они легли в постель, он попросил:

— Гала, сделай так, как только ты можешь, — и, окунув руку в ее волосы, стал клонить ее голову. Она нырнула меж его расставленных ног и ласкала его, целовала, баловала... и ей это доставляло удовольствие, ведь она знала — ее конец близок.

Отдыхая после любви, он обнял ее и заговорил:

— Дорогая моя Гала, я люблю тебя бесконечно. Я не верю в

жизнь, верю только в тебя. Тот мир, что принадлежит мне и неотделим от смерти, доступен мне, только если я вхожу в него вместе с тобой. Я существую лишь в твоих объятиях. Меня призывают твои глаза, твоя грудь, твои колена, меж них я никогда не угасну. Все остальное — величайшее убожество, способное лишь обратиться в прах...

Она уже не слушала его. Слишком много слов было сказано им, слишком много. Он же не хотел слышать ее.

* * *

Не сегодня, — сказала она самой себе, глядя на сверкающую гладь моря. — Пройдет день, два... Может, в сентябре или ноябре? Небо затянут тучи, пойдут дожди, камни станут скользкими. Она решилась. Вопрос времени, не более того. Как близок горизонт! Вот бы взмахнуть руками и полететь...

Она оглянулась. В нескольких десятках шагов от нее стоял маленький испанец с подкрученными усами и напояженными бриллиантином волосами. Всю дорогу Поль с восторгом рассказывал ей о странностях Сальвадора Дали, его творчестве, об особой философии, о поклонении Ницше и Эйнштейну. О его участии в съемках более чем неординарного фильма «Андалузский пес». Поль восхищался испанцем, считал его гением. Гала не разделяла этого его восторга перед мальчишкой с внешностью пошлого танцовщика аргентинского танго. Испачканные экскрементами трусы, изображенные им на картине «с такой милой естественностью» — это что, особая одаренность? Скорее можно диагностировать копрофагию. Любитель экскрементов вчера даже не сумел поддержать разговор, только хохотал как сумасшедший. От гениальности до безумства — один шаг?.. Но достаточно ли испанец безумен, чтобы осуществить то, что она задумала?.. Может, именно этот странный мальчишка сможет дать ей освобождение?

Гала сделала движение рукой, будто приветствуя его. Малыш втянул голову в плечи и, согнув ноги в коленях, чуть присел, будто хотел спрятаться. Гала улыбнулась его ребячливому смущению. Похоже, на Дали можно рассчитывать...

Гала села за стол. Сесиль уже позавтракала и убежала со своими новыми подружками на лужайку. Небо радовало глаз чистотой лазури. Настоящим удовольствием было посидеть на утреннем солнышке, потягивая маленькими глоточками очень крепкий кофе, и кусать мягкие бисквиты с персиковым джемом.

Лицо Поля так и сияло счастьем.

— Гала, тебе здесь нравится? Я вижу — тебе хорошо. Замечательные бисквиты, ты не находишь? М-м-м-м... — пальчики оближешь. Еда мне всегда кажется вкуснее после ночи любви. Ты была великолепна, дорогая. Ты самая лучшая. Я тебя обожаю. Ты еще побалуешь меня, а, Гала? Моя милая женушка, скажи, что ты будешь умницей.

— Буду.

— Давай сегодня днем приляжем. Во время сиесты. Ты знаешь, в этих краях все спят после обеда. Самое жаркое время. Все пусть спят, а мы займемся любовью, а?

— Если будет желание.

Она уговаривала себя не кипятиться, продолжать радоваться тишине, теплу и не раздражаться из-за его болтовни.

— Гала, Галочка, ты помнишь, как вчера у нас с тобой хорошо получилось?

— Угу.

— Ты моя малышка, ты моя красавица. Ты лучше всех. Как тебе, кстати, показался Сальвадор?

— Психопат.

— Он немного странный...

— Поль, давай немного помолчим, — прервала она его. — Здесь так хорошо. — Она попыталась погрузиться в созерцание пейзажа. Места вокруг были дикие, нетронутые, отмеченные особой суровостью прожженного солнцем юга. Гала укреплялась в мысли, что здесь она сможет расстаться с жизнью с наименьшими страданиями.

Их времяпрепровождение в Кадакесе оказалось не совсем таким, как она ожидала. Они много времени проводили на пляже, купались в море, отдыхали в тени скал. Казалось, она забыла о своем решении. Поль снова был рядом с ней. Раздражение ушло, уступив место покою. Время от времени она гуляла по краю обрыва, привыкая к мысли о последнем полете, способном избавить ее от бесполезной пустой суеты, в которую превратилась ее жизнь. Но она не могла не отметить, как внимателен к ней Поль, не замечать его сияющих глаз, его нежности и всего того, что он делал, чтобы угодить ей. Происходило ли это от того, что рядом с ними были столь же внимательные друг к другу Рене и Жоржет Магриты, или Поль действительно рад провести время с семьей? Или все дело было в солнце, море, вине и будоражащих разговорах с друзьями? Несколько раз ей даже случалось воссоздавать в своем воображении картины из прошлого, исполненные чистоты и невинности. Поль появлялся в них то

робким юношей, прячущим за спину сентиментальный роман, то бледным от застенчивости Пьеро, то решительным мальчуганом, отстаивающим перед матерью свое право на свидание. И эти воспоминания о первых чувствах, вспыхнувших в Клаваделе, странным образом будоражили ее душу. Ее взгляд переходил с крутого обрыва на его одухотворенное лицо с тонкими чертами, затем на узкие плечи, длинные руки с изящными пальцами... О, это такое волнующее, требовательное к себе тело! В минуты, когда она смотрела на него с этой безысходной тоской, Поль улыбался ей и, склонившись к самому уху, шептал: «Ты все для меня. Глаза, которые я люблю, грудь, которую я люблю, лоно, которое я люблю, прекрасные руки... какое блаженство дарит мне твое наслаждение...». Его слова возбуждали в ней желание. Они поднимались к себе в номер. И простыни становились влажными от их разгоряченных в любовной баталии тел.

И все же она знала, что совсем скоро все закончится. Каждый раз, когда она всматривалась в его лицо, она готова была встретить его опустошенный, отстраненный взгляд. Но пока она видела перед собой влюбленного мужчину. Поль улыбался и тянул ее за собой.

— Гала, Гала. Моя карнавальная девочка. Моя вакханка. Обожаю тебя. Всю, всю, всю...

И они опять оказывались в гостиничной кровати. И она снова ублажала его. Его глаза пылали, губы были жаркими и сухими, тело скользило от пота. Она задыхалась под ним в ожидании, когда он с коротким всхлипом замрет на секунду и освободит ее.

И вот этот его отрезвляюще-холодный взгляд! Отстраненный, отталкивающий, чужой. Поль не ночевал в отеле. Вернувшись утром, он остался спать в номере, на пляж они с Сесиль отправились вдвоем. Встретились они только ближе к вечеру.

— Я собираюсь обратно в Париж. Как ты? Останешься или со мной поедешь? — спросил Поль. По тону, каким был задан вопрос, она поняла, что он хочет, чтобы она осталась.

— Думаю, нам не стоит разлучаться, — сказала она, отметив про себя, как он весь напрягся.

— Я думаю, тебе не стоит торопиться в Париж. Сесиль здесь нравится. Сальвадор будет тебе компанией.

Он зажег сигарету и, развалившись в кресле, вытянул ноги.

— Надо купить у Дали несколько картин. Что-то есть в этом испанце, определенно. Потом мы сможем перепродать картины. Я думаю, это неплохое вложение. Твое мнение?

— Мне все равно.

Он с раздражением потушил сигарету.

— Я хочу, чтобы ты отобрала картины, которые, ты считаешь, стоит купить. Я доверяю твоему вкусу и твоей интуиции. И хорошенько поторгуйся с Дали. Мне кажется, он немного влюблен в тебя.

— Оставь...

Они долго сидели молча, ей не хотелось продолжать разговор. Поль снова закурил. Она ждала, когда он нарушит молчание. От того, что он скажет, будет зависеть, как ей поступить со своей жизнью.

— Мы можем вернуться вместе, — наконец сказал он, глядя куда-то в открытое окно. — Если хочешь непременно быть со мной, я отошлю Яблочко.

Ей захотелось рассмеяться.

— Ты до сих пор с этой немочкой? — Она не смогла скрыть иронии.

— Она очень мила и обожает меня, — почему-то поспешно стал оправдываться он. — Она очень красива. У нее богатое любовное воображение...

— Не хочу больше ничего знать.

— Но если ты скажешь, Яблочко уедет. Но затем тебе придется быть в полном моем распоряжении. Не оставлять меня. Не покидать до тех пор, пока я не смогу вернуть ее.

Гала молчала.

— Кстати, Дали сказал, что хочет показать тебе одно место на побережье. Неужели тебя маленький испанец не заинтриговал? Мне кажется, наш местный гений много лучше Гийома. По крайней мере не хнычет, не стонет — смеется.

Гала продолжала молчать.

— Он будет ждать тебя около шести у камня.

Молчание над ними сгустилось, как туман.

— Все же он очень странный, — играя в веселость, так же громко продолжил Поль. — Сказал, что сегодня у него с собой будет зеленый виноград. Интересно, что это значит?

Гала медленно выпрямилась, обвела глазами неприбранную кровать со смятыми простынями и, бросив взгляд в его сторону, пошла к двери. В светлом до полу платье, с оголенными загорелыми плечами, она на некоторое время замерла на пороге и, не обернувшись, вышла за дверь. Не она сама, ее Поль подписал ей смертный приговор. Сумасшедший испанец приведет его в исполнение.

Послесловие

«Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим о себе и обо всем прочем»

Стоял сентябрь. Друзья-сюрреалисты, уехали в Париж. И Элюар тоже. Гала осталась в Кадакесе. С каждой новой встречей мы как бы говорили себе: «Пора с этим покончить». Начался сезон охоты, и наши прогулки сопровождались выстрелами, отраженными гулким горным эхом. Чистое и ясное августовское небо исчезло, пришли спелые осенние облака. Скоро будем собирать плоды нашей страсти. Сидя на куче камней, Гала ела черный виноград. И становилась прекрасней с каждой ягодой. Виноград таял, и тело Гала казалось мне созданным из мякоти белого муската. Завтра? Мы думали об этом непрерывно. Принося ей гроздь, я давал ей выбирать: белый или черный,

В решающий день она оделась в белое и такое тонкое платье, что, увидев ее рядом на тропинке, я вздрогнул. Дул сильный ветер, и я изменил наш маршрут, повернув с Гала к морю, к скамье, высеченной в скале и укрытой от ветра. Это было одно из самых пустынных мест в Кадакесе. И сентябрь повесил над нашими головами серебряную подкову луны. У нас в горле стоял ком. Но мы не хотели плакать, мы хотели покончить с этим. У Гала был решительный вид. Я обнял ее:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

Волнение мешало ей говорить. Она пыталась несколько раз, но не могла. Слезы текли по ее щекам. Я настаивал на ответе. Тогда, разжав зубы, она сказала тонким детским голоском:

— Если вы не захотите это сделать, не говорите об этом никому!

Я поцеловал ее приоткрывшиеся губы. Я никогда еще так не целовался, так глубоко, и не думал, что такое может быть. Все мои эротические «Парсифали» пробудились от толчков желания в так долго подавляемом теле. Этот первый поцелуй, в котором столкнулись наши зубы и сплелись наши языки, был лишь началом голода, который побуждал нас вкушать и поедать из глубины самих себя. Так я пожирал ее рот, кровь которого смешалась с моей кровью. Я исчезал в этом бесконечном поцелуе, который разверзся подо мной, как бездна водоворота, в который меня затягивало преступление и который, я чувствовал, грозил проглотить меня...

Я оттянул голову Гала за волосы и истерично велел ей:

— Немедленно скажите мне, что вы хотите, чтобы я с вами сделал. Ну скажите же мне, тихо, глядя в глаза, самыми безжалостными словами, самыми непристойными, пусть даже будет стыдно нам обоим!

Я не хотел упустить ни одной детали этого разоблачения, таращил глаза, чтобы лучше видеть, чтобы лучше чувствовать, как я умираю от желания. Лицо Гала приобрело самое прекрасное выражение, какое только может быть у человека, и оно показало мне, что нас не спасет ничто. Мое эротическое влечение довело меня в этот миг до уровня слабоумия, и я повторил:

— Что-вы-хо-ти-те, что-бы-я-сде-лал-с-ва-ми?

Ее лицо изменилось, стало жестким и повелительным:

— Я хочу, чтобы вы вышли из меня дух.

Никакое толкование в мире не могло изменить смысл этого зова, который выражал то, что хотел выразить.

— Вы сделаете это? — спросила она.

Меня поразило и разочаровало, что мне предложили в дар мою собственную «тайну» вместо эротического предложения, которого я ждал от нее. Растерявшись, я не сразу ответил. И услышал, как она повторила:

— Вы сделаете это?

Ее дрогнувший голос выдал ее колебания. Я овладел собой, боясь разочаровать Гала, рассчитывающую на мое безумство и отвагу. Я обнял ее и торжественно сказал:

— Да!

И снова крепко поцеловал ее, в то время как внутренний голос твердил во мне: «Нет, нет, я не убью ее!» Этот поцелуй Иуды, лицемерие моей нежности, оживил Гала и спас мою душу. Гала стала объяснять мне подробности своего желания. И чем больше она объясняла, тем больше охватывали меня сомнения. Я говорил себе: «Еще не сказано окончательно, что она просит меня убить ее!» Но никакая щепетильность нравственного порядка не могла мне помешать. Мы достигли согласия, и преступление легко можно было бы выдать за самоубийство, особенно если бы Гала заранее оставила мне письмо, раскрывавшее подобные намерения. Она описывала сейчас свой страх «часа смерти», мучивший ее с детства. Она хотела, чтобы это произошло, и она не узнала ужаса последних мгновений. Мысль молнией обожгла меня: а если сбросить ее с высоты башни Толедского собора? Я уже думал об этом, поднимаясь туда с одной из самых красивых своих подруг мадридского периода. Но эта идея не понравилась Гала: она боялась испугаться за время долгого падения. И потом — как бы я объяснил свое присутствие с ней рядом наверху? Простая процедура с ядом не подошла еще больше, и я постоянно возвращался к своим

роковым пропастям. На миг я возмечтал об Африке, которая казалась мне особенно благоприятной для преступлений такого рода, но отказался и от этой идеи. Там было очень жарко. Я отвлекся от поиска смертельных уловок и перенес свое внимание на Гала, которая говорила с исключительным красноречием. Ее желание умереть в непредсказуемый и счастливый миг жизни не было вызвано романтическим капризом, как можно было бы подумать. С самого начала я сразу же понял, что это было, наоборот, жизненно важно для нее. Ее восторг не мог оставить никаких сомнений по этому поводу. Идея Гала была смыслом ее психической жизни. Она сама могла бы раскрыть истинные причины своего решения. Несмотря на ее позволение, я отказываюсь раскрыть ее тайную жизнь. В этой книге один-единственный колесованный, четвертованный и распятый, с содранной заживо кожей — и пусть это буду я. Я делаю это не из садизма или мазохизма, а из самовлюбленности. Я только что видел Гала, терзаемую муками. И вот она явилась мне еще прекраснее, еще величественнее и горделивее. И я еще раз сказал себе: она права, еще не было сказано, что я этого не сделаю...

Сентябрь «сентябрил» вино и луны мая, луны сентября превратили в уксус май моей старости, опустошенной страстями... Горечь моего отрочества под сенью колокольни Кадакеса высекала в новом камне моего сердца: «Лови момент и убей ее...» Я думал, что она научит меня любви и что потом я снова буду один, как всегда желал. Она сама этого хотела, она этого хотела и потребовала от меня. Но мой энтузиазм дал трещину. «Ну что с тобой, Дали? Тебе подарили случай совершить твое преступление, а ты его больше не хочешь!» Гала, хитроумная красавица из сказки, по своему желанию неловким ударом меча отсекла голову восковой кукле, которую я с детства видел на своей одинокой постели, и мертвый нос только что впрыгнул в сахар, обезумев от моего первого поцелуя! Гала спасла меня от моего преступления и излечила мое безумие. Спасибо! Я буду любить тебя. Я женюсь на тебе.

Истерические симптомы исчезли один за другим как по волшебству, и я снова стал хозяином своей улыбки, своих движений. Здоровье, как роза, расцветало в моей голове. Проводив Гала до вокзала в Фигерасе, где она садилась на свой парижский поезд, я воскликнул, потирая руки:

— Наконец-то один!

Ведь если мои смертельные детские головокружения были излечены, требовалось время, чтобы излечиться от моего желания одиночества.

— Гала, ты реальна!

Я часто думал об этом, сравнивая ее, создание из плоти и крови, с идеальными образами моих псевдолюбвей. И с трудом натягивал ее шерстяную пляжную майку, которая немного сохранила ее запах. Я хотел знать ее, живую и естественную, но мне требовалось также время от времени оставаться одному. Новое одиночество показалось мне более достоверным, чем прежде, и я полюбил его еще больше. На целый месяц я заперся в фигерасской мастерской и вернулся к моей монашеской жизни, завершая портрет Поля Элюара и еще два полотна, одно из которых станет очень известным. Оно изображало большую мертвенно-бледную и восковидную голову с розовыми щеками и длинными ресницами, Огромный нос упирался в землю. Вместо рта был кузнечик, брюшко которого, разлагаясь, кишело муравьями. Голова заканчивалась орнаментацией в стиле девятысотых годов. Картина называлась «Великий Мастурбатор».

Законченные произведения я передал фигерасскому столяру, который упаковал их с маниакальной заботой, чего я от него и требовал. Этого человека поистине следует внести в список моих безвестных мучеников. Я уехал в Париж, где с 20 ноября по 5 декабря должна была состояться моя выставка в галерее Гойманса. Первое, что я сделал по приезде, — купил цветы для Гала. Я зашел к цветочнице и спросил, что у нее лучше всего. Мне посоветовали алые розы. В вазе стоял огромный букет. Указав на него, я справился о цене.

— Три франка, сударь.

— Дайте мне десять таких.

Продавицу ужаснул этот заказ. Она не знала, найдется ли у нее такое количество. Но я настаивал на своем, и она быстро подсчитала, пока я писал записочку для Гала. Я взял счет и прочел: «3000 франков». У меня с собой не было столько, и я попросил объяснить тайну такой цены. Букет, на который я показал, состоял из ста роз, по три франка каждая. А я думал, что три франка стоит букет.

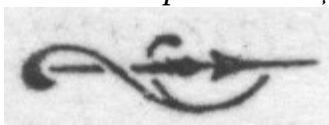
— Тогда дайте мне на 250 франков!

Больше у меня с собой не было. Полдня я бродил по улицам. Мой обед состоял из двух перно. Затем я отправился в галерею Гойманса, где встретил Поля Элюара, который сказал мне, что Гала ждала меня и была удивлена, что я не назначил час нашей встречи. А я так и намеревался бродить несколько дней в одиночестве, радуясь сладострастному удовольствию ожидания. Наконец, вечером я нанес визит Гала и остался на ужин. Гала лишь на миг показала свое недовольство, и мы сели за стол, уставленный невероятным кортежем разнообразных бутылок. Алкоголь, выпитый в Мадриде, встал в могиле моего дворца, как

мумия Лазаря, которому я скомандовал: «Иди!» И она пошла, к испугу всех людей. Это возрождение вернуло мне утраченное красноречие. Я велел мумии: «Говори!» — и она заговорила. Это было открытие — обнаружить, что, кроме картин, которые я был способен писать, я не был законченным идиотом во всех других отношениях. Оказалось, что я могу еще и говорить, и Гала с преданным и настойчивым упорством взялась убедить друзей-сюрреалистов, что я способен писать даже философские тексты, содержание которых обгоняло предвидение группы. В самом деле, она собрала в Кадакесе отрывочные и непонятные тексты, которым ей удалось придать связную «форму». Эти заметки были уже довольно развитыми, я восстановил их и собрал в поэтический и теоретический сборник, который должен был выйти под названием «Видимая Женщина». Конечно, «видимой женщиной» моей первой книги была Гала. Идеи, которые я излагал в книге, были встречены в сюрреалистической группе недоверчиво, а порой даже враждебно. Гала, между прочими делами, должна была сражаться, чтобы мои идеи были хотя бы приняты к сведению самими расположенными к нам друзьями. Все уже бессознательно догадывались, что я пришел разрушить их революционные попытки — их же собственным оружием, но более грозным и лучше отточенным. Уже с 1929 года я выступал против «интегральной революции», развязанной суетой этих послевоенных дилетантов. С таким же жаром, как и они, пускаясь в самые разрушительные и безумные умозрительные построения, я с коварством скептика готовил уже структурные основы будущих исторических ступеней вечной традиции. Сюрреалисты, создавшие группу, казались мне единственным средством, которое служило бы моим целям. Их лидер Андре Бретон был, на мой взгляд, незаменим в главной роли. Я пробовал было править, но мое влияние было бы скрыто оппортунистическим и парадоксальным. Выжидая, я изучал свои сильные места и слабые точки, а также достоинства и недостатки моих друзей, ибо они были моими друзьями. Я поставил перед собой аксиому: «Если ты решишь воевать ради собственной победы, неумолимо разрушай тех, кто схож с тобой. Всякий союз обезличивает. Все коллективное означает твою гибель. Воспользуйся коллективом себе на пользу и потом наноси удар, ударь сильно и оставайся один!»

Я остался один, но постоянно с Гала. Любовь сделала меня снисходительным и великодушным. Меня переполняли завоевательские планы, но вдруг они показались мне преждевременными. И я, самый амбициозный из современных художников, решил уехать с Гала в свадебное путешествие ровно за два дня до открытия моей первой выставки в Париже, столице

художников. Так я даже не увидел афишу моей первой выставки. Сознаюсь, что в путешествии Гала и я были так заняты своими телами, что почти не думали о моей выставке, которая была уже нашей выставкой. Наша идиллия разворачивалась в Барселоне, затем — на соседнем курорте Ситчесе, пустынный пляж которого сверкал под зимним средиземноморским солнцем.

Ее настоящее имя было Елена Дьяконова, она не отличалась красотой и не обладала большим состоянием, так что жизнь не сулила девушке ничего хорошего... К тому же врачи поставили ей страшный диагноз — туберкулез. На последние деньги мать отправила ее на лечение в Швейцарию. Никто не знает, где и как произошло чудо: нескладная девочка исчезла, на свет появилась женщина-легенда с таинственным именем Гала... Муза и главная героиня картин Сальвадора Дали. Но их встреча еще впереди. Она покорила поэта Элюара, скульптора Макса Эрста и многих других... Но ни для кого из них не была просто любовницей или женой... Гала вела за собой, вдохновляла и сводила с ума... Кто она — ангел или демон? Тайна Галы не разгадана до сих пор...